Etat magnétique; Mémoires; Questions sur la vie générale et locale; Providences; Philosophie de l'immortalité

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КО II-МУ ТОМУ

ГАРМОНИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ

МОИ РАННІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

(Извлечено изъ II-го т. Гармонич. Фил.)

МАГНЕТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ

(Извлечено оттуда же)

ВОПРОСЫ, КАСАЮЩІЕСЯ ОБЩЕЙ И МѢСТНОЙ ЖИЗНИ

(Извлечено изъ соч. «Пенетралія»)

БЫВАЮТЪ ЛИ СПЕЦІАЛЬНЫЯ ПРОВИДѢНІЯ?

ФИЛОСОФІЯ БЕЗСМЕРТІЯ

(Извлечено изъ II-го тома Гармонической Философіи)

Соч. **А. Девиса**

Переводъ **М. Афанасьева**

DEPOT GÉNÉRAL A GENÈVE
LIBRAIRIE M. ELPIDINE, RUE DES ALPES, 3
1886

№ 19436

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

HE FREE AGE PRESS,
ROLE LIBRE
ODROYE ELOVO,
A. TCHERTKOFF,
CHRISTCHURCH, HANTS,
ENGLAND.
0086
ДЕНР.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

(Ко II-му т. Гармонической Философіи: «Учитель»).

Согласно съ своимъ заявленіемъ въ первомъ томѣ «Великой Гармоніи», авторъ передаетъ здѣсь міру второй томъ. И вновь онъ чувствуетъ въ себѣ побужденіе повторить, что онъ вовсе не желаетъ, чтобы на него смотрѣли какъ на какого нибудь «непогрѣшимаго учителя» науки и философіи; а напротивъ, онъ предлагаетъ свои раскрытія на судъ интуиціи (непосредственное воззрѣніе) и Разума человѣческой души. Онъ чувствуетъ, что на немъ лежитъ обязанность посвятить свою жизнь и свои внутреннія силы для увеличенія человѣческаго прогресса, счастья и духовнаго просвѣщенія, для индивидуализаціи соціальнаго гармонизированія. И чтобы пріобрѣсть средства и принципы, необходимые для достиженія этихъ святыхъ цѣлей, онъ впечатлѣнъ (на сколько его способности дозволятъ ему это только) разслѣдовать Естественныя, Духовныя и Небесныя отдѣленія Универсальнаго Храма Бога, изложить и доставить соотвѣтственное и руководящее примѣненіе такихъ общихъ истинъ, которыхъ физическая и духовная организація человѣка явственно требуетъ.

При разсматриваніи содержанія здѣсь помѣщенныхъ главъ, будетъ замѣчено, что авторъ присоединилъ и къ этому тому, какъ онъ это сдѣлалъ въ первомъ томѣ, многія главы, которыя были изданы уже прежде. Настоящій томъ носитъ оглавленіе: «Учитель», по той причинѣ, что большая часть

его содержанія относится въ особенности къ всеобщимъ предметамъ и интересамъ ежедневной жизни. Судя по объему рукописи, которая находится у автора, и въ виду того, что онъ еще намѣревается написать объ этомъ предметѣ, слѣдуетъ предположить, что глава, которая касается Божества, должна продлиться до средины третьяго тома. И причина, которую онъ впечатлѣнъ привести, почему настоящее сочиненіе не посвящено вполнѣ изслѣдованію этого возвышеннаго и священнаго предмета, состоитъ въ томъ, что природа и пространность предмета, особенно въ его выводныхъ отдѣлахъ; дѣлаетъ его черезъ чуръ тяжелымъ и неспособнымъ къ тому разнообразію, которое является существеннымъ условіемъ для благополучія каждаго изданія.

Въ первой главѣ, послѣ извѣщенія о прошлыхъ наблюденіяхъ автора, найдутся различныя свидѣтельства, которыя относятся къ его силамъ и навыку ясновидца или субъекта внутренняго освѣщенія. И тѣ, которые пожелали бы большаго разъясненія этого пункта, могутъ удовлетвориться прочитавъ извѣщеніе, заключающееся въ первомъ произведеніи автора «Принципы природы и ея Божественныя откровенія» и т. д. Что касается до сочиненій автора, то тутъ существуетъ большое разногласіе въ мнѣніяхъ. George H. Lee, M. D., по истинѣ прямой и честный писатель, замѣчаетъ по отношенію къ нимъ слѣдующее:

«Много критиковъ употребили свои дарованія, чтобы проанализировать (разобрать) смыслъ книги, извѣстной подъ заглавіемъ «Божественныя Откровенія Природы». Можетъ, ихъ выводы по отношенію къ заслугамъ этой книги, въ нѣкоторомъ отношеніи правильны, а въ другомъ нѣтъ; однако всѣ должны бы согласиться, что г. Девисъ не признаетъ непогрѣшимости ни въ себѣ, ни въ какомъ либо другомъ человѣческомъ существѣ. Онъ говоритъ: «да будетъ, поэтому, то, чему я впечатлѣнъ учить, признано вѣрнымъ, или отвергнуто какъ ошибочное, смотря по тому какъ говоритъ вамъ ваша способность сужденія»; и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «я знаю, что наравнѣ съ другими я непремѣнно долженъ подвигаться впередъ въ развитіи, поэтому я не обѣщаю, что буду завтра непремѣнно вѣрить въ то, во что я сегодня вѣрю, такъ какъ я тогда могу стать болѣе свѣдущимъ»!

Несомнѣнно, что писанія г. Девиса, подобно произведеніямъ всѣхъ прочихъ писателей, могли быть порождены лишь индивидуальностью его собственнаго ума. Написанныя идеи каждаго изъ нихъ суть въ извѣстной мѣрѣ выраженія ихъ собственной индивидуальности, или символъ (образъ) ихъ собственной особенной инспираціи (воодушевленія, наитія). Различныя книги библіи носятъ очевидный отпечатокъ индивидуальнаго духа лицъ, которыми онѣ были написаны. Отсюда возникаютъ различнаго рода стили и образы выраженія, которые и въ нихъ замѣчаются. Моисей, Давидъ, Исаія и св. Павелъ, всѣ имѣли свои особенный стиль, согласный съ мѣрою и степенью ихъ вдохновенія. Тоже самое и съ новыми писателями, поэтами и теологами.

«Одни оспариваютъ содержаніе и смыслъ заглавія произведенія: «Божественныя Открытія Природы». Въ отвѣтъ на это позвольте спросить: развѣ видимая и невидимая Природа не есть полное воплощеніе Божественнаго Духа, изъ которыхъ одна представляетъ внѣшнія Откровенія, а другая внутреннія?—и не есть ли этотъ томъ снимокъ съ Природы во всѣхъ ея разнородныхъ формахъ и безконечныхъ развѣтвленіяхъ, а равно и копія Бога въ неизвѣданныхъ глубинахъ его любви, власти и мудрости? Если это такъ, то этотъ томъ имѣетъ вполнѣ тотъ характеръ, который указывается въ его заглавіи.

«Я не сталъ бы защищать недостатки г. Девиса, если бы они на самомъ дѣлѣ существовали. Пожалуйста укажите ихъ намъ, только добросовѣстнымъ и честнымъ образомъ. Но мы вынуждены смотрѣть на его сочиненія какъ на торжество ясновидѣнія, и если мы подумаемъ при этомъ, что онѣ суть произведенія ничему почти неучившагося молодаго человѣка, и потомъ взглянемъ на его глубокую философію, на его далеко простирающуюся силу мышленія и разума въ связи съ его чрезвычайно прекраснымъ образомъ изложенія, то мы должны сказать, что все это вмѣстѣ образуетъ величайшее чудо нашего вѣка. Можетъ ли исторія рода человѣческаго привести другой примѣръ человѣка, который безъ школьнаго образованія и въ такомъ молодомъ возрастѣ настолько бы возвысился, что сталъ превосходнымъ писателемъ въ области самыхъ отвлеченныхъ мета-

физическихъ наукъ — и раскрылъ въ нихъ изумительнѣйшіе источники мыслей и свѣдѣній, для полученія которыхъ обыкновеннымъ путемъ, прочіе люди должны бы потратить большую часть своей жизни? Спрашиваю, можетъ ли исторія ясно указать хотя на одинъ случай, который бы могъ сравниться съ этимъ? И оцѣнили ли до сихъ поръ люди какъ слѣдуетъ это изумительное развитіе духовной силы?»

По отношенію къ видѣнію, содержащемуся въ главѣ о раннихъ воспоминаніяхъ автора, кажется необходимы нѣкоторыя разъясненія. Въ своемъ первоначальномъ видѣ, она заключала многія утвержденія, которыя не состояли въ согласіи съ явными разоблаченіями автора о полной не-сверхъестественности всѣхъ человѣческихъ событій. Эти утвержденія дали поводъ къ возникновенію не малаго числа извѣстнаго рода критикъ и разсужденій, которыя слѣдуютъ методѣ, обыкновенно примѣняемой коментаторами (толкователями) для примиренія между собой противурѣчій библейскихъ постановленій, и въ особенности для приведенія ихъ въ согласіе съ тѣмъ, что онѣ, по мнѣнію богослововъ, должны обозначать. Пункты вызвавшіе возраженія и относительно которыхъ говорили, что ихъ трудно объяснить по масштабу автора Природы и Разума — были слѣдующіе:

Во первыхъ,—непостижимое исчезновеніе автора, послѣ того какъ онъ самъ заперъ всѣ двери и окна квартиры, о которой молодой человѣкъ, ночевавшій въ смежной комнатѣ, увѣрялъ, что онъ, несмотря на исчезновеніе автора, видѣлъ ее, спускаясь изъ своей спальни въ нижнія комнаты дома, вполнѣ въ одномъ и томъ же положеніи.

Во вторыхъ, — необыкновенное путешествіе, которое какъ авторъ предполагалъ, онъ совершилъ въ короткое время шестнадцати часовъ, — и которое по своей несогласной съ человѣческимъ опытомъ быстротѣ совершенно сверхъестественно.

Въ третьихъ, — странный и повидимому необъяснимый способъ, какимъ онъ перешелъ черезъ рѣку Гудсонъ, чтобы добрести до Катскильскихъ горъ.

Въ четвертыхъ, — его прохожденіе мимо каретъ и другихъ экипажей на своемъ пути въ Паукипси, такимъ об-

разомъ, что онъ могъ видѣть въ нихъ каждаго человѣка, а самъ никѣмъ изъ нихъ не былъ замѣченъ, чѣмъ предполагается, что онъ въ то время былъ невидимкой.

Когда видѣніе, на которое я здѣсь ссылаюсь, было опубликовано въ первый разъ, авторъ чистосердечно признался въ своей неспособности доставить въ то время публикѣ сообразное объясненіе этихъ повидимому сверхъестественныхъ и разнорѣчащихъ утвержденій, выставивъ на видъ, что онъ вѣрно передалъ все то изъ обстоятельствъ видѣнія, что ему припоминается во время его нахожденія во внутреннемъ состояніи, и что подробности относительно дверей, оконъ и пр. онъ разсказалъ по даннымъ молодаго человѣка, который первый замѣтилъ, что онѣ остались затворенными въ то утро, когда появилось видѣніе, изложенное въ первой главѣ.

Около восьми мѣсяцевъ назадъ авторъ получилъ, однако вслѣдствіи новаго внутренняго созерцанія всей этой пережитой исторіи, ясный взглядъ на отдѣльныя частности выше приведенныхъ случаевъ; и по причинѣ ихъ изумительной простоты и совершенной ненадобности въ особенномъ объясненіи таинственныхъ происшествій при его видѣніи, онъ счелъ за лучшее избрать этотъ путь для сообщенія его публикѣ, чѣмъ пріобщить разсказъ о немъ къ главной части своей книги. И надо сказать, что библейскіе комментаторы и умствователи могутъ извлечь изъ сообщеній автора истинно поучительный для нихъ урокъ относительно сверхъестественныхъ происшествій, потому именно, что авторъ неоспоримо и несомнѣнно доказываетъ, что всѣ «чародѣйства и волшебства», если вникнуть въ нихъ внимательно, могутъ быть отнесены къ одной изъ трехъ причинъ, а именно: къ неизмѣннымъ принципамъ Природы; ложному пониманію индивидумовъ и превратнымъ представленіямъ восторженныхъ ревнителей.

Авторъ, послѣ внутренней и вторичной провѣрки упомянутыхъ утвержденій, сообщаетъ, что если его друзья были крайне озадачены его таинственнымъ уходомъ изъ дому въ то время какъ, по утвержденію молодаго человѣка, всѣ окна и двери были плотно заперты, то это случилось потому, что этотъ молодой человѣкъ, желая усилить и безъ того уже возбужденное любопытство согражданъ и пошу-

тить надъ ними, не сказалъ всей правды. Такъ какъ авторъ убѣдился, что вскорѣ послѣ того какъ онъ легъ спать, находясь въ сомнамбульномъ состояніи, онъ всталъ, приготовился выйти, не производя шуму сошелъ по лѣстницѣ, и черезъ заднюю дверь и смежный дворъ дома вышелъ на улицу. Въ этомъ заключается вся тайна этого случая, который далъ поводъ къ такому множеству различныхъ измышленій.

Объясненіе необыкновеннаго путешествія заключается въ томъ фактѣ, что авторъ, какъ онъ послѣ удостовѣрился, былъ отъ Паукипси почти на пять часовъ далѣе, чѣмъ онъ предполагалъ сначала. Это дѣлаетъ его странствованіе совершенно обыкновеннымъ, такъ какъ тоже самое разстояніе прошли многіе хорошіе пѣшеходы въ тоже самое время, хотя и несомнѣнно, что природная скорость ходьбы автора могла значительно увеличиться, вслѣдствіе высшаго возбужденія и силы, которыя магнетизмъ сообщилъ всей его системѣ.

Можетъ быть ни одно обстоятельство этого видѣнія не возбудило больше любопытства и толковъ, какъ загадочный переходъ автора черезъ рѣку Гудсонъ. Но, по изслѣдованіи, онъ нашелъ, что перешелъ черезъ эту рѣку по льду, который въ то время еще не растаялъ. Это очень вѣроятно, если вспомнить, что онъ имѣлъ видѣніе седьмаго марта, въ пору, когда рѣка Гудсонъ у хребта Катскильскихъ горъ бываетъ обыкновенно еще покрыта льдомъ.

Ближайшее таинственное обстоятельство; а именно то, что авторъ былъ невидимъ для проѣзжихъ во все время своего шествія отъ кладбища до Паукипси, тоже вполнѣ объяснимо, и именно тѣмъ, что, по его собственному заявленію, онъ принялъ полетъ своего духа по данному направленію за движеніе тѣла, смѣшалъ его съ хожденіемъ въ своемъ обыкновенномъ состояніи. Онъ былъ еще такъ юнъ въ спиритуальныхъ (духовныхъ) упражненіяхъ и наблюденіяхъ, что иногда ему трудно было еще различать съ точностью пути своего духа, во время его освобожденія въ извѣстной мѣрѣ отъ физическаго тѣла, отъ обыкновенной ходьбы. Это объясняетъ почему онъ замѣчалъ людей въ экипажахъ по дорогѣ къ Паукипси, а самъ остался ими не замѣченнымъ. Онъ открылъ, что его спиритуальныя воспріятія двигались по дорогѣ къ деревнѣ и потомъ возвратились

къ тому кладбищу, гдѣ было оставлено въ мертвоподобномъ состояніи его тѣло, въ которое духъ его опять возвратился; послѣ чего онъ весьма естественно пошелъ домой, но не могъ припомнить послѣднихъ обстоятельствъ въ первомъ повѣствованіи о своемъ видѣніи; по причинѣ сильнаго возбужденія, произведеннаго на его духъ болѣе существенными частями этого любопытнаго опыта.

Авторъ возвѣстилъ о своемъ намѣреніи посвятить слѣдующій годъ публичнымъ лекціямъ и преподаванію принциповъ Гармонической Философіи; потому пусть его читатели не ожидаютъ отъ него къ концу сего года выпуска третьяго тома этого произведенія.

Г-нъ М. П. Амблеръ, издатель «Spirit Messenger (Вѣстникъ Духовъ) дѣлаетъ слѣдующее замѣчательное сравненіе природы съ богословіемъ: «Выраженіе Природа употребляютъ собственно, для обозначенія существующихъ въ цѣломъ универзумѣ безчисленныхъ формъ, какъ видимыхъ такъ и невидимыхъ, которыя суть обнаруженія могущества Творца. Природа содержитъ въ себѣ не только вещи, которыя можно видѣть внѣшнимъ глазомъ, но и нѣжные и тонкіе элементы, которые, по причинѣ ихъ высокаго положенія на прогрессивной лѣстницѣ существованія, лежатъ внѣ предѣловъ человѣческой зрительной силы. Природа обнимаетъ такимъ образомъ все, какъ физическое (тѣлесное), такъ и спиритуальное (духовное); такъ какъ одно есть, собственно говоря, настолько же твореніе Бога, и настолько же необходимо подчинено существующимъ законамъ, насколько и другое. Короче сказать, всѣ вещи цѣлаго универзума могутъ быть собраны въ два великіе отдѣла: — Богъ, Причина—Природа, Дѣйствіе. Поэтому положеніе, что можетъ существовать или существовала какая либо вещь, меньшая, чѣмъ самъ божественный духъ и вмѣстѣ сверхъприродная или превышающая Природу, заключаетъ въ себѣ невозможность и нелѣпость.

«Мнѣ извѣстно, что зданіе старинной Богословіи по большей части основано на случившихся происшествіяхъ, которыя принимались за сверхъестественныя. Но основаніе, принятое ею, настолько же слабо и незащитимо, насколько и сама система невѣрна и ложна. Факты, принятыя за сверхъ-

естественные, разсматривались какъ таковыя, только потому, что законы, на основаніи которыхъ онѣ производились, не были поняты».

Такъ какъ мы стоимъ, такъ сказать, на паперти творчества, то мы можемъ проникнуть только въ небольшую часть его высокихъ таинствъ; и такъ какъ мы не понимаемъ всѣхъ существенныхъ принциповъ, дѣйствующихъ въ Природѣ, то мы наклонны ограничить ихъ предѣлами нашего собственнаго зрѣнія и представить себѣ, что событія, которыя намъ трудно объяснить, должны находиться с в е р х ъ Природы или з а нею, какъ если бы онѣ происходили вслѣдствіе особеннаго дѣйствія божественнаго могущества. Но если мы обрѣтемъ болѣе обширный взглядъ на произведенія Творца, когда мы обсудимъ, что каждая вещь существующая подъ Богомъ, какъ дѣйствіе Его могущества, есть часть Природы, и что творенія спиритуальныя и для внѣшнихъ органовъ чувствъ неосязаемыя управляются законами, на столько же твердыми и неизмѣнными, какъ и тѣ, которые намъ извѣстны въ этой матеріальной сферѣ, то мы должны будемъ заключить, что не существуетъ и не можетъ существовать ничего сверхъестественнаго; но что всѣ событія, какъ бы онѣ не были таинственны и чудесны по своему характеру, суть послѣдствія твердо установленыхъ Принциповъ, которые, хотя еще теперь и не поняты, будутъ современемъ все таки познаваться нами, по мѣрѣ того какъ мы будемъ дальше подвигаться въ познаніи, и свѣтъ болѣе высокой премудрости станетъ пробиваться въ душу нашу».

Среди многаго, что затемняетъ будущій путь человѣка, яснымъ и чистымъ стоитъ то Богословіе, которое приводитъ добросовѣстнаго искателя Истины къ созерцанію Божества во всѣхъ путяхъ и образахъ Его бытія и существованія. И тѣ, которые хотятъ принять участіе въ той чистой радости, которая естественно вытекаетъ изъ философскаго обсужденія этой высокой и возвышенной темы, найдутъ начальные принципы этой радости въ предстоящемъ томѣ.

Гардфордъ, 21 мая 1851.

А. Дж. Девисъ.

ВЕЛИКАЯ ГАРМОНІЯ

МОИ РАННІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

Читатель, посредствомъ органовъ чувствъ твой духъ воспринимаетъ здѣсь напечатанныя буквы и черезъ нихъ посредство знакомится съ моимъ; такъ какъ этими буквами мой духъ выражаетъ свои внутреннія думы, которыя приходятъ такимъ образомъ въ соприкосновеніе съ твоимъ духовнымъ воспріятіемъ; причемъ твоя мысль приходитъ въ возбужденіе и поднимаются вопросы, требующіе отвѣтовъ. Личный опытъ научилъ меня ожидать нѣкоторыхъ вопросовъ, которые можетъ внушить послѣдующее видѣніе; и на нихъ именно я чувствую въ себѣ готовность отвѣтить слѣдующимъ образомъ:

Съ дѣтства я выказывалъ уже постянную наклонность къ размышленію, одинокому блужданію и сонамбулизму, которыя періодично овладѣвали много и часто длились продолжительное время. Родители мои часто видѣли меня покидавшимъ постель еще въ ночное время, чтобы слагать машину, чертить виды и рисовать разные предметы. Однажды въ деревнѣ Гайдъ-Паркъ я провелъ шесть ночей сряду, рисуя на лоскутѣ канвы трехъ футовъ въ квадратѣ великолѣпную картину, которая, будучи окончена, должна была изображать Садъ Едема, какъ я представлялъ его себѣ по историческимъ повѣствованіямъ.

Свидѣтельство другихъ касательно этой силы независимаго (непосредственнаго) видѣнія будетъ, однако, болѣе убѣдительнымъ для скептическаго духа. Rev. Gibson Smith говоритъ:

«Прилагая нѣкоторыя замѣчанія, я отвѣчаю настоятельному требованію, заявленному почти вездѣ послѣ повѣствованія о Ясновидцѣ и послѣ краткаго описанія обстоятельствъ, среди которыхъ по временамъ производились его опыты и разоблаченія. Здѣсь однако я намѣренъ сдѣлать лишь немного сообщеній, въ качествѣ образчиковъ того множества, которое я могъ бы представить *).

«Г. Девисса здѣсь очень хорошо знаютъ,—онъ провелъ первые двѣнадцать лѣтъ своей жизни въ Hyde-Park и въ сосѣднемъ съ нимъ мѣстечкѣ, отстоявшемъ на пять англійскихъ миль. Съ того времени онъ прожилъ почти шесть лѣтъ въ этомъ мѣстечкѣ. Онъ не былъ поощряемъ ни какими привиллегіями для полученія воспитанія, и его умъ не былъ обращенъ къ изученію научныхъ предметовъ. Эти показанія могутъ быть подтверждены самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Я сказалъ, что Девисъ совсѣмъ не ученый человѣкъ, и теперь въ своемъ пробужденномъ состояніи онъ тоже не имѣетъ ни малѣйшей идеи о тѣхъ возвышенныхъ и ясныхъ представленіяхъ, которыя онъ доставляетъ въ ясновидящемъ состояніи, и только слушатель его откровеній одинъ можетъ ему описать ихъ.

«Я жилъ семь мѣсяцевъ въ этомъ мѣстѣ. Передъ моимъ поселеніемъ тамъ, я вѣрилъ уже многіе годы въ Месмеризмъ, но былъ совершенно невѣрующимъ по отношенію къ Ясновидѣнію. Но неоднократные доказательства, данныя моимъ сосѣдомъ г. Девисомъ, которыхъ я самъ былъ свидѣтелемъ, убѣдили меня въ истинѣ этихъ новыхъ и чудесныхъ развитій его духа,— въ его способностяхъ Ясновидѣнія. Опыты были такъ различны и многочисленны, что я не могъ долѣе оставаться невѣрующимъ. Истина такъ непродолжима, что я вынужденъ увѣровать въ нее.

«При первыхъ же моихъ наблюденіяхъ, г. Девисъ изъ

*) Этотъ разсказъ былъ написанъ въ 1845 г. и относится къ прошлымъ испытаніямъ (наблюденіямъ) автора.

слѣдовалъ мою собственную систему и опредѣлилъ со всею точностью мѣсто нахожденія болѣзни, которая давно уже мучила меня — назвалъ ея причину — описалъ тоже какъ нельзя подробнѣе боль которую я испытывалъ отъ нее и производимое его во мнѣ изнуреніе. Далѣе онъ предписалъ мнѣ лекарство, излѣчившее мою болѣзнь, отъ которой я теперь совсѣмъ освобожденъ. Онъ тоже осмотрѣлъ меня френологически, указавъ на особенность въ расположеніи моихъ органовъ чувствъ, которая уже была замѣчена мнѣ другими, и которую онъ въ общемъ очень удовлетворительно объяснилъ.

«Сейчасъ же послѣ этого я присутствовалъ при изслѣдованіи имъ одной молодой дамы. Онъ описалъ состояніе ея здоровья, согласно съ тѣмъ, какое ей въ ту пору приписывали—обозначилъ мѣсто ея недуга и боли, назвалъ различные органы ихъ техническимъ или научнымъ именемъ, и локализируя (указывая мѣсто) каждую часть системы, которую ему случалось назвать, съ изумительной отчетливостью и правильностью.

«Послѣ вышеприведенныхъ осмотровъ я былъ свидѣтелемъ его изслѣдованій болѣе чѣмъ шести или семидесяти личностей, которымъ онъ описалъ съ тою же точностью и вѣрностью мѣста ихъ болѣзней и страданій, вмѣстѣ съ ихъ причинами, симптомами и т. д.—изъ этихъ личностей многія были ему представлены въ то время, когда онъ былъ уже погруженъ въ магнетическій сонъ и о которыхъ онъ слѣдовательно, не имѣлъ никакихъ предварительныхъ свѣдѣній. И дѣйствительно, не возможно разумно сомнѣваться въ томъ, что система человѣческая для него прозрачна, когда онъ находится въ состояніи ясновидѣнія.

«Во время вышеразсказаннаго изслѣдованія, я попросилъ г. Девиса отправиться къ господину А. Р. въ New Portland, Моинъ — разстояніе не менѣе пятисотъ англійскихъ (болѣе 100 нѣмецкихъ миль) — чтобы изслѣдовать его домъ, описать мнѣ его семейство, и т. д. и т. д. Онъ далъ подробное описаніе дома отъ подвала до чердака, говорилъ сначала о необыкновенно высокой трубѣ, и перешелъ потомъ къ очень точному изображенію комнатъ и къ весьма тщательному и подробному описанію ихъ мебельныхъ принад-

лежностей—причемъ онъ даже привелъ въ извѣстность число картинъ въ данной комнатѣ. Онъ описалъ тоже хозяина дома — вмѣстѣ съ его женой и ихъ пріемышемъ — вѣрно опредѣлилъ ихъ ростъ, цвѣтъ лица и т. д.; и обозначилъ съ полной точностью недугъ, которымъ г. Р. былъ одержимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, замѣтивъ, что этотъ недугъ произошелъ отъ поврежденія спинного хребта, вслѣдствіи подъема тяжелаго предмета за три года передъ этимъ изслѣдованіемъ. Онъ описалъ тоже другіе дома близъ этого мѣста, узналъ и обозначилъ мой портретъ въ извѣстной комнатѣ и сдѣлалъ еще много другихъ очень вѣрныхъ указаній, которыя слишкомъ многочисленны и обстоятельны чтобы приводить ихъ всѣхъ въ этомъ повѣствованіи.

«Между многими другими примѣрами его дара описывать отдаленные предметы и происшествія, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, я хочу разсказать объ одномъ изъ его посѣщеній въ Англіи. Г-нъ Броунъ нашъ землякъ, безпокоился о своей женѣ и своемъ ребенкѣ, которыя гостили у друзей въ Англіи, и попросилъ г. Девиса, ясновидца, чтобы онъ отправился туда справиться о ихъ здоровьи и благополучіи. Тотъ пошелъ, возвратился (духовно) и доложилъ г. Б., что его жена и дитя очень больны, описалъ ихъ болѣзнь и сказалъ, что они находятся теперь уже на пути къ выздоровленію. Онъ далъ тоже описаніе дома, въ которомъ онѣ жили — и многаго другаго въ сосѣдствѣ — въ особенности онъ говорилъ объ одномъ обветшавшемъ домѣ собраній, недалеко отстоявшемъ оттуда. Онъ замѣтилъ, что было будто бы четыре человѣка въ домѣ, гдѣ жена Б. была въ гостяхъ, и что одинъ изъ нихъ, судя по сажѣ на его одеждѣ и цвѣту его лица, походилъ на угольщика. Чтобы удостовѣриться въ этихъ показаніяхъ, г. Б. написалъ немедленно въ Англію, поставивъ вопросы относительно всѣхъ этихъ показаній, и получилъ отвѣтъ, который удостовѣрилъ всю правду словъ г. Девиса. Въ домѣ былъ дѣйствительно нанятый угольщикъ; разсказъ о древнемъ строеніи былъ тоже вѣренъ; и жена и ребенокъ, какъ было выше сказано, были больны и находились во время изслѣдованія г. Девиса дѣйствительно въ состояніи выздоровленія.

Еще одинъ примѣръ, который я приведу какъ обра-

щикъ силы Ясновидца, заключается въ слѣдующемъ. Г-нъ Д. молодой человѣкъ изъ здѣшнихъ мѣстъ, находился долгое время въ путешествіи на морѣ, и его друзья очень заботившіеся о немъ, просили г. Девиса, ясновидца, пойти и отыскать его. Онъ немедленно отправился и нашелъ его на разстояніи восьми тысячъ англійскихъ миль. Онъ описалъ въ точности его положеніе, что онъ упалъ и сломилъ себѣ ногу, и что въ настоящій моментъ онъ находится въ длинномъ строеніи, принужденный не оставлять кровати, что онъ въ то время разговаривалъ съ однимъ высокимъ мужчиной, одѣтымъ въ бѣлые панталоны и зеленый сюртукъ, и что онъ, больной, плакалъ, разговаривая о своей матери, которую онъ не надѣялся болѣе увидѣть. Девисъ ясновидецъ, сказалъ однако, что молодой человѣкъ вернется домой къ друзьямъ. Молодой человѣкъ вскорѣ за симъ воротился согласно словамъ ясновидца, и подтвердилъ все его повѣтствованіе. Онъ дѣйствительно упалъ, разбилъ ногу; длинное строеніе было больница, въ которую его приняли послѣ случившагося съ нимъ несчастія; онъ разговаривалъ, какъ выше было сказано, съ однимъ высокаго роста человѣкомъ о своей матери, которую онъ тогда не надѣялся больше увидѣть, и при этомъ плакалъ, все какъ разъ, какъ было сказано ясновидцемъ; — словомъ все повѣтствованіе можетъ быть подтверждено къ полному удовлетворенію всякаго изслѣдователя. Когда молодой человѣкъ возвратился, его друзья сказали ему, что они знали о приключившемся съ нимъ несчастіи, и о томъ гдѣ именно оно приключилось, и о разговорѣ, который онъ велъ съ большаго роста человѣкомъ и т. д.; что все было тотчасъ же признано и подтверждено возвратившимся сыномъ.

«Я приведу здѣсь еще одно письмо, полученное мною отъ личности, здравая разсудительность, прямодушіе и добросовѣстность которой не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Ороно, 9 мая 1845.

«Другъ Смитъ! — Согласно съ Вашимъ желаніемъ посылаю Вамъ слѣдующія свѣдѣнія о Месмерическихъ экспериментахъ, которыя были совершены здѣшнимъ учителемъ, ясновидцемъ г. Девисомъ, и которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ Паукипси нѣсколько недѣль тому назадъ. Но прежде я разскажу объ его изслѣдованіи моей собственной личности. Посредствомъ какой силы онъ дѣлалъ свои открытія или составлялъ свои рѣшенія, мнѣ не было извѣстно, но я былъ увѣренъ, что онѣ были правильны. Онъ обозначилъ мнѣ очень вѣрно извѣстные недуги моего желудка, которыми я долго страдалъ до этого времени, но которыя силы моей системы преодолѣли, устранили, и отъ которыхъ я послѣ совсѣмъ освободился. Онъ указалъ мнѣ тоже на нѣкоторыя другіе болѣзни, которыя я получилъ вслѣдствіе неосторожности, съ такой опредѣлительной точностью, что я не могъ усомниться въ томъ, что моя система была совершенно прозрачна для его зрѣнія. Я сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, на которые онъ мнѣ отвѣтилъ, что я не боленъ, что грудь и легкія у меня здоровы, за исключеніемъ незначительной раздражительности бронхитныхъ сосудовъ, которая случилась потому, что я плохо берегся и захватилъ сильную простуду, не мало мучившую меня въ то время.

«Далѣе я разскажу, что я попросилъ ясновидца, сходить въ Ороно, въ штатѣ Майнѣ, и тамъ освидѣтельствовать одного мнѣ знакомаго человѣка. Онъ пошелъ и нашелъ его, послѣ того какъ ему сказали его имя, и описалъ его: его ростъ, видъ и т. д., и упомянулъ тоже о большой золотушной опухоли у его затылка. Онъ описалъ положеніе, величину и видъ этой опухоли съ большою точностью и подробностью, гораздо лучше, чѣмъ я самъ бы въ состояніи сдѣлать это, несмотря на то, что я часто видѣлъ человѣка, съ этимъ недугомъ. Ясновидецъ говорилъ тоже о пользованіи его и далъ предписанія, для излеченія его опухоли.

Между другими изслѣдованіями и предписаніями, при которыхъ я присутствовалъ, былъ тоже случай съ однимъ

младенцемъ въ Паукипси, который заболѣлъ крупознымъ кашлемъ (корью). Отецъ ребенка вошелъ въ комнату въ сильномъ возбужденіи и печали, и попросилъ г. Девиса, который какъ разъ находился въ то время въ состояніи ясновидѣнія, чтобы онъ соизволилъ прописать ребенку лекарство. Ясновидецъ задумался на нѣсколько мгновеній, какъ это обыкновенно бываетъ съ нимъ передъ напряженіемъ такого рода, и за тѣмъ сталъ прописывать. Послѣ того ясновидца попросили сходить къ ребенку, освидѣтельствовать его и посмотрѣть въ какомъ состояніи онъ находился въ то мгновеніе. Онъ пошелъ и, разсмотрѣвъ внимательно ребенка, сказалъ: «Да—онъ очень боленъ, онъ лежитъ теперь въ объятіяхъ матери, онъ сильно кашляетъ, и совсѣмъ черный»; и обратившись къ отцу, онъ сказалъ: «хорошо бы было, поспѣшить принести ему названное мною лекарство: оно ему поможетъ». — Прописанное лекарство было тотчасъ же дано, и ребенокъ въ короткое время поправился и совсѣмъ выздоровѣлъ. Эти факты могутъ быть подтверждены самымъ удовлетворительнымъ для всѣхъ образомъ.

За симъ, любезный сэръ, тщательно и въ полномъ согласіи съ истиной описавъ вышеизложенное, я остаюсь съ истиннымъ уваженіемъ.

Преданный Вамъ

L. P. Rand.

Здѣсь мнѣ слѣдуетъ замѣтить, что я могъ бы привести много свидѣтельствъ подобныхъ тѣмъ, которыя я уже привелъ выше. Но, я думаю, что и приведеннаго вполнѣ достаточно, чтобы показать, что г. Девисъ въ ясновидящемъ состояніи обладаетъ въ высшей степени удивительными и возвышенными силами; и что его знанія значительно превосходятъ обыкновенныя понятія людей. Въ самомъ дѣлѣ, силы его духа въ этомъ состояніи, кажется, развертываются безъ предѣловъ, захватываютъ каждый отдѣлъ науки и знанія, и обнимаютъ не только мельчайшія усложненія и подробности растительнаго и животнаго царствъ, но даже и самый обширный механизмъ и законы планетарныхъ ми-

ровъ. Онъ кажется одинаково свѣдущимъ и какъ у себя дома, говоритъ ли онъ объ атмосферѣ земли, ея притяженіи, ея газахъ, туманахъ и облакахъ, или же о сердцѣ и его принадлежностяхъ, жизненномъ токѣ, который стремится черезъ него къ множеству тысячъ отверстій человѣческаго тѣла — а равно, объясняетъ ли онъ образованіе капли росы, дѣлаетъ ботаническое описаніе травки въ полѣ, или излагаетъ принципы, управляющіе огненнымъ ходомъ гордой кометы. Теперь онъ говоритъ о мозгѣ, его структурѣ, его образованіяхъ; объ образованіи духа, дѣйствующаго въ связи съ физической организаціей; и потомъ вдругъ начинаетъ съ тѣмъ же знаніемъ дѣла говорить о не сказанныхъ дарованіяхъ и способностяхъ высшихъ существъ въ ангельскомъ состояніи. Къ нему приведутъ больнаго, или его попросятъ посѣтить его на ста миляхъ разстоянія, и какъ система таковаго прозрачна для его глазъ, то онъ изслѣдываетъ ее, открываетъ причину болѣзни, описываетъ ее и прописываетъ лекарство. Обозначивъ болѣзнь, онъ останавливается на одну минуту, какъ бы желая проникнуть всѣ тайны природы; послѣ чего онъ анализируетъ, обсуждаетъ и прописываетъ съ полной самоувѣренностью и правильностью. И что не мало удивляетъ: давъ самыя подробныя предписанія, обнимающія самое большое разнообразіе ингредіентовъ; (составныхъ частей) предписанія, сдѣланныя съ удивительной быстротой, онъ можетъ вспомнить съ точностью обо всемъ, даже о качествѣ и количествѣ самыхъ незначительныхъ веществъ, по прошествіи цѣлаго ряда недѣль и мѣсяцевъ, съ той поры, когда онъ находился въ состояніи экстаза (восхищенія). Его рѣчь вообще свободна отъ ошибокъ и запинокъ; онъ говоритъ скоро и вѣрно и употребляетъ при этомъ слова наиболѣе сообразныя съ своимъ предметомъ, даетъ рекомендуемому имъ медикаменту соотвѣтственное ему научное названіе и выражается свободно и точно на всякомъ языкѣ, на которомъ ему случится говорить. Признаюсь, что эти извѣстія могутъ показаться уже слишкомъ чрезвычайными, чтобы сообщать о нихъ міру, но онѣ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ истинны и справедливы. Такіе факты суть внѣшнія доказательства того, что духъ можетъ приказывать тѣлу исполнять его волю, даже и

при отсутствіи внѣшняго свѣта или другихъ обыкновенныхъ вспомогательныхъ средствъ, обстоятельство которое раскрыто предо мною въ совершенной ясности, когда я нахожусь во внутреннемъ состояніи.

Въ согласіи съ предшествующимъ свидѣтельствомъ, цѣль котораго основать реальность и достовѣрность спиритуальнаго воспріятія, находятся многіе изъ внутреннихъ опытовъ Эмануила Сведенборга. Такъ какъ онъ есть индивидуумъ который являлся мнѣ въ видѣніи, которое будетъ скоро разсказано, то я представлю читателю три случая несомнѣннаго духовнаго воспріятія изъ собственныхъ опытовъ этого ясновидца. Онѣ выяснятъ феномены, вытекающія изъ духовнаго освѣщенія.

Первый примѣръ. «Сведенборгъ», говоритъ Вилькинсонъ въ своей біографіи шведскаго философа, «вѣроятно находился во время послѣдней части 1758 года въ Лондонѣ. * * * 19 іюля 1759 г., мы находимъ его на обратномъ пути изъ Англіи въ Готтенбургъ, и здѣсь онъ представилъ публичное доказательство, что онъ обладалъ кругозоромъ по своей обширности необычайнымъ для его времени. Да будетъ Еманулъ Кантъ, трансцендентальный философъ, нашимъ докладчикомъ о нижеизлагаемомъ происшествіи.

«Въ субботу въ четыре часа послѣ обѣда, говоритъ Кантъ, по пріѣздѣ Сведенборга изъ Англіи въ Готенбургъ, г. Вильгельмъ Кастель пригласилъ его въ свой домъ вмѣстѣ съ обществомъ пятнадцати другихъ лицъ. Около шести часовъ Сведенборгъ вышелъ и послѣ короткаго отсутствія возвратился совсѣмъ блѣдный и разстроенный. Онъ сказалъ, что въ Стокгольмѣ на Зудермальмѣ только что разгорѣлся опасный пожаръ, (Готенбургъ находится на разстояніи трехъ сотъ англійскихъ миль отъ Стокгольма), который очень быстро распространяется. Онъ былъ встревоженъ и часто выходилъ. Онъ говорилъ, что домъ одного изъ его друзей, котораго онъ назвалъ, былъ уже обращенъ въ пепелъ, и что его собственный домъ тоже находился въ опасности. Въ восемь часовъ, побывавъ вновь на дворѣ, онъ съ радостью воскликнулъ: «слава Богу! огонь потушенъ за три двери до моего дома! «Это извѣстіе произвело большое волненіе во

всемъ городѣ и особенно въ обществѣ, въ которомъ Сведенборгъ находился. Въ тотъ же вечеръ объ этомъ сдѣлано было донесеніе губернатору. Въ воскресенье утромъ губернаторъ пригласилъ къ себѣ Сведенборга, и распросилъ его о пожарномъ бѣдствіи. Сведенборгъ описалъ съ точностью, какъ пожаръ начался, какимъ образомъ онъ прекратился и какъ долго онъ продолжался. Въ тотъ же день это извѣстіе распространилось по всему городу, и такъ какъ губернаторъ счелъ его достойнымъ вниманія, то общее возбужденіе значительно усилилось; ибо многіе безпокоились за своихъ друзей и ихъ имущества, которые могли быть постигнуты катастрофой. Въ понедѣльникъ утромъ прибылъ въ Готенбургъ посланецъ, отправленный во время пожара. Въ доставленныхъ имъ письмахъ, пожаръ былъ описанъ въ точности такимъ же образомъ, какъ онъ былъ уже описанъ Сведенборгомъ. Во вторникъ утромъ королевскій курьеръ прибылъ къ штатгальтеру съ печальными извѣстіями объ убыткахъ, произведенныхъ пожаромъ, и о домахъ, которые были имъ повреждены, разрушены; и эти извѣстія не уклонялись ни на волосъ отъ тѣхъ, которыя далъ Сведенборгъ непосредственно послѣ прекращенія пожара: ибо огонь былъ въ восемь часовъ потушенъ.

Что можно предъявить противъ дѣйствительности этаго случая? Мой пріятель, писавшій мнѣ объ этомъ, изслѣдовалъ всѣ подробности этого чрезвычайнаго случая не только въ Стокгольмѣ, но, и два мѣсяца тому назадъ, въ Готенбургѣ, гдѣ онъ былъ знакомъ съ самыми почтенными жителями города, отъ которыхъ онъ могъ получить свѣдѣнія самыя положительныя и вѣрныя; такъ какъ большая часть жителей, которые еще находятся въ живыхъ, были свидѣтелями этого замѣчательнаго происшествія».

Кантъ изслѣдовалъ это дѣло подробно до ниточки путемъ цѣлаго ряда распросовъ, какъ письменныхъ такъ и личныхъ. И его повѣствованіе потому принимается за вполнѣ достовѣрное свидѣтельство. Но какое доказательство можетъ быть вѣрнѣе новаго появленія тѣхъ же фактовъ? Силы и событія такого рода встрѣчаются въ настоящее время такъ часто, что онѣ не порождаютъ больше удивленія своею но-

визной. Месмеризмъ производитъ сотни ясновидящихъ, которые нерѣдко приходили къ такимъ же результатамъ. И въ самомъ дѣлѣ, способность переступать горизонтъ пространства и моментъ времени стара, какъ исторія: всегда легко было найдти личности, которыя силою болѣе возвышеннаго созерцанія могли видѣть на завѣсахъ настоящаго отраженія отдаленнаго и будущаго. Во всякомъ случаѣ Сведенборгъ сознавалъ въ себѣ эту способность раньше, чѣмъ онъ сталъ ясновидцемъ. Такъ въ своемъ: «Животное Царство», часть VII, стр. 237, гдѣ онъ говоритъ о состояніи души послѣ смерти, онъ приводитъ для объясненія своихъ способностей слѣдующее: «Мнѣ нѣтъ надобности, упоминать объ очевидныхъ симпатіяхъ неопровержимо существующихъ въ этомъ низшемъ мірѣ и слишкомъ многочисленныхъ, чтобы ихъ здѣсь перечислять, такъ какъ симпатія и магнетизмъ человѣка столь велики, что часто случаются сообщенія между людьми, очень далеко отстоящими другъ отъ друга. Подобныя утвержденія многіе принимаютъ за нелѣпость или безсмыслицу, но опытъ все таки доказываетъ ихъ справедливость. Слѣдуетъ еще упомянуть, что духи многихъ показывались явственно послѣ ихъ смерти и погребенія, и т. д. Для объясненія случаевъ, подобныхъ виденію Сведенборгомъ пожара въ Стокгольмѣ (которое Робсамъ тоже предсказалъ, какъ онъ говоритъ) намъ нѣтъ надобности разверзать своды природы; этотъ міръ имѣетъ качества, духовныя, невѣдомыя и даже физическія, которыя способны замѣнять чувства. Универзумъ присутствуетъ телеграфически въ каждой своей самомолѣйшей частичкѣ, иначе онъ не былъ бы универзумомъ. И въ человѣчествѣ, какъ и въ индивидуумѣ, тоже существуютъ быстролетныя пути зрѣнія, способныя приводить къ ощущенію всѣ живыя отношенія, существующія между вещами, посредствомъ магнетизма и другихъ подобнаго рода вѣстниковъ».

Другой примѣръ. «Супранатурализмъ» продолжаетъ тотъ же самый почтенный писатель, имѣетъ прелести для каждаго общества, будь оно атеистическое или Христіанское, дикое или цивилизованное, ученое или поэтическое. Да, мы можемъ сказать, что онъ есть дополнительная прелесть всѣхъ нашихъ прочихъ интересовъ, и что онъ отъ дѣтства есть

главное ожиданіе каждой нашей прогулки, надежда каждаго открытія. Радость отъ каждаго новаго человѣка и краснаго слова состоитъ въ чаяніи, что мы можемъ прійти гдѣ нибудь къ воротамъ смерти, которыя открываются въ другую жизнь. Супранатурализмъ имѣлъ тоже во всѣ времена свою комерческую или дѣловую сторону и былъ употребляемъ какъ средство вернуть себѣ потерянную собственность или открыть скрытый кладъ. Добрые люди стокгольма, вѣроятно, были по преимуществу сильны въ этомъ послѣднемъ направленіи. Въ 1761 году случилось, что сосѣдка Свед., вдова Луи фонъ Маржевиль, нѣкогда бывшаго голландскимъ посланникомъ въ Швейцаріи, обратилась къ нему за совѣтомъ по дѣлу подобнаго рода. Тоже и любопытство было сильнымъ побудительнымъ поводомъ ея визита; она отправилась поэтому къ ясновидцу со многими дамами изъ своихъ знакомыхъ, которыя всѣ жаждали увидѣть поближе такого удивительнаго человѣка. Мужъ ея уплатилъ двадцать пять тысячъ голландскихъ гульденовъ, и его вдова, отъ которой потребовали снова уплаты этой суммы, не могла предъявить росписки. Она спросила Сведенборга, зналъ ли онъ ея мужа? на что тотъ отвѣтилъ отрицательно; но обѣщалъ ей, въ виду ея настоятельныхъ просьбъ, что если онъ встрѣтитъ его на томъ свѣтѣ, то спроситъ его о квитанціи. Недѣлю спустя Маржевиль сказалъ ей во снѣ, не только гдѣ находится квитанція, но и усыпанная брилліантами головная шпилька, которая считалась уже невозвратно потерянной. Это произошло около двухъ часовъ утра, вдова вскочила тотчасъ-же возбужденная, но довольная, и нашла вещи гдѣ ей сказано было во снѣ. Она спала до поздняго утра. Въ 11 часовъ ей доложили о приходѣ Сведенборга. Его первое слово, прежде чѣмъ дама успѣла раскрыть ротъ, было, что въ прошедшую ночь онъ видѣлъ Маржевиля и хотѣлъ переговорить съ нимъ, но что тотъ, однако, уклонился на томъ основаніи, что онъ долженъ былъ пойти къ своей женѣ, и открыть ей нѣчто важное. Сведенборгъ присовокупилъ за тѣмъ, что «онъ выбылъ изъ общества, въ которомъ пробылъ съ годъ времени и имѣетъ возвыситься до болѣе счастливой среды;» чему, какъ мы догадываемся онъ былъ

обязанъ тѣмъ, что освободилъ себя отъ житейской заботы сего міра. Этотъ разсказъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ разсказанъ самой дамой, будучи засвидѣтельствованъ ея вторымъ мужемъ, датскимъ генераломъ фонъ Е—, сдѣлался извѣстенъ всему Стокгольму. Слѣдовало бы къ этому прибавить, что Madame предложила сдѣлать Сведенборгу за его услуги драгоцѣнный подарокъ, отъ котораго тотъ, однако, уклонился.

Третій примѣръ. «Въ томъ-же году (1761) Луиза Ульрика сестра Фридриха Великаго прусскаго, бывшая за мужемъ за королемъ шведскимъ Адольфомъ Фридрихомъ, получила отъ герцогини Брауеншвейгской письмо, въ которомъ та упоминаетъ, что читала въ Геттингенской газетѣ, извѣстіе объ одномъ человѣкѣ въ Стокгольмѣ, который утверждаетъ, что онъ разговариваетъ съ мертвыми, и удивляется, что королева не коснулась еще этого предмета въ своей корреспонденціи. Королева, безъ сомнѣнія, слышала объ исторіи Маржевиля, и это, въ соединеніи съ желаніями ея сестры, заставило ее пожелать убѣдиться во всемъ самой, посредствомъ свиданія съ Сведенборгомъ. Капитанъ фонъ Стальгаммеръ есть одинъ изъ тѣхъ авторитетовъ, разсказу котораго о томъ, что произошло при этомъ свиданіи, мы отдаемъ предпочтеніе.

«Незадолго по смерти принца прусскаго, говоритъ Стальгаммеръ, Сведенборгъ явился ко двору (куда онъ былъ приглашенъ черезъ сенатора, графа Шеффера). Едва только королева завидѣла его, какъ сказала ему: «Ну, видѣли ли вы моего брата г-нъ ассессоръ?» «Нѣтъ», отвѣтилъ Сведенборгъ; на это она возразила: «если вы его увидите, то кланяйтесь ему отъ меня». Говоря это она шутила и не имѣла мысли выспрашивать у него какихъ нибудь освѣдомленій о своемъ братѣ. Восемь дней послѣ этого (а не черезъ двадцать четыре часа и не въ особливой аудіенціи) Сведенборгъ снова пришелъ ко двору, но такъ рано, что королева еще не выходила изъ аппартамента, называемаго бѣлой комнатой, гдѣ она бесѣдовала со своими фрейлинами и другими придворными дамами. Сведенборгъ не сталъ дожидаться выхода королевы, но прямо вошелъ въ ея комнату и шепнулъ ей на ухо. Королева, пораженная изумле-

ніемъ, лишилась чувствъ и нѣкоторое время не могла прійти въ себя. Послѣ того какъ она очнулась, она сказала окружавшимъ ее: «лишь Богъ одинъ, да мой братъ могутъ знать то, что онъ только что сказалъ мнѣ». Она призналась, что онъ говорилъ о ея послѣднихъ переговорахъ съ принцемъ, предметъ которыхъ былъ извѣстенъ только имъ однимъ.»

Насколько простирается это доказательство, настолько оно убѣждаетъ насъ въ независимомъ естествѣ духа; не то что онъ независимъ отъ плоти, но что онъ есть, или по крайней мѣрѣ долженъ быть, ее властелиномъ, между тѣмъ какъ тѣло подчинено ему. По смерти, когда настоящее общеніе между духомъ и тѣломъ разрушено, духъ дѣлается жителемъ другой сферы: тѣло отбрасывается какъ неспособное болѣе служить приличнымъ обиталищемъ для возвысившейся души, обѣтованное жилище которой есть «домъ не сооруженный руками, но вѣчный въ небесахъ»? Все это можетъ быть, и все таки должно существовать невидимое сношеніе между низшимъ и высшимъ, или землей и небомъ; ибо мы постоянно носимъ въ себѣ увѣренность, что есть міръ внутренній и міръ внѣшній. И поэтому я размышляю слѣдующимъ образомъ: «если бы я въ это мгновеніе лишился своей формы, то я былъ бы мертвъ только по внѣшнимъ чувствамъ, для внѣшнихъ вещей; но есть, однако, міръ внутренній, еще неизслѣдованный, и такимъ образомъ я буду жить внутренними чувствами для внутреннихъ вещей; и это далеко превосходнѣе и прекраснѣе».

Вопросъ объ одномъ лишь мѣстонахожденіи не играетъ большой роли; ибо новыя ощущенія порождаются не столько чрезъ соприкосновеніе съ новыми предметами, сколько вслѣдствіе собственнаго развитія каждаго, которое возвышаетъ духъ на соотвѣтственную степень радости, состоящей въ болѣе высокихъ и мудрыхъ дѣяніяхъ. Если я поэтому, никогда не измѣняю мѣстонахожденія, — никогда не покидаю этого индивидуальнаго земнаго шара, — то я все таки буду безсмертнымъ среди этого свѣта, возрастая въ мудрости и счастіи, образующихъ небо, гдѣ бы я его не достигнулъ: въ этой ком-

натѣ, обществѣ или сферахъ, превышающихъ всякую творческую силу фантазіи. И вотъ, читатель, на основаніи принциповъ, развитыхъ личнымъ опытомъ, я убѣжденъ, что духъ способенъ къ безконечному разширенію, къ неизсякаемой радости и безграничному росту въ мудрости; но было время, когда я думалъ иначе, потому что мои мысли были путеводимы популярными религіозными учителями.

Сперва я держался Пресвитеріанской церкви, изучалъ ея катехизисъ, и вѣрилъ въ Бога, облеченнаго кальвинистическими атрибутами; и также въ Его вѣчныя постановленія объ обсужденныхъ и избранныхъ и также въ другія положенія вѣры, приписывающія Божеству такія нелюбезныя свойства, которыя едва ли можно найти въ одномъ изъ его твореній. Одинъ старый джентельменъ, бывшій моимъ учителемъ въ воскресной школѣ, по временамъ излагалъ классу Писаніе и часто обращался ко мнѣ, такъ какъ я былъ особенно наклоненъ слушать. Однажды, размышляя о предметѣ «избранія», я обратился къ старцу и сказалъ:

«Дядюшка Исаакъ, вы говорили мнѣ, что Богъ есть любовь»?

«Да, мое дитя».

«И что онъ тоже мудрый»?

«Конечно, сынокъ мой».

«Хорошо, вы говорите, что я долженъ быть добрымъ и любить моихъ родителей, не то Богъ меня отправитъ навсегда въ адъ»?

«Да».

«Ну, дядя Исаакъ», если Богъ мудрый, то вѣдь онъ зналъ прежде, чѣмъ меня создалъ, куда я пойду: въ адъ, или въ небо; и если онъ есть любовь, то я думаю не слишкомъ ли былъ уже онъ добръ, чтобы создать меня»?

«О, мое дитя, не надо такъ говорить; пути Божіи неисповѣдимы; наши сердца развращены; разумъ у насъ плотской; чортъ соблазняетъ тебя питать такія мысли о Богѣ».

Я пересталъ ходить въ Воскресную школу; но мой духъ былъ въ горестной тревогѣ. Новыя обстоятельства вскорѣ привели меня на путь методизма. Я присутствовалъ на его митингахъ (собраніяхъ) и молился, чтобы духъ привелъ ме-

ня, «многогрѣшнаго и достойнаго презрѣнія передъ Богомъ», къ алтарю. Но все было напрасно; чѣмъ больше я желалъ, тѣмъ менѣе достигалъ; ибо это мнѣ казалось безумнымъ и нелѣпымъ. Я долго пребывалъ въ этомъ состояніи неувѣренности, и однажды, когда я работалъ, вошелъ многоуважаемый Пасторъ нашей мѣстности, и спросилъ:

«Ну братъ Девисъ, какъ поживаешь»?

«Прекрасно Сэръ», сказалъ я.

«Нѣтъ, нѣтъ, я разумѣю твое духовное благополучіе— примирился ли ты съ Богомъ»?

Я не зналъ, что отвѣтить. Я во всю жизнь свою не имѣлъ никакой ссоры съ нимъ, подумалъ я. Однако, въ смущеніи я пробормоталъ: «нѣтъ, сэръ».

«Хорошо, продолжалъ онъ, развѣ ты не боишься Бога»?

«Нѣтъ, сэръ, сказалъ я, я вовсе не страшусь Бога».

«О, неисправимый юноша»! сказалъ Пасторъ, я боюсь, что день милости уже прошелъ; боюсь, ты будешь осужденъ на вѣки»!

Сказавъ это, онъ повернулся и ушелъ. О, читатель, если бы ты только могъ представить себѣ мои мысли, въ тотъ моментъ, когда онъ произнесъ этотъ приговоръ. Вся любовь моей природы превратилась въ самую холодную ненависть. Въ этотъ мигъ я никого не боялся, не любилъ ни жизни, ни себя, ни людей, ни земли, ни неба, ни Бога! Передо мною, думалъ я, лежитъ долгая жизнь; почему не сдѣлаться мнѣ сейчасъ-же разбойникомъ или пиратомъ? Живи я чисто и безпорочно, я все равно осужденъ на проклятіе, и какъ бы отчаянно дуренъ я не былъ, окончательная судьба моя будетъ все та-же; ибо если день милости прошелъ, то я погибъ на вѣки — приговоренъ къ аду! Я поколебался на мгновеніе, и мысль шептала мнѣ: «успокойся — Пасторъ не правъ». О какъ я тогда обрадовался.

Въ слѣдующемъ году я былъ склоненъ къ Универсализму. Его ученіе болѣе подходило къ моей лучшей природѣ. Я радовался, что нѣкоторыя лица имѣли болѣе возвышенныя представленія объ Отцѣ. Но я не могъ вѣрить въ эту систему теологіи, какъ въ нѣчто цѣлое; она была слишкомъ

запутана: она заключала слишкомъ много противурѣчій и требовала слишкомъ много словесной критики, такъ какъ допускала, что Библія есть будто бы такое-же истинное откровеніе Бога, какъ и Природа, которая, какъ мы знаемъ, не сдѣлана человѣкомъ. И такъ я находился въ этомъ состояніи мучительнаго страха до тѣхъ поръ, пока не случилось видѣніе, о которомъ будетъ разсказано на слѣдующихъ страницахъ. И оно объяснитъ тотъ ужасъ, который я испытывалъ, когда я въ первый разъ входилъ въ магнетическое состояніе.

И вотъ, читатель, если ты когда нибудь испытываешь что либо подобное, не считай своего сердца «развращеннымъ», своего разума «плотскимъ», «путей Бога непсповѣдимыми», но изслѣдуй ихъ, какъ это я сдѣлалъ и должны бы дѣлать всѣ; и тогда ты не только отбросишь всѣ измы*), съ ихъ нелѣпостями, но и станешь существомъ, любящимъ Природу и ея законы, которые суть «пути Божіи»; будешь чистымъ и счастливымъ духомъ, мудрымъ дитей премудраго Вѣчнаго Отца!

*) т. е. религіозныя партіи, названія которыхъ обыкновенно оканчиваются на и з м ъ, какъ напр.: Католицизмъ, Протестантизмъ и т. д.

МАГНЕТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ

Когда я состою въ тѣсномъ отношеніи съ кѣмъ нибудь кто намѣренъ воспроизвести во мнѣ искуственный сонъ, то, чтобы это могло удастся, я долженъ сѣсть въ удобное положеніе, совершенно спокойно, освободить душу отъ всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній и внутреннихъ желаній. Духъ и мысли должны сконцентрироваться (собраться) для ускоренія выполненія задачи. Я дѣлаюсь совершенно пассивнымъ (страдательнымъ); между тѣмъ какъ операторъ (магнетизеръ) — активенъ (дѣятеленъ); при этомъ принимаются всѣ мѣры, для удаленія всякихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, могущихъ помѣшать успѣху операціи. Будучи приведенъ въ первый разъ въ такое настроеніе, я оставался совершенно спокойнымъ, любопытствуя узнать результатъ, имѣющій будто бы произойти отъ взаимнаго обмѣна симпатіи и ощущенія. Нижеслѣдующее повѣствованіе касается результата первой процедуры, которая представляетъ въ своихъ главныхъ чертахъ и всѣ послѣдующія.

Я чувствовалъ присутствіе прохладной руки, двигавшейся туда и сюда надъ моимъ лбомъ или камерой памяти. Живая кровь, безпрепятственно протекавшая въ моемъ юношескомъ тѣлѣ во все время его короткаго существованія, казалась почти остановившейся. Всѣ тысячи поръ и отверстій ея мгновенно освѣтились черно-желтымъ пламенемъ электрическаго огня, послѣ чего внутри меня сдѣлалось совершенно темно. Ужасныя и странныя ощу-

щенія проходили черезъ мое тѣло и мозгъ, быстро слѣдуя другъ за другомъ. Мои душевныя движенія были мучительны. Я слыхалъ бывало о страшныхъ ощущеніяхъ смерти. О, не есть ли уже это періодъ моего физическаго разложенія — перемѣщеніе моего духа въ высшую сферу? Да! сердце перестало биться съ прежнею силой. Его удары были менѣе часты. Я ощущалъ какъ различные органы чувствъ, связывающіе духъ съ внѣшнимъ міромъ, мало по малу затворялись.—Ахъ, не затворятся ли они на всегда?

Всѣ мои чувства отдались незамѣтно подчиняющій силѣ. Я не могъ болѣе слышать озабоченнаго и дѣятельнаго шума внѣшняго міра, ни чувствовать прикосновенія живаго или безжизненнаго предмета. Я уже больше не буду, думалъ я, созерцать систему природы, которой свѣтъ, жизнь и красота приводили меня въ глубочайшее удивленіе. Сладостныя и благовонныя рощи и луга исчезли и не будутъ уже никогда болѣе предметомъ моего блаженнаго созерцанія!

Подобныя мысли проблеснули быстро въ моей пораженной страхомъ душѣ. Однако, что же мнѣ было дѣлать? Если бы я сталъ сопротивляться ощущеніямъ, то это помѣшало бы чаемому и напередъ ожидаемому результату. Но если я еще дольше пробуду въ этомъ состояніи, думалъ я, то дойду до того, что мой духъ будетъ отлученъ на всегда отъ красотъ матеріальнаго универзума.

Но теперь передо мною предсталъ вопросъ, не есть ли все это только иллюзія воображенія? Конечно, я *думаю*, что мои ощущенія и необычны и странны, но *знаю*, ли я на вѣрно что эти ощущенія дѣйствительны? Такъ спрашивалъ я себя, не дѣлая однакожъ ни малѣйшаго напряженія, чтобы убѣдить свой разсудокъ въ истинѣ или дѣйствительности того, что я испытывалъ. Я сидѣлъ почти бездыханно въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, ободряя себя надеждой, что экспериментъ можетъ и не удастся, но не смотря на то невольно способствуя его успѣху. «Я живу еще», думалъ я, «такъ какъ слышу, какъ операторъ спрашиваетъ, который часъ; — я слышу, какъ онъ будто что то отвѣчаетъ на слова другаго; — но я не слышу, чтобы говорилъ кто нибудь другой кромѣ его! Не странно ли это до

чрезвычайности? » Наступило новое молчаніе въ то время какъ я усиливался анализировать мои чувства, проникшія во всѣ безсчетныя тайники моей структуры. Тутъ я услышалъ голосъ оператора — тихій, отдаленный, чуждый и непріятный, какъ будто поднявшійся изъ человѣческаго міра, чтобы снова отозвать меня къ землѣ, которую я далеко оставилъ за собой. Но не запирается ли мой органъ слуха, — эти камеры, въ чувствительныхъ проходахъ которыхъ звучала прелестная музыка, сопровождавшая священный голосъ невинной страсти и дружбы, не закроются ли онѣ! — и можетъ закроются, чтобы увѣнчать на всегда дѣйствительность вѣчнаго безмолвія? Не можетъ ли, чего добраго, и въ самомъ дѣлѣ случиться это?» думалъ я, въ то время, какъ меня окружала страшная темень. «Нѣтъ, — я не дамъ болѣе производить надъ собой такіе ужасные и опасные эксперименты и мой органъ любви къ чудесному никогда уже не соблазнитъ меня еще разъ подвергнуть себя столь страшнымъ опасностямъ. Пора заговорить и возстать противъ дальнѣйшаго продолженія этой операціи». Но, о ужасъ! — языкъ мой, казавшійся мгновенно увеличеннымъ, прилипъ къ моей гортани! мои щеки, казалось, распухли до чрезвычайности, и мои уста сомкнулись какъ у мертваго, какъ бы съ намѣреніемъ, никогда уже больше не раскрыться. Новая мысль мелькнула въ моемъ мозгѣ и я сейчасъ же повиновался ея внушенію. Я сдѣлалъ отчаянное напряженіе, чтобы измѣнить свое положеніе, въ особенности освободить себѣ руки; но, о неописанный ужасъ! мои ноги, руки, все тѣло оказались совершенно неподвластными моей волѣ! Я не могъ болѣе владѣть собой, своей личностью. Все кончено! — казалось мнѣ — я пропалъ безвозвратно! Да, я былъ увѣренъ, что впѣшняя жизнь и бытіе для меня не существовали болѣе. Что мнѣ было дѣлать? Я могъ пользоваться своими духовными способностями въ полной мѣрѣ — съ совершенной ясностью дѣлать заключенія; но я не могъ ни слышать, ни видѣть, ни чувствовать, ни говорить, ни двинуться. У меня не было средства, убѣдиться въ моемъ истинномъ физическомъ или духовномъ положеніи. Я такъ думалъ и спрашивалъ себя самъ: «Я имѣю тѣло, тѣло чувствующее — я нахо-

жусь въ формѣ; только есть ли это мое тѣло натуральное или духовное, приспособленное къ внѣшнему міру, или къ сферѣ внутренней жизни? Гдѣ я? Увы; я одинъ; ахъ, еслибъ это была «Родина Духовъ»! мелькнуло однако въ моемъ умѣ. И вдругъ я увидѣлъ что̀ изъ сокровеннѣйшей глубины моей памяти развиваются предъ-задуманныя идеи, и что меня больше всего привело въ изумленіе, это, появленіе новыхъ и блестательныхъ мыслей, которыя повидимому простирались надъ гиганской картиной «родимаго края духовъ» и обнимали больше, чѣмъ я въ состояніи разсказать. Эти мысли, я крѣпко въ томъ увѣренъ, были пропстеченіемъ внутренней и безсмертной истины.

Этотъ моментъ требовалъ абсолютной (безусловной) рѣшимости. Смерть внѣшняго и жизнь внутренняго существованія казались мнѣ неизбѣжными послѣдствіями моего положенія. Съ каждымъ мгновеніемъ я приближался все болѣе и болѣе къ темной долинѣ, которая лежала передо мной. Я чувствовалъ отвращеніе, но оно только гнало меня впередъ. Умственно я постоянно упирался и стремился назадъ, но каждая волна моихъ мыслей придвигала меня все ближе и ближе къ ужасной долинѣ необъятнаго мрака. Да, теперь время сдѣлать усиленное напряженіе! Я долженъ противудѣйствовать, или на всегда погибну въ той не проницаемой тмѣ. Но, о ужасъ! Я приближался къ ней все больше и больше. Какъ вдругъ я мысленно отскочилъ назадъ, и чтоже! Я увидѣлъ себя на краю бездонной пропасти, обуреваемой бѣшенымп волнами отчаянія, которыя казалось, поднимались изъ океана вѣчной ночи; теплота всего моего существа смѣнилась мертвеннымъ холодомъ. Страшныя мысли о разложеніи продолжали терзать меня. Казалось, вѣчная полночь облекла мой немощный духъ, и я былъ преисполненъ страха. Мракъ дѣлался все глубже и ужаснѣе. И тутъ дрожь охватила меня и, — страшно разсказывать! — я чувствовалъ, что я съ непостижимой быстротой вращался въ этомъ черномъ мракѣ! Я крутился, казалось, по спиральной линіи, обороты которой были сначала очень велики, но все болѣе и болѣе съуживались по мѣрѣ моего нисхожденія. Такъ я летѣлъ внизъ, пока не утонулъ въ могучемъ океанѣ, борющіеся элементы

котораго были поглощены волною мрака, громадной какъ гора, которая тянула меня въ глубь своимъ сильнымъ давленіемъ, и я тонулъ въ бездонной пропасти забвенія.*)

Какъ согласны и неизмѣнны силы, постоянно открывающіяся въ каждомъ отдѣлѣ природы! Я глубоко убѣжденъ, вслѣдствіе знакомства съ ея непогрѣшимой справедливостью, что, не можетъ случиться ничего, что прекословило бы высочайшему благополучію неисчислимыхъ міровъ и формъ и составовъ, которыя развиты ими и ввѣрены ихъ исключительному и вѣчному управленію. Я былъ вынужденъ такъ думать въ виду явной силы доказательствъ, которыя безпрестанно представляются моему духу. Тѣмъ не менѣе, однако, не всѣ духи воспріимчивы или способны получать подобныя впечатлѣнія; но дѣйствительность доказательствъ, на которыхъ послѣднія основаны, не можетъ быть заподозрѣна тѣми, которые склонны къ наблюденію Природы. А что мое внутреннее убѣжденіе въ этомъ пунктѣ, основано на субстанціальномъ Базисѣ съ этимъ читатель охотно согласится, когда я сообщу ему о чудесномъ возстановленіи моего безжизненнаго тѣла и отлучившагося духа, для наслажденія внѣшнею природой и дружбою любимыхъ друзей.

Я пробудился вновь къ сознанію, послѣ того какъ я перекрутился въ формѣ круга въ этомъ отвратительномъ мракѣ. Я пришелъ въ необычайно радостное настроеніе. Этотъ мракъ продолжалъ увеличиваться и распространяться вмѣстѣ съ движеніемъ, пока я не дошелъ до края, окаймляющаго океанъ забвенія, неустанныя волненія котораго привлекли меня къ высокой блаженной области мышленія и трезваго пробужденія. Мои органы чувствъ, окна души, растворились; свѣтъ озарилъ мое поблѣднѣвшее лице; затрепетали звуки въ лабиринтахъ моего уха; ощущеніе запылало во всемъ моемъ тѣлѣ — и я пошевелился, вздохнулъ и раскрылъ глаза. Но какъ я былъ пораженъ! Я

*) Странныя ощущенія автора, которыя онъ испыталъ при первомъ своемъ вступленіи въ магнетическое состояніе, должно приписать тому обстоятелству, что внушенныя его душѣ прежнія богословскія ученія, дали ему въ высшей степени смутныя мнѣнія о смерти и состояніяхъ, могущихъ послѣдовать за нею. Этихъ ощущеній онъ не имѣлъ болѣе при своихъ послѣдующихъ вступленіяхъ въ это состояніе.

жилъ въ тѣлѣ, на землѣ, и находился точно въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ я былъ въ то время, когда усѣлся въ первый разъ для эксперимента. Многіе сидѣли вблизи и вокругъ меня, съ выраженіемъ благоговѣнія, удовольствія и очарованія на лицахъ. На первыхъ порахъ, я чувствовалъ неудовольствіе. Я не могъ въ дѣйствительности убѣдиться, что возвратился изъ «мрачной долины тѣней смерти». Но вторичный взглядъ, проницательно брошенный на комнату и знакомыя лица тѣхъ, которые при мнѣ находились, удостовѣрилъ меня, и я всталъ, подобно воскресшему изъ мертвыхъ, изъ камеръ смерти съ обновленной силой и привѣтствовалъ изумленныхъ и пришедшихъ въ восторгъ свидѣтелей.

Я думалъ про себя: не странно ли, что прошло столько времени, о которомъ моя память не сохранила никакого воспоминанія!—и что этотъ забытый періодъ, доставилъ мнѣ больше внутренней и безсмертной истины, нежели какой либо другой періодъ моей жизни! Какъ странно это явленіе, которое можетъ быть засвидѣтельствовано жителями этого и духовнаго міра, между тѣмъ какъ для памяти самаго субъекта, или дѣйствующаго лица, оно не существуетъ! Я не могъ подавить въ себѣ такихъ мыслей, такъ какъ операторъ сообщилъ, что я въ этомъ состояніи оставался болѣе четырехъ часовъ, въ продолженіи которыхъ я обнаружилъ нѣкоторыя изъ самыхъ торжественныхъ и поразительнѣйшихъ доказательствъ духовнаго зрѣнія. Я развилъ нѣкоторыя изъ тѣхъ способностей, которыя, какъ мы теперь знаемъ, хранятся глубоко въ нѣдрахъ души, внутреннія тайники которой развертываютъ тепло, свѣтъ и познаніе, которыя суть Вѣра, Любовь и Мудрость.

Я описалъ внутреннее состояніе иныхъ лицъ, а равно и ихъ мѣстопребываніе, — посѣтилъ разныя части города и страны, которыхъ я вовсе не зналъ лично. Все это я совершилъ духовно къ полному удовольствію тѣхъ, которые желали этихъ описаній. «Неужели», думалъ я, эта пророческая или апостольская власть, есть обманъ ума, духовный или воображаемый экстазъ, фантастическое развертываніе дьявольскихъ вліяній, — или же это есть прекрас-

ная истина, которая развивается вслѣдствіе извѣстнаго рода натуральнаго очарованія?» Много подобныхъ вопросовъ приходили мнѣ въ голову, быстро смѣняясь и оставаясь безъ отвѣтовъ; такъ какъ они всѣ порождались духовными впечатлѣніями, проистекавшими изъ темныхъ религіозныхъ идей моей юности, которыя, не смотря на свою популярность и общее вѣрованіе въ нихъ, были нелѣпы и безсмысленны.

Въ продолженіе многихъ недѣль эксперименты описаннаго рода продолжались съ успѣхомъ. Каждый день новыя истины и интересныя чудеса выступали наружу, подчиняя своему вліянію жителей. Но сердце чудовища «Невѣжества» было задѣто и предразсудокъ сталъ подниматься. Различныя религіозныя партіи возмутились противъ такихъ раскрытій и въ особенности противъ усердныхъ изслѣдованій ихъ. По мѣрѣ возрастанія изумленія и преслѣдованія со стороны мѣстныхъ жителей, возростала и моя робость; и я молился искренно, чтобы получить изъ какого нибудь вѣрнаго источника положительное указаніе, откуда именно исходитъ эта сила, и въ чемъ заключается ея природа и цѣль.

И такъ знай же, благосклонный читатель, что вещи, о которыхъ я разсказывалъ, содержатъ въ себѣ всѣ истинныя воспоминанія и познанія, какія я имѣю относительно внутренней дѣйствительности этого удивительнаго свойства духовнаго зрѣнія*).

Таковы были внѣшнія дѣла, пока не произошло слѣдующее откровеніе, — которое я испыталъ при обстоятельствахъ самыхъ замѣчательныхъ изо всѣхъ, о которыхъ когда либо съ достовѣрностью сообщалось.

Однажды, въ нѣсколько холодный, непріятный вечеръ — это было въ 1884-мъ году, 6 Марта — направились мы (мой операторъ и я) къ квартирѣ однихъ друзей въ Garten-Strasse № 24 въ Гартфордѣ **), вслѣдствіи настоятельной ихъ просьбы чтобы я осмотрѣлъ ихъ болѣзненныя тѣлосложенія. Послѣ того какъ мы туда прибыли и обмѣнялись немногими словами, я былъ тотчасъ приведенъ въ вышеописанное не-

*) т. е. когда писатель испыталъ на себѣ эти явленія въ первый разъ.
**) Въ штатѣ Коннектикутъ.

обычное состояніе. Я испыталъ почти тоже духовное превращеніе, за исключеніемъ лишь того сильнаго раздраженія и чувства чего то новаго, которыя характеризовали мой первый опытъ.

Послѣ выполненія нашего долга, по истеченіи обычнаго періода времени, продолжавшагося два часа, операторъ попытался освободить меня отъ мистическаго вліянія, которое я называю «духовной симпатіей», но не успѣлъ въ этомъ. Онъ повторялъ нѣсколько разъ свою попытку, но она все не удавалась. Наконецъ, я почувствовалъ возвращеніе въ себѣ жизни, которая снова потекла по моимъ жиламъ, и стала, какъ я предполагалъ, свободной отъ вліянія, которому я былъ подчиненъ.

Послѣ короткаго препровожденія времени въ разговорахъ съ присутствующими, я почувствовалъ отвращеніе къ ихъ духовнымъ сферамъ, что заставило меня тотчасъ же бѣжать изъ дома. Я спустился по лѣстницѣ и очутился на улицѣ. Въ то же время мнѣ показалось, что моя система удержала въ себѣ нѣкоторую часть сообщенной ей магнетизмомъ силы. Это подтвердилось внезапнымъ озареніемъ моего мозга въ области интелектуальной системы или способностей разума, что разомъ - разрушило твердость моего намѣренія. Я былъ какъ ножемъ проколотъ! Уйдши изъ комнаты, я намѣревался возвратиться домой, такъ какъ чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. Но, будучи въ смятеніи, я какъ бы по волѣ и распоряженію силы, превышающей власть человѣка, остановился у воротъ, которыя вели на улицу и прислонился къ нимъ. Въ то время какъ я такъ стоялъ во мнѣ загорѣлось сильное желаніе навѣстить одного священника, жившаго на той же улицѣ, и къ которому я почувствовалъ большое расположеніе. Этому внушенію я послѣдовалъ тотчасъ. Я пришелъ къ его дверямъ, дернулъ за шнурокъ звонка, и былъ проведенъ въ пріемную; мнѣ предложили стулъ, и я сѣлъ недалеко отъ окна. Я быстро осмотрѣлъ множество книгъ, лежавшихъ на столѣ. Мой духъ былъ мучительно разсѣянъ. Священникъ вошелъ въ комнату и сердечно поздоровался со мной. Я привелъ нѣсколько извиненій и предлоговъ, оправдывавшихъ мое вторженіе въ такой поздній часъ, но

ни одно не показалось ему удовлетворительнымъ, такъ какъ я и самъ не зналъ собственно причины моего посѣщенія. Поэтому онъ очень интересовался узнать причину и цѣль моего внезапнаго появленія. Онъ настоятельно желалъ и упрашивалъ меня переночевать у него. Я былъ впечатлѣнъ отказать ему въ этомъ, не находя однако возможности привести основательной причины своему отказу. Безо всякаго сколько нибудь удовлетворительнаго для самого себя объясненія цѣли моего посѣщенія, я вдругъ поднялся съ мѣста и вышелъ вонъ.

Послѣ этого безцеремоннаго визита я тотчасъ отправился къ себѣ домой въ Main street. Въ очень растроенномъ расположеніи духа вошелъ я въ переднюю дверь, прошелъ дворъ дома и поднялся по двумъ лѣстницамъ на верхъ въ мою спальню. Въ необычайномъ волненіи тѣла и духа я улегся въ постель, намѣревалсь заснуть. Мои мысли были отрывочны и мимолетны. Моя физическая система покорилась усыпительному безмолвію ночи, царившей кругомъ, и я погрузился, наконецъ, въ безсознательный и подобный смерти сонъ.

Взгляни на благоговѣйное и ошеломляющее величіе распростертаго неба! Взгляни на эфирныя завѣсы, разбѣгающіяся и сходящіяся складки которыхъ закрываютъ отъ человѣческаго взора звѣздами усыпанную бездну, гдѣ тысячи тысячъ шаровъ катятся съ несказаннымъ очарованіемъ предъ небеснымъ Престоломъ вѣчно-живущаго и Всевѣдущаго Царя. Языкъ не въ состояніи выразить пышность прозрачныхъ облеченій окружающихъ его. Божественное величіе отражается во всѣхъ вещахъ! Порядокъ и Форма, Любовь и Мудрость являются въ каждомъ созданномъ предметѣ отъ нижайшаго до самаго высокаго! Въ постоянныхъ пересочетаніяхъ существующихъ веществъ обнаруживается повсюду молодость и изъ каждаго творенія истекаетъ красота, вѣнчающая его!

Мысли, подобныя этимъ, взбрели мнѣ на умъ въ то время какъ я стоялъ на помостѣ на углу улицы Миль и Гамильтонъ, въ скромной деревнѣ Паукипси (Paughkeepsie) въ поздній часъ той же ночи. Какъ же это можетъ быть? думалъ я, — я вѣдь помню явственно, что я возвратился въ свою

комнату и впалъ въ глубокій сонъ, и вдругъ, какая замѣчательная перемѣна! Небесный сводъ здѣсь выше, великолѣпнѣе и прекраснѣе всего на свѣтѣ; а это множество звѣздъ, которыя подобно брилліантамъ стоятъ въ его громадныхъ лабиринтахъ и блистаютъ безсмертными лучами, чтобы озарять путь страннику и сопровождать его впередъ и вверхъ къ граду вѣчной радости! И здѣсь я стою одинъ, никто меня не видитъ, исключая ока Вѣчнаго Существа; никто меня не слышитъ, кромѣ уха, внемлющаго молчаливому отголоску всѣхъ человѣческихъ думъ! Да, точно! я одѣтъ въ свое обыкновенное облаченіе и погруженъ въ созерцаніе высшихъ и высочайшихъ предметовъ!

Такъ стоялъ я и думалъ—не постигая того, какъ я туда попалъ, или сколько времени протекло съ тѣхъ поръ, какъ я удалился; не смотря на то ощущенія моего тѣла и души были тѣ же, которыя я испыталъ, ложась въ постель. Я чувствовалъ большое спокойствіе, хотя и не могъ подавить въ себѣ чувства любопытства относительно моего чудеснаго переселенія. Это было весною. Но время года было раннее, холодное и грустное; солнце не пробудило еще къ жизни красотъ природы. Земля была одѣта въ снѣжный покровъ, и вся картина была уныла, не смотря на свое благоговѣйное величіе.

Въ продолженіи краткаго времени стоялъ я задумчиво прислонившись къ стѣнѣ, раздѣляющей улицу отъ смежнаго съ ней поля; — какъ вдругъ странный звукъ, который казалось раздавался сзади меня, сталъ ударять мнѣ въ ухо. Я оглянулся, смотрю и съ удивленіемъ вижу стадо чистыхъ и красивыхъ овецъ! Ихъ внезапное появленіе нѣсколько встревожило меня, но все вокругъ нихъ и въ нихъ казалось правильнымъ и хорошимъ. Стадо оказалось большимъ, чѣмъ оно мнѣ съ перваго раза показалось, но физическое состояніе овецъ было далеко неудовлетворительно, хотя тѣла ихъ были совершенно б ѣ л ы; и онѣ выказывали большую доброту и кротость чувствъ. Я былъ впечатлѣнъ слѣдующимъ объясненіемъ, которое призналъ вполнѣ правильнымъ и которое раскрыло мнѣ з н а ч е н і е этого видѣнія.

Овечье стадо соотвѣтствовало великому братству людей, прекрасная внѣшняя бѣлизна овецъ означала врожденную

чистоту и доброту всѣхъ созданныхъ духовъ, указывая, что они способны къ матеріальному утонченію и духовному возвышенію. Скудость ихъ тѣла соотвѣтствовала испорченному физическому состоянію земныхъ жителей, что слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что ихъ интересы и соціальныя наклонности разъединены; что онѣ противны ихъ общему б л а г у и высшему счастію; что ихъ духовныя симпатіи худо направлены. Къ матеріальнымъ и внѣшнимъ вещамъ люди привязаны посредствомъ органовъ чувствъ; а узами дружбы, любви и супружескаго влеченія они связаны общественно и духовно. Они обладаютъ моральными силами, которыя дѣлаютъ ихъ склонными къ ощущеніямъ почтенія— любви къ добру, истинѣ и Богу. И весь человѣческій родъ представляетъ стадо овецъ, котораго пастырь есть Всеобщій Отецъ!

Эти истины свободно втекали въ мой раскрывшійся радушно духъ, какъ течетъ Мудрость на землю изъ высшихъ сферъ. Я познавалъ и глубоко почувствовалъ ихъ пользу и важность. Я продолжалъ наблюдать. Овцы казались спокойными и въ томъ же положеніи, въ какомъ я ихъ видѣлъ сперва. Но по мѣрѣ того, какъ я вникалъ въ смыслъ назиданія, они стали перемѣнять свои положенія и казалось искали з а г о р о д и, гдѣ могли бы спокойно отдохнуть. Онѣ продолжали двигаться въ большомъ смятеніи вдоль по улицѣ въ такомъ направленіи, что, если бы это были люди, то можно бы было подумать, что ихъ разсудокъ о с л а б ъ или поврежденъ, и что поэтому онѣ не способны избрать надлежащій и правильный путь, который бы привелъ ихъ къ цѣли, повидимому ими всѣми отыскиваемой.

Немедленно вслѣдъ за этимъ я увидалъ пастуха. Его внезапное появленіе не удивило меня, тѣмъ не менѣе оно было странно, и я приблизился къ нему. Я видѣлъ что онъ былъ очень опечаленъ, но исполненъ рѣшимости хотя и не былъ въ силахъ повести овецъ туда, гдѣ господствовали миръ и гармонія.

Онъ былъ прекрасно сложенъ, просто и хорошо одѣтъ. Въ его обращеніи былъ извѣстный оттѣнокъ скромнаго и почтеннаго достоинства, который вызывалъ удивленіе каждаго. Его наружность выражала благочестіе, и весь его видъ

былъ видомъ добраго и благороднаго существа, одареннаго физическими и духовными совершенствами. При моемъ приближеніи онъ не сказалъ ни слова, но выразилъ желаніе своей души природнымъ языкомъ, т. е. внезапнымъ сіяніемъ, которое озарило все лицо его. Я понялъ, что онъ нуждался въ симпатіи и пособіи. Овцы находились въ невѣдѣніи и смятеніи, которое онъ старался преодолѣть, и нуждались въ мягкой, но правильной дисциплинѣ. На его зовъ я явился тотчасъ. Посредствомъ энергическихъ, но разумныхъ распоряженій намъ удалось ввести между ними порядокъ, которому онѣ подчинились — послѣ чего онѣ и ихъ обрадованный пастырь пошли внизъ по улицѣ. Ихъ согласныя движенія казались спаянными въ одно гармоническое движеніе, и такъ онѣ шли, пока не скрылись изъ виду за дальніе предметы обширнаго ландшафта, окружавшаго насъ.

Все это зрѣлище явилось и прошло съ удивительной торжественностью въ продолженіи не болѣе десяти минутъ. Я былъ однакоже вполнѣ спокоенъ во все время этого поразительнаго явленія. Значеніе его послѣдней части стало для меня отчетливо яснымъ. Пастухъ соотвѣтствовалъ великому и благородному реформатору, — доброму человѣку, болѣе того — самому брату нашему Христу, котораго духъ дышалъ въ словахъ: «миръ на землѣ, и благоволѣніе людямъ», высокая мудрость котораго понимала множество физическихъ и духовныхъ нуждъ человѣческаго рода, а великая и здравая система соціальнаго и моральнаго управленія безконечно превосходила всѣ прочія, когда либо изобрѣтенныя людьми съ тѣхъ поръ какъ жизнь, ощущеніе и мысль проникли въ грудь Природы. Онъ разслѣдовалъ всѣ естественныя требованія и способы ихъ надлежащаго удовлетворенія. Онъ симпатизировалъ страждущимъ, заброшеннымъ и разочарованнымъ. Страждущихъ и немущихъ онъ успокоивалъ миромъ и радушіемъ; а въ отчаявшихся онъ вселялъ «живую надежду». Онъ училъ любви къ человѣку — къ истинѣ — къ небу — и къ Богу; училъ стремиться къ счастію путемъ правильной жизни и божественнаго поведенія.

Состояніе мучительнаго смятенія, въ которомъ находились овцы, соотвѣтствовало смятенному положенію богословскаго

міра;— конфликтамъ, столкновенію истины съ заблужденіемъ, разума съ богословіемъ, дѣйствительности съ воображеніемъ, теоріи съ практикой; — и сильной скорби, которую чувствуетъ каждое существо, желающее безсмертной жизни, но не могущее въ нее вѣровать. Просьба, отражавшаяся на его лицѣ съ такимъ смиреніемъ, соотвѣтствовала истинѣ, что я, наравнѣ съ другими, былъ назначенъ исполнить обязанность, наложенную на меня Виновникомъ и Распространителемъ всѣхъ истинъ. Я призналъ внушенную мнѣ такимъ образомъ истину и преклонился съ радостью, смиренно подчиняясь священной отвѣтственности!

Я вынужденъ говорить такъ, потому что: во первыхъ, поученіе, которое было съ намѣреніемъ такъ прекрасно выражено, текло непреодолимо въ мою душу; и во вторыхъ, потому что мое безсознательное перемѣщеніе въ эту часть деревни, о которомъ я вовсе и не помышлялъ въ то время, было произведено и руководимо властью, которая была выше моей, и болѣе мудрой, чѣмъ я.

Вдругъ зрѣлище измѣнилось. Я стоялъ почти лишенный всякихъ мыслей, и полное отсутствіе способности ощущать овладѣло мною почти совершенно. Кровь жизни остыла въ моемъ раскрытомъ тѣлѣ; голова, грудь моя были мучительно удручены; мой духъ сильно сжимался и угрожалъ оставить на вѣкъ мою слабую и вполнѣ обезсиленную форму! Я былъ окруженъ могильнымъ мракомъ, и почти безъ чувствъ. Я бился, и у меня захватывало дыханіе; всѣ мои усилія были тщетны. Жизнь едва было не улетѣла; все во мнѣ стало холодно, темно и мертво. Я сдѣлалъ слабое усиліе, чтобы избѣжать этой одинокой смерти и упалъ безъ чувствъ на землю.

На другой день семействомъ, гдѣ я жилъ, овладѣло опасеніе, смѣшанное со страхомъ и смущеніемъ. Молодой человѣкъ, занимавшій смѣжную комнату, утверждалъ, что онъ не былъ встревоженъ ни однимъ звукомъ впродолженіи всей ночи; и когда онъ, вставши въ обычный часъ съ постели, замѣтилъ мое отсутствіе, то онъ тотъ часъ же сошелъ въ

нижнюю комнату и переднюю, черезъ которыя я проходилъ прошлый вечеръ *).

* * *

Мое чудесное исчезновеніе сдѣлалось быстро извѣстнымъ многимъ жителямъ деревни. Всѣ они могли только выразить свое изумленіе. Нѣкоторыя лица и въ числѣ ихъ священникъ, въ домѣ котораго я былъ принятъ прошлымъ вечеромъ, сочли нужнымъ сдѣлать разслѣдованіе. Но ни одинъ изъ допрошенныхъ ими знакомыхъ меня не видѣлъ: — и никто не встрѣчалъ меня ни въ одномъ изъ обыкновенно посѣщаемыхъ мною мѣстъ. Поиски были наконецъ прекращены, и о п а с е н і е замѣнилось, наконецъ, обратившейся въ увѣренность надеждой, что т ѣ ж е з а к о н ы, которые произвели мое непостижимое исчезновеніе, по всей вѣроятности, защитятъ меня и отъ неблагопріятной случайности, и все дѣло кончится благополучно.

. . . . . .

Гдѣ, добрый читатель, думаешь ты, я бы могъ находиться? Я раскажу тебѣ это. Мои природныя силы были такъ истощены, что я потерялъ сознаніе жизни или бытія; и не будь мое тѣло вновь надѣлено жизнью и силой, я не могъ бы измѣнить моего положенія. Но вдругъ сладкое и благородное ощущеніе пробудило меня и возобновило во мнѣ сознаніе жизни. Я задвигался и возрадовался. Я протянулъ руку и ощутилъ нѣжную, волнистую и животворную атмосферу. Я могъ слышать; я раскрылъ глаза! «Возможно ли» думалъ я, что я опять вижу природными глазами матеріальныя творенія?» Въ одно мгновеніе мое зрѣніе просвѣтлѣло, и я взглянулъ спокойно на сцену, которая лежала передо мной. Я былъ пораженъ удивленіемъ. Я находился въ наклоненномъ назадъ положеніи, около семи футовъ выше земли. Масса, на которой я покоился, состояла изъ кустовъ молодыхъ деревьевъ, которыя были красиво и густо переплетены между собой, образуя довольно стройное сооруженіе, въ точности походившее на искуственный А л т а р ь.

*) См. данное въ предисловіи къ этому тому объясненіе «молодаго человѣка». Прим. нѣмецк. издателя.

По обѣимъ моимъ сторонамъ были безплодныя, каменистыя, и изумительно высокія горы; самыя высокія и мощныя, какія я когда либо видѣлъ. Я лежалъ такъ въ глубокой и, какъ казалось, недоступной долинѣ. Тихія выси горъ были покрыты льдомъ и замерзшимъ снѣгомъ, сквозь твердую кору коихъ пробивались громады безформенныхъ скалъ, въ промежуткахъ которыхъ стояли омертвѣлыя деревья. По положенію окружавшихъ меня предметовъ я могъ заключить, что лежалъ по направленію отъ востока къ западу, и былъ совершенно въ этомъ увѣренъ. Такъ какъ голова моя покоилась въ западномъ направленіи, то я имѣлъ возможность, приподнявшись замѣтить, что долина кончалась у крутаго спуска горы, почти на десять шаговъ къ западу предо мною, тамъ гдѣ было кажущееся отверстіе, которое вело на лѣво вокругъ подошвы горы. Обернувшись къ востоку, я увидѣлъ на разстояніи около четырехъ англ. миль красивую рѣку, въ которой впослѣдствіи призналъ р. Гудсонъ. На противуположной сторонѣ рѣки я замѣтилъ разваливающіяся опустѣлыя хижины, крутые холмы и темный печальный лѣсъ.

Небо было теперь все заволочено тучами; оно какъ будто оплакивало смерть міра, и грудь его терзалась страшными судорогами печали. Густой мракъ его увеличивался, пока оно не разразилось конвульсіями и не загремѣлъ г р о м ъ, который, какъ задавленный стонъ всеобщей агоніи (борьбы со смертью) съ ужасной силой раздавался далеко и широко. Электрическій свѣтъ освѣтилъ огромное пространство, какъ искренняя улыбка надежды, смѣшанной съ болью,— вслѣдъ за чѣмъ послѣдовалъ мракъ, вслѣдствіи контраста еще болѣе черный! Свѣтъ и мракъ слѣдовали другъ за другомъ съ мгновенной быстротой. Ахъ, это была страшная сцена! Я никогда не забуду, какъ въ то время какъ дождь валилъ ливнемъ, мнѣ казалось, что небо плачетъ, стонетъ, вздыхаетъ и смѣется съ гнѣвнымъ восторгомъ; какъ я одинъ ему сочувствовалъ и просилъ силы усмирить его встревоженные элементы, но не владѣя такими силами, я страшно трепеталъ и хотѣлъ убѣжать. Дѣйствительно, мое безвыходное положеніе было страшно. Дождь падалъ проливной, и жидкіе элементы, вступившіе въ борьбу между собой, казалось, угрожали меня уничтожить!

Благоговѣйная и поразительная торжественность проникала всю сцену. Это была страшная книга, но возвышенный и назидательный урокъ. Я внималъ съ трепетнымъ, но добровольнымъ подчиненіемъ. Лежа на алтарѣ, составленномъ изъ листьевъ козьей бороды и другихъ кустарниковъ, окруженномъ горами, высокими, наводившими ужасъ, отнимающими возможность побѣга, какую жатву мудрости пожалъ я здѣсь! Отъ великаго, но въ страхъ приводящаго явленія я научился подчиненію и возвышенности; а отъ быстроты молніи и страшной дѣйствительности грома, я познался, что «Господь Богъ Всемогущій царствуетъ». Я видѣлъ мое собственное ничтожество, и въ то же время я увидѣлъ, какъ и всѣ люди, невыразимую важность моего собственнаго существованія. Я научился почитать, повиноваться и зависѣть отъ власти, которая управляетъ и господствуетъ надъ универзумомъ, и понялъ, что всемогущая истина пожретъ всякое заблужденіе и всякую искусственную теологію, которой власть ослабла и порочность которой раскрывается божественнымъ свѣтомъ откровеній Природы! Я познался, что всякое зло будетъ побѣждено и изгнано, съ помощью окончательнаго тріумфа такихъ принциповъ, которые прекрасны, божественны, и неизмѣнны, и что несправедливости не будетъ больше; что потоки добрыхъ и благотворныхъ побужденій разольются, чтобы очистить и освѣжить нравственный міръ, и на растущихъ волнахъ ихъ прилива человѣчество вознесется до интеллектуальной и соціальной гармоніи, на высокую степень спиритуальнаго величія!

Вооружась самообладаніемъ я наблюдалъ какъ борющіеся элементы искали прійдти въ равновѣсіе, и какъ тучи уходили, и какъ бы утомленныя своими междоусобіями, превращались въ искрящіеся драгоцѣнные камни, содѣйствовавшіе украшенію утренняго наряда неба. Я видѣлъ какъ выплывала изъ за облаковъ царица тепла и свѣта—достославное Солнце, лучи котораго пронизывали мракъ тяжелыхъ тучь, и обращали ихъ въ блестящіе наряды, которые придавали торжественному путешествію царицы по небу восхитительную прелесть и умножали неподражаемое великолѣпіе ея сіянія. Вскорѣ за тѣмъ небо очистилось, и картина, ко-

торая раскрылась передо мной превышала всякую воображаемую красоту и величіе. Моимъ духомъ, съ чрезвычайной силой овладѣло убѣжденіе, что каждое движеніе въ универсальной Природѣ есть непосредственный отвѣтъ на повелительное требованіе непреложнаго Закона, который есть правило божественнаго дѣйствія, вѣчно установленное Тѣмъ, который возсѣдаетъ на престолѣ одушевленнаго и безконечнаго творчества!

Солнце казалось стояло на высотѣ двухъ съ половиной часовъ восхода, когда буря утихла и небо очистилось отъ тучь. Когда явленія, которыя тревожили мою мысль, миновали, мнѣ казалось безполезнымъ продолжать разсуждать о нихъ; и я задумался о безсознательной и непостижимой перемѣнѣ мѣстопребыванія моей личности. Послѣднее обстоятельство, какое я могъ припомнить, было: что я упалъ, какъ мертвый, въ обморокъ въ Паукписи, ночью, на углу вышеупомянутыхъ улицъ. Когда и какъ я здѣсь очутился, этого я не могъ себѣ разрѣшить. Находился ли я тутъ день или цѣлый годъ, на это я не могъ дать отвѣта; и былъ ли я въ Америкѣ или въ другой какой нибудь странѣ, все это было для меня также неразрѣшимымъ вопросомъ. Мѣсто было незнакомое; мнѣ не представлялось еще случая видѣть его прежде; и я былъ убѣжденъ на основаніи прошлыхъ опытовъ, что если бы я долго ходилъ, то утомился бы; но этого однако со мною не было. Я лежалъ на массѣ или алтарѣ, о чемъ я уже говорилъ, во время страшной бури и дождя, не способный пошевелиться, и промокъ до костей. Я желалъ просушить мое платье и узнать на какой части земли я находился. Потому я привсталъ и сошелъ осторожно на землю. Опираясь на массу, на которой я лежалъ, я постоянно испытывалъ какое-то тупое сонное чувство, за которымъ внезапно послѣдовала реакція (противуположное дѣйствіе) такъ что я сдѣлался необычайно бодрымъ.

Въ отдаленіи катилась рѣка, и всѣ вещи казались необыкновенно романтичными и прекрасными. Въ это самое мгновеніе моего уха коснулся неопредѣленный звукъ, который проникая массу, казалось, выходилъ изъ противоположной ей стороны. Я прислушивался молча, ожидая по-

вторенія звука, чтобы разгадать его природу и причину. И тутъ я услышалъ его повторившимся быстро нѣсколько разъ сряду, послѣ чего, я обернулся и пошелъ къ западной сторонѣ массы, гдѣ увидалъ одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ видовъ, которые можно только себѣ вообразить! Стадо овецъ въ состояніи неописаннаго смятѣнія, которое тяжело было видѣть, неистово бѣжало во всю прыть поперекъ верхней части долины по всевозможнымъ направленіямъ. Однѣ изъ нихъ пытались взойти на верхъ холма. Я видѣлъ ихъ прыгающими на замерзшую гору, отъ которой онѣ отскакивали съ страшной силой и падали обратно на каменистую землю. Другія старались пройти чрезъ занимаемое мною мѣсто; но не умѣли достигнуть его, такъ что онѣ не знали ни какъ имъ стоять, ни куда дѣваться, чтобы найти твердую опору. Горы были слишкомъ высоки, почва очень не благопріятна, а проходъ находился подъ строгой охраной; вслѣдствіи чего онѣ чувствовали потребность въ мудромъ совѣтѣ, мудромъ руководствѣ и предостереженіи. Какъ вдругъ въ отверстіи у подошвы горы появился ихъ пастырь, который подходилъ ко мнѣ тихой, но твердой поступью.

Овцы казались по своему внѣшнему виду и числу похожими на тѣхъ, которыхъ я, какъ мнѣ припоминается, видѣлъ на улицахъ въ Паукипси ночью; а пастухъ соотвѣтствовалъ во всѣхъ отношеніяхъ тому, котораго я тоже видѣлъ тамъ. Я пошелъ къ нему на встрѣчу, и безъ разговора по выраженію его лица понялъ чего онъ желалъ отъ меня. Я съ радостью исполнилъ его желаніе, вслѣдствіи котораго я обошелъ со всѣхъ сторонъ овецъ, въ особенности тѣхъ, которыя удалились на нѣкоторое разстояніе отъ стада. Сначала онѣ очень сопротивлялись; но, понявъ положительность и серьезность нашихъ стремленій, онѣ покорно подчинились имъ. Мы собрали ихъ и вывели на дорогу, которая шла вокругъ горы, и которую онѣ, казалось, признали за вѣрный путь; и въ то время, какъ онѣ шли по немъ, онѣ казались очень довольными, что нашли его. Все это было дѣйствительно замѣчательно; но я теперь убѣдился, что это были тѣ самыя овцы, которыхъ я прежде видѣлъ.

Новая, неизмѣнная гармонія и такое же спокойствіе ха-

рактеризовали ихъ физическое и духовное состояніе. Овцы и ихъ пастухъ были въ первый разъ неразрывно соединены—соединены навсегда. Вѣчные принципы правды и добра произвели и завершили ихъ избавленіе. Природа не переставала быть благосклонной къ нимъ, между тѣмъ какъ онѣ нарушали ея законы и испытывали страданія отъ своихъ частыхъ проступковъ. Но теперь было «кончено»; дѣло совершилось и народъ освободился. Овцы вмѣстѣ съ ихъ кроткимъ пастыремъ сошли черезъ отверстіе въ долину, и когда онѣ исчезли въ отдаленіи, я чувствовалъ глубокое внутреннее убѣжденіе, что Грѣхъ уничтоженъ, что нарушеніямъ положенъ конецъ, и что постоянная справедливость была установлена: овцы въ ихъ разстроенномъ и безпорядочномъ состояніи, представляли весь родъ человѣческій въ настоящее время, но теперь, будучи соединены, онѣ представляли его уже въ состояніи Гармоніи, къ которой онъ будетъ приведенъ подобнымъ же способомъ въ непродолжительномъ времени.

Чрезвычайно удивленный, я возвратился къ мѣсту своего отдохновенія, и склонившись на сторону пастыря закутался плотнѣе въ свои одежды и погрузился въ глубокое размышленіе. Глядя по направленію, гдѣ исчезли овцы, я увидѣлъ вдругъ форму человѣка, который ко мнѣ приближался. Онъ шелъ задумчивый, какъ бы совсѣмъ поглощенный мыслью. Это была личность, не большаго роста, но прекраснаго анатомическаго сложенія. Его изящная симметричность, его легкая и граціозная поступь, сильно привлекали мое вниманіе, которое, наконецъ, совершенно на немъ сосредоточилось. По лѣтамъ онъ казался нѣсколько старъ, и былъ одѣтъ сообразно съ тѣмъ въ костюмъ, который по покрою почти походилъ на носимый квакерами, въ особенности въ прежнія времена. Его серебристо—бѣлые волоса красиво падали на шею и плечи. Лице у него было круглое, выразительное и гармонировало съ головой необыкновенно прекрасно. Его моральное и интеллектуальное (умственное) развитіе бросалось въ глаза и обозначало широкій умъ и склонность къ высокой спиритуальности (духовному общенію съ Божественнымъ).

Въ его рукѣ я замѣтилъ свѣтлый бѣлый свертокъ,

внѣшность котораго была такъ безукоризненно бѣла, что я почувствовалъ необоримое желаніе взять его въ руки, чтобы лучше разсмотрѣть. Его края блистали изящнѣйшей позолотой, и попеченіе, съ которымъ онъ охранялъ красоту свертка внушало мнѣ чрезвычайное почтеніе. Онъ продолжалъ приближаться ко мнѣ, но когда я хотѣлъ идти къ нему на встрѣчу, онъ поднялъ руку и далъ мнѣ дружески замѣтить, чтобы я оставался въ совершенномъ покоѣ. Высочайшій небесный блескъ озарилъ его ликъ въ тотъ моментъ, когда онъ поднесъ свертокъ къ своимъ устамъ, напечатлѣвъ на немъ любовно чистый и святой поцѣлуй, послѣ чего, онъ передалъ мнѣ его, чтобы я раскрылъ и прочелъ. Я развернулъ его съ осторожностью и вниманіемъ и увидалъ писаніе изображенное знаками, которыхъ я никогда не видалъ прежде; не смотря на то, я могъ читать эти письмена безъ малѣйшаго затрудненія. Языкъ былъ ясенъ и внятенъ; форма выраженія — простая, но сильная: она содержала міръ прекрасныхъ мыслей, производившихъ сладостное, божественное, преобразующее вліяніе. Она гласила такъ:

«Какъ они были, такъ они суть;
Какъ они суть, такъ они будутъ»!

Подъ этимъ былъ слѣдующій вопросъ: «Теперь вѣришь ли ты этому»? Я чувствовалъ убѣдительную силу этого изрѣченія, и преклонился съ внутреннимъ признаніемъ его: посланникъ, замѣтивъ мое согласіе по выраженію моего лица, вручилъ мнѣ какое-то особенное перо, (потому что при мнѣ не было пера), которымъ я начерталъ свое признаніе и подписалъ свое имя.

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ принялъ отъ меня съ благороднымъ поклономъ Свертокъ, свернулъ его, приложилъ его къ своимъ устамъ, повернулся и ушелъ, какъ пришелъ, — тихо, твердо и задумчиво, пока не скрылся у меня изъ вида, у подошовы громадной горы, которую онъ огибалъ.

«Какъ странно», думалъ я про себя, «приходитъ чужестранецъ, беретъ отъ меня подписку, уходитъ, не сказавъ ни одного словечка, и не смотря на это, онъ такъ краснорѣчивъ!—Возможно ли»? Вслѣдъ за этимъ я рѣшился, пе-

рестать задавать себѣ такіе внѣшніе вопросы (ибо чувственныя впечатлѣнія часто прекословятъ чистѣйшимъ вдохновеніямъ души и сбиваютъ ихъ), и рѣшился слѣдовать только однимъ тѣмъ назидательнымъ внушеніямъ, которыя проистекаютъ изъ внутренняго.

Могущественныя и священныя истины выходили сами собой изъ глубины моего духа, и я пришелъ къ слѣдующимъ прекраснымъ и важнымъ заключеніямъ:

Лице, пришедшее со свертком, представляло великаго Реформатора, того, который пролилъ новый свѣтъ на всѣ важные и высокіе предметы «жизни и безсмертія». Свертокъ изображалъ чистоту его миссіи и безукоризненность характера Того, который училъ человѣчество тѣмъ принципамъ, которые поднимутъ высоко всѣхъ исполняющихъ ихъ, надъ всякимъ физическимъ злополучіемъ и моральнымъ несовершенствомъ. Содержаніе свертка представляло его великія и добрыя намѣренія, а равно и выражало высокое превосходство его моральныхъ ученій, которыя, будучи примѣнены и съ благочестіемъ выполнены, произведутъ — именно: «Миръ на землѣ», соціальное (общественное) и любве-обильное взаимодѣйствіе и всеобщую любовь. Документъ былъ написанъ такъ просто и его истина была такъ кратко выражена, что смыслъ ея, можетъ остаться не понятымъ, если онъ не будетъ подробнѣе выясненъ; потому объявляется и провозглашается, что его значеніе есть слѣдующее:

«Какъ они были»:—когда я ихъ въ первый разъ увидѣлъ, въ состояніи всеобщаго разстройства, до крайности несчастны, безъ всякой твердости въ предположеніяхъ, безъ знанія своихъ общихъ интересовъ или пути прогрессирующей Мудрости, который бы могъ ихъ повести къ счастію, и поэтому они находились въ состояніи бѣдности. «Такъ онѣ суть»:—такъ суть люди, въ такомъ же разъединенномъ, разстроенномъ состояніи, какъ были овцы. Невѣдѣніе естественныхъ, психологическихъ, спиритуальныхъ наукъ, и его послѣдствія: суевѣріе, скептицизмъ (наклонность къ сомнѣнію), лицемѣріе, фанатизмъ, нетерпимость, угнетеніе духа, и рабство суть великія бѣдствія, которыя господствуютъ надъ ними. Онѣ производили вліяніе на царей и

царства — и оковали гнетущею цѣпью деспотизма (насильственнаго управленія), властной аристократіи и соціальнаго бѣдствія цѣлыя царства. Онѣ царили въ религіозной святынѣ какъ у себя дома: въ лѣсахъ непросвѣщенныхъ дикарей и не развитыхъ каннибаловъ. Онѣ поднимали властителей на сѣдалище неограниченной власти и становились прислужниками ихъ неукротимаго эгоистическаго тщеславія, а между тѣмъ какъ все это происходило, слабые, невѣдущіе и подвластные были угнетены до крайней степени нищеты и несчастія.

«Какъ они суть»,— соединенныя на всегда, стремящіяся къ одному предпріятію, къ одной великой и достославной цѣли, которая есть блаженство; «такъ они (люди) будутъ». Они будутъ одинаковымъ образомъ соединены. Они будутъ свободны отъ всѣхъ бѣдъ! отъ личныхъ заблужденій и мукъ, отъ невѣжества и порочности; свободны отъ тщеславія и сектантской нетерпимости! Послѣднія должны совсѣмъ удалиться съ земли и никогда не вводить болѣе человѣчество въ рабство и не унижать его. Этотъ міръ мышленія, склонностей и общественныхъ отношеній долженъ быть очищенъ, пока не настанетъ новое небо и новая земля, въ которыхъ обитаетъ правосудіе. И бѣдствія, которыя теперь существуютъ, будутъ только тѣмъ извѣстны, которые будутъ изучать исторію нашего рода, что они станутъ дѣлать со смѣшаннымъ чувствомъ сожалѣнія и сочувствія. Какъ были соединены овцы, такъ соединятся и люди въ одно единственное братство и будутъ обвиты цѣпью любви. Ихъ интересы будутъ чисты и взаимны; ихъ дѣйствія будутъ праведны и гармоничны; руководимые однимъ духомъ всеобщей любви человѣческой, они будутъ какъ одно тѣло, одушевлены однимъ элементомъ божественной симпатіи, который проникнетъ всѣ его части и свяжетъ ихъ въ одно цѣлое.

Вопросъ: «Вѣришь ли ты теперь этому»? былъ обращенъ къ моему юношескому разсудку, который былъ такъ не правильно впечатлѣнъ и направленъ традиціонной (по преданію полученной) теологіей нашей страны, съ намѣреніемъ чтобы контрастъ между заблужденіемъ и истиной могъ бы навѣрно произвести полное превращеніе моихъ

убѣжденій; и эти начально-основныя изображенія были необходимы, чтобы дать мнѣ понять различныя превратности моей будущей жизни и научить меня съ мудростью и терпѣніемъ переносить ихъ. Вопросъ, написанный на сверткѣ, спрашивалъ у моего впечатлительнаго сужденія: захочу ли я повѣрить въ поученіе, которое получилъ, и дать ему преимущество передъ моими прежними религіозными мнѣніями. Истина была открыта моему духу. Я подписался подъ внутренними поученіями свертка, и мои мысли стали свѣтлы возвышенны и невозмутимы. Мой умъ ощутилъ чувство покоя и вдыхалъ атмосферу надежды и мудрости; такъ какъ мои убѣжденія стали непреклонными и мои впечатлѣнія слишкомъ глубокими, чтобы ихъ когда либо можно было измѣнить!

Мои чувства и мои способности пришли обратно къ своему обыкновенному состоянію. Странное вліяніе, которое овладѣло моимъ тѣломъ и располагало ко сну, миновало, и я былъ опять свободенъ отъ всего, кромѣ физической усталости и смущенія относительно моего мѣсто-нахожденія. Я началъ спускаться по долинѣ, которая вела къ рѣкѣ, съ намѣреніемъ, опредѣлить по возможности свое географическое положеніе и возстановить утраченныя силы тѣла. Не успѣлъ я сдѣлать ста шаговъ, какъ замѣтилъ человѣка, въ одеждѣ фермера съ заступомъ на плечѣ, идущаго непринужденно по противоположному направленію. Я поспѣшилъ, догнать его и робко спросилъ:

«Сэръ, не угодно ли вамъ будетъ сказать, какъ называется это мѣсто, гдѣ бы я могъ тутъ найти, что нибудь поѣсть, и какъ далеко отсюда до Паукипси»? Онъ улыбнулся и бросилъ на меня пытливый взглядъ. «Это мѣсто», сказалъ онъ, «есть Кетскиль, а эти горы—Кетскильскія горы; можетъ быть вы найдете покушать что нибудь въ трактирѣ. Вы хотите узнать далеко ли до Паукипси; извольте, я думаю, что онъ лежитъ приблизительно за 40 англійскихъ миль по ту сторону рѣки».

Я пошелъ къ рѣкѣ; перешедши ее я почувствовалъ нѣкоторую усталость и отдохнулъ, прислонившись спиной къ борту лодки. Какъ я перешелъ прежде рѣку и какъ я могъ

очутиться въ этомъ мѣстѣ, все это было для меня тайной *). И теперь, когда я такъ лежалъ размышляя о случившихся со мною происшествіяхъ, снова нашелъ на меня незамѣтно сонъ. Я былъ пораженъ, почувствовавъ возвращеніе тѣхъ ощущеній, которыя предшествовали закрытію органовъ чувствъ и просвѣтленію внутренняго принципа. Когда онѣ пришли, мое тѣло какъ бы невольно подчинилось имъ; внѣшняя жизнь вновь исчезла, и я еще разъ сдѣлался существомъ внутренней жизни.

Какъ долго я находился въ этомъ состояніи, не знаю; но я почувствовалъ, наконецъ, какъ и въ предшествовавшихъ случаяхъ, токъ жизни возвращающейся въ мою систему, и былъ опять возстановленъ къ высокой степени воодушевленія. Я открылъ глаза, и съ изумленіемъ увидѣлъ, что я сидѣлъ на мраморномъ могильномъ камнѣ на восемьнадцать приблизительно дюймовъ отъ земли! Меланхолическая церковь въ которой я находился, была обведена большою каменной стѣной, на которой подымалась рѣшетчатая изгородь, похожая на обыкновенную загородь фермеровъ. Церковный дворъ имѣлъ видъ треугольника и занималъ, какъ мнѣ кажется около одного съ половиной акра ровной земли. Я могъ видѣть могильные камни, изъ коихъ одинадцать стояли, а пять были разбиты и разбросаны по землѣ. Густой лѣсъ скрывалъ отъ моихъ взоровъ вблизи лежащую мѣстность, и я находился такимъ образомъ въ уединенномъ мѣстѣ, не зная вовсе причины и цѣли моего уединенія.

Я порѣшилъ остаться въ томъ же положеніи, въ которомъ пробудился къ сознанію, чтобы дождаться внушенія, откуда бы оно не появилось: извнутри или извнѣ. Какъ вдругъ я почувствовалъ ощущеніе дуновенія на лбу и той части головы, гдѣ помѣщенъ органъ идеальности. Его увеличивающаяся сила заставила меня оборотиться въ ту сторону, откуда оно шло, и я увидалъ передъ собой человѣка обыкновеннаго роста и вида. Онъ приблизился и, не произнеся ни слова, повернулъ на право ко мнѣ и сѣлъ рядомъ со мной. Я замѣтилъ, что онъ былъ любителемъ природы и истины,—и имѣлъ неутолимую жажду къ знанію и великую

*) См. объ этомъ въ предисловіи къ этому тому. Прим. А. Девиса.

способность къ изслѣдованію и наблюденію. Его живая чувствительность, споспѣшествуемая высоко развитыми дарованіями созерцанія и размышленія, представляла сочетаніе рѣдкихъ интеллектуальныхъ силъ. Это было существо, которое я чувствовалъ себя вынужденнымъ любить, — такъ какъ любовь вселялась его Высокой Премудростью. И то, что я говорилъ съ нимъ, а онъ со мной посредствомъ взаимнаго прилива и отлива мыслей есть дѣйствительная истина! Его разсказъ былъ слѣдующаго содержанія:

«Я жилъ», сказалъ онъ, «на землѣ въ человѣческомъ образѣ между ея обитателями, долгое время повинуясь Закону Природы. Въ молодости еще я былъ пропитанъ впечатлѣніями, которыя мой духъ воспринялъ отъ моихъ родителей изъ религіознаго міра и философіи; но искуственное воспитаніе послужило болѣе къ замедленію моего духовнаго прогресса, вмѣсто того, чтобы съ пользой споспѣшествовать ему. Я рано отбросилъ отъ себя эти неблагопріятныя вліянія, и началъ допрашивать Природу, и жить въ общеніи съ ней и ея произведеніями, насколько позволяли моей кругозоръ и духовныя способности, вслѣдствіи чего я позналъ истины очень глубокой важности и великаго объема. Мнѣ стало ясно, что всѣ различныя внѣшнія формы въ этой и въ другихъ частяхъ Универзума развертывались во внѣшность силою элемента или духовнаго принципа, который содержится во всякой изъ нихъ и составляетъ ея жизнь или душу; и эта эссенція (существенность) называется людьми Богомъ;—за тѣмъ, что наружное соотвѣтствуетъ внутреннему, продуктивному (производящему) принципу, что формы, совершенныя или несовершенныя, опредѣляются специфичнымъ характеромъ души, которая ихъ воспроизводитъ и подвигаетъ къ жизни и развитію.

«Черезъ это я узналъ, что грубая матерія и минералы нашей земли образовываются, управляются и поддерживаются закономъ — ингерентнаго (имъ присущаго, внутри ихъ живущаго) принципа,—который тоже дѣйствуетъ и на высшихъ степеняхъ и мірахъ матеріальной организаціи. И по мѣрѣ того какъ этотъ принципъ путемъ различныхъ видоизмѣненій возвышался въ Природѣ, развивались высшія и совершеннѣйшія формы, движимыя и совершенствуемыя

внутренней жизнью, которая соотвѣтствовала ихъ внѣшнему существованію. Эти формы, какъ я могъ понять, составляли растительное царство. Я позналъ, что на этомъ установленномъ базисѣ тѣ же законы породили животное царство, а на его ближайшей стадіи восхожденія развили, утвердили и усовершенствовали человѣка! И ко всему этому я пришелъ, благодаря размышленію и открытію соотвѣтственныхъ истинъ, дѣйствующихъ во мнѣ, вокругъ меня и надо мною.

«Съ помощью моихъ аналитическихъ изслѣдованій я открылъ троичную или трединую Силу въ каждомъ сочетаніи — и три существенныя части въ каждой установленной организаціи, абсолютно необходимыя для всѣхъ вещей, дабы онѣ могли быть совершенно организованы.

«Это познаніе повело меня къ размышленію о многихъ физическихъ разстройствахъ, встрѣчающихся каждый часъ между обитателями земли — и впечатлѣло меня, что эти частыя нарушенія законовъ, поддерживающихъ человѣческую форму, требуютъ дѣятельнаго цѣлебнаго средства, для исцѣленія ими причиненныхъ болѣзней. Потому я установилъ на этихъ принципахъ и разсужденіяхъ систему, которую можно назвать «медицинской системой трединства или троичности». Въ ней я утвердилъ положеніе, что каждая частица въ человѣческомъ тѣлѣ имѣетъ тѣсную родственную связь съ особенными частицами въ подчиненныхъ царствахъ, и что эти послѣднія частицы, если онѣ будутъ сообразно сочетаны и примѣнены, должны непремѣнно излечить каждую захворавшую часть, или каждый поврежденный органъ человѣческаго организма.

«Чтобы установить эту теорію, я работалъ прилежно; и теперь я имѣю удовлетвореніе знать, что моя система была зародышемъ, оживленнымъ внутреннею Истиной, посредствомъ котораго новыя и болѣе обильныя истиной системы были развиты, чтобы осчастливить жителей земли! Теперь я люблю истину, потому что она производитъ мудрость; ибо моя любовь стала мудростью; моя же мудрость — существеннымъ познаніемъ»! Его ликъ, когда онъ произнесъ эти слова, освѣтился очаровательной и прекрасной улыбкой!

Изумленный его рѣчью и исполненный думъ, возбужденныхъ въ моей душѣ его откровеніями, я индивидуализировалъ (развилъ) въ себѣ мысль, которую онъ тотчасъ же замѣтилъ и на нее отвѣтилъ. Я спросилъ: «могу ли я, любезный незнакомецъ, познакомиться съ вашей системой съ помощью надлежащихъ способовъ, сообщеніе которыхъ состоитъ въ вашей власти и вашемъ расположеніи»? — «Не сомнѣнно, да; затѣмъ и сидите вы возлѣ меня», сказалъ онъ, преклоняясь на правую сторону и поднявъ въ верхъ красивую тонкую трость, которую я до этого у него непримѣчалъ. «Вотъ полный синопсисъ (обозрѣніе) моей Системы и моей практики», сказалъ онъ, оборотившись ко мнѣ, и мнѣ желательно было бы, чтобы Вы ее поняли, согласно съ разумомъ ея фундаментальныхъ принциповъ (основныхъ началъ); вы будете имѣть возможность дѣлать изъ ея ученій должное и правильное примѣненіе для блага вашихъ братьевъ, людей»!

Сказавъ это, онъ прикоснулся къ особенной пружинѣ наконечника трости, и она раздѣлилась механически на три продольныя полосы или части. Одинъ прутикъ проходилъ черезъ середину трости, соразмѣрный ей по величинѣ и виду. Этотъ прутикъ былъ удивительно какъ красивъ и казался искусно выполированнымъ изъ серебра. Части были изящно прилажены одна къ другой, и когда онѣ прилагались къ прутику, то образовывали трость, превосходившую своею красотой всѣ, которыя мнѣ когда либо случалось видѣть. Я видѣлъ, что куски отдѣлялись отъ шеста; онъ взялъ ихъ въ руку и сталъ раздѣлывать одинъ кусокъ за другимъ, пока они не были вполнѣ разложены. Меньшіе куски приняли вдругъ видъ алмаза, въ особенности при болѣе близкомъ разсматриваніи ихъ.

«Здѣсь», «на этихъ самыхъ кусочкахъ», сказалъ онъ, показывая ихъ мнѣ, «стоитъ имя каждой болѣзни, которою человѣческій родъ бываетъ одержимъ».

Я увидалъ и прочиталъ имена каждой болѣзни, многія изъ которыхъ мнѣ были еще вовсе неизвѣстны; и по мѣрѣ того, какъ я ихъ перечитывалъ, я возвращалъ ему по порядку одинъ кусочекъ за другимъ.

Потомъ онъ всталъ и произнесъ слѣдующее: «На внут-

ренней сторонѣ этихъ кусочковъ вы найдете обозначеніе композиціи (состава), которая, будучи примѣнена, исцѣлитъ болѣзнь обозначенную на ихъ внѣшней сторонѣ. Изъ этого состава берите количество, соотвѣтственное съ болѣзнью индивидуума, котораго вы въ данное время пользуете и крѣпости, достаточной для полезнаго дѣйствія» *). Онъ приложилъ куски обратно къ ихъ прежнимъ мѣстамъ и быстро сложилъ трость, такъ что не было никакой возможности раздѣлить ее снова на части.

«Возьмите ее», сказалъ онъ, вручая мнѣ трость, «и берегите съ благоговѣніемъ эту вещь; такъ какъ она есть трудъ жизни человѣческой, требующій одинаковаго количества вниманія разсужденія и опытности». Я принялъ драгоцѣнный даръ съ невыразимой радостью и признательностью, послѣ чего онъ произнесъ:

«Для того, чтобы кромѣ того вы могли видѣть полное соотвѣтствіе между этой Системой и Природой, я объясню вамъ значеніе этой трубки. Куски, когда они будутъ разсматриваться въ выше показанномъ разъединеніи, соотвѣтствуютъ силамъ, живущимъ и дѣйствующимъ въ природной организаціи; а кусочки соотвѣтствуютъ различнымъ индивидамъ, образующимъ родъ человѣческій. Болѣзнь, особо обозначенная на внѣшней сторонѣ каждаго кусочка, соотвѣтствуетъ истинѣ, что болѣзнь стремится охватить только тѣло людей, а не ихъ жизненный, внутренній, безсмертный принципъ! Составъ на внутренней сторонѣ каждаго кусочка соотвѣтствуетъ истинѣ, что внѣшнее каждой вещи опредѣляется въ точности внутреннимъ, зиждущимъ и движущимъ принципомъ;—далѣе истинѣ, что духъ есть творящее, развивающее, исцѣляющее и вѣчное существо, которымъ обладаетъ каждая вещь.

«Тросточка, которая проходитъ черезъ трубку и связываетъ ея части другъ съ другомъ, соотвѣтствуетъ принципу божественной истины, которая проникаетъ и содержитъ какъ эту систему, такъ и всѣ обширныя творенія этой и высшихъ сферъ. То же, что находится внутри

*) Эта система медицинскаго пользованія подробно изложена въ первомъ томѣ «Великой Гармоніи», «Врачѣ».

трубки, обозначаетъ, что великій законъ истины заключается внутри всѣхъ вещей, гдѣ онъ живетъ хотя и не примѣтно для внѣшняго чувства, но познается въ своемъ бытіи изъ правильныхъ откровеній соединеннаго и стройно связаннаго Универзума (Вселенной)!

«Внутреннее исканіе Истины будетъ руководить насъ въ раскрытіи великихъ и важныхъ дѣйствительностей (реальностей), которыя съ такимъ изяществомъ изображены этой тростью, ибо она есть собраніе внутреннихъ и внѣшнихъ доказательствъ, подтвержденныхъ внушеніями Природы и освященныхъ и завершенныхъ сознаніемъ въ душѣ живущей истины».

Этимъ кончилось его краснорѣчивое изъясненіе. Его лице просіяло вдохновенной радостью, и его думы вошли въ мой духъ и отозвались въ немъ, не потревоживъ моего слуховаго органа ни одного даже раза.

Сладостное, нѣжное, но странное ощущеніе проходило теперь тепло черезъ лѣвую сторону моей груди, лица и головы. Казалось, что оно исходило отъ чего-то не посредственно позади меня находящагося. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я обратился и увидѣлъ человѣка по виду совсѣмъ другого. Его тѣлоустройство было мудрыхъ размѣровъ; онъ имѣлъ вполнѣ симметричную структуру мозга и былъ, казалось, ростомъ около шести футовъ. Въ особенности его голова привлекла мое вниманіе, потому что я никогда не видѣлъ такого гармоническаго сочетанія моральныхъ и интеллектуальныхъ развитій! Его cerebrum или передній—мозгъ указывалъ на чрезвычайно сильный, гигантскій разумъ, — равно какъ и на высокую силу пониманія, большую легкость выраженія и высокую степень спиритуальности. Онъ приблизился и прислонившись къ камню, который занималъ первый мой собесѣдникъ, произнесъ слѣдующее:

«Благодаря дозволенію посѣщать этотъ и другіе міры, которое мнѣ даровано уже съ давняго времени по милости Господа, я сдѣлался способнымъ, какъ это мнѣ дѣлать подобаетъ, наставить тебя въ вещахъ, которыя касаются твоей внутренней жизни и внѣшней сферы мышленія и полезности. Твой духъ теперь не помраченъ — испыталъ радостное воскресеніе посредствомъ искусственныхъ пріемовъ соціаль-

наго міра тамъ, во внѣшности; потому ты сталъ надлежащимъ сосудомъ для воспріятія вліянія истины и мудрости. Духовно ты оставилъ міръ, гдѣ живутъ люди; но физически ты находишься еще между ними. Твоя миссія указана тебѣ: и велика Вселенная, въ которой ты долженъ трудиться и дѣлать все, что твое внутреннее разумѣніе признаетъ добрымъ, истиннымъ и полезнымъ.

«Я буду близъ тебя при отправленіи твоей обязанности управителя, указывая тебѣ на истинный путь и на преимущества духовной жизни. Вещи, которыя ты будешь производить, приведутъ въ изумленіе и смущеніе тѣхъ людей страны, которые считаются глубокими знатоками науки и метафизики *).

«Препятствія всевозможнаго рода будутъ постигать твою внѣшнюю жизнь; но онѣ будутъ содѣйствовать къ болѣе полному развитію твоего внутренняго существа. Ускорь твой путь, и люби только то, что стремится къ истинѣ и мудрости.

«Черезъ тебя появится новый свѣтъ; онъ будетъ новымъ, потому что онъ освѣтитъ и очиститъ то, что уже есть въ бытіи и будетъ духовно отражать то, что считалось дикимъ заблужденіемъ и принимается еще по нынѣ за галлюцинацію, а именно: Законъ и «царство небесное» на землѣ,—міръ на землѣ, и благоволеніе людямъ.

«Въ надлежащее время будутъ раскрыты эти вещи черезъ тебя другимъ, и еще во время вашего нахожденія въ человѣческой формѣ. Многіе поймутъ и примутъ ихъ, а по прошествіи непродолжительнаго времени ихъ красота и важность будутъ признаны и оцѣнены вездѣ; и ихъ полюбятъ и провозгласятъ на дѣлѣ.

«Въ очень не продолжительномъ времени я наставлю тебя относительно раскрытія твоего внутренняго разумѣнія и законовъ, которые должны быть соблюдены для того, чтобы сдѣлать тебя способнымъ, входить въ сообщеніе съ внутренними реальностями (дѣйствительностями) всѣхъ высокихъ и малыхъ вещей. Когда этотъ феноменъ (явленіе) обнару-

*) Наука о сверхъестественномъ, т. е. о томъ, что не досягаемо внѣшними, наружными чувствами, а только можетъ быть ощущаемо духовно или умозрительно, спиритуально. Прим. переводчика.

жится явственно, онъ засвидѣтельствуетъ Божественность и спиритуальность истинъ, не понятыхъ еще тѣми, которые созерцаютъ Природу исключительно лишь для удовольствія, какое можно найти въ этомъ, а равно и всѣми тѣми, въ неволѣ находящимся душами, которыя не вѣрятъ ничему, что выходитъ изъ предѣловъ сферы ихъ тѣлесныхъ органовъ. Внимай вдохновеніямъ твоего живаго Духа. Въ свое время начнется для тебя великая работа, которая, будучи выполнена, возвыситъ родъ человѣческій на высокую степень Гармоніи.

«Теперь я не сообщаю тебѣ ничего болѣе. Но повторяю, люби мудрость, которая есть пища и свѣтъ внутреннему: ибо мудрость обезпечиваетъ здоровье, а здоровье доставляетъ счастіе. И такъ окрѣпнувъ, просвѣтясь и очистившись, ты найдешь вполнѣ естественнымъ, искать и жаждать внутреннихъ и прекрасныхъ И с т и н ъ».

Такъ кончились пророческія увѣщанія послѣдняго собесѣдника: и когда онъ заключилъ свою рѣчь, я увидѣлъ улыбку радости, даже экстаза (сильное воодушевленіе) на его лицѣ, которая казалась сладостной и небесной — и, была, какъ и его думы, исполнена непринужденности.

Я почувствовалъ, что какое-то вліяніе велитъ мнѣ встать и уйдти съ своею т р у б к о й. Этому побужденію я послѣдовалъ тотчасъ. Я пошелъ къ оградѣ, поставилъ одну ногу на стѣну и перекинулъ черезъ нее свое тѣло. Но стараясь перепрыгнуть черезъ рѣшетку, я зацѣпился одеждой и по причинѣ этого препятствія почувствовалъ раздраженіе, доходившее до с и л ь н а г о г н ѣ в а. Это было необычно; потому что я давно уже не имѣлъ подобныхъ ощущеній — я въ самомъ дѣлѣ не могу даже припомнить, чтобы я когда нибудь былъ до такой степени разсерженъ. Я былъ взбѣшенъ на р ѣ ш е т ч а т у ю и з г о р о д ь, которая будучи въ одномъ мѣстѣ расколотой, зацѣпила мой сюртукъ. Незнакомцы наблюдали мои чувства и движенія съ примѣтнымъ удовольствіемъ. Увидѣвъ это, я попросилъ того, который вручилъ мнѣ трость, подержать ее, пока я не достигну противоположной стороны изгороди. Онъ подошелъ и взялъ изъ моей руки трость. Освободившись, я схватилъ рѣшетку у поврежденнаго мѣста и разломилъ ее на двое. Я спус-

тился теперь снова на землю и пожелалъ получить обратно трость. Вслѣдствіи этого мой послѣдній собесѣдникъ подошелъ ко мнѣ, и благосклонно сказалъ мнѣ слѣдующее:

«Береги хорошо данное тебѣ наставленіе: но вмѣстѣ съ тѣмъ учись быть мудрымъ и кроткимъ; и прибавь къ кротости любовь, а къ любви мудрость; такъ какъ мудрость, будучи чистой, производитъ просвѣщеніе, а просвѣщеніе — блаженство. И какъ мнѣ было дано сказать тебѣ, ты долженъ возвратиться въ надлежащее время, и тогда эта трость должна будетъ стать твоей; но ты долженъ еще выучиться не падать духомъ ни въ какомъ случаѣ и не возноситься ни по какому поводу, потому что все это крайности не предупрежденнаго влеченія страсти у душъ, не достаточно окрѣпшихъ въ чистой мудрости.

«Изъ этого учись смиренію и кротости и сохраняй ихъ съ достоинствомъ, соотвѣтствующимъ твоей природной жизни. Прими этотъ первый и достойный урокъ; его свѣтомъ наставь другихъ искать путь, ведущій къ Мудрости и Древу Правосудія — плодъ котораго драгоцѣненъ для голодныхъ, но котораго они не вкусятъ, если не будутъ холить сѣмяни и не дадутъ разрости внутри себя тому дереву которое, если все это будетъ выполнено, осѣнитъ своею освѣжающею тѣнью Духъ внутри и міръ во внѣ».

Этимъ онъ кончилъ. Между тѣмъ, какъ я стоялъ и слушалъ, душа моя расширялась отъ переполнявшей ее благодарности за то, что потеря трости была вознаграждена такимъ драгоцѣннымъ наставленіемъ; и въ то же время я былъ обезпеченъ, что эта прекрасная и обильная содержаніемъ трость будетъ напослѣдокъ моею когда я сдѣлаюсь достойнымъ обладать ею.

Лишь только я очутился по ту сторону стѣны, я болѣе не могъ видѣть ихъ тѣлесныхъ формъ; такъ какъ ограда выступала слишкомъ высоко, а земля на которой я стоялъ, была ниже почвы церковнаго двора; и остались ли они на церковномъ дворѣ, или же пошли въ другія стороны, мнѣ нельзя было узнать. Мнѣ помнится только, что я по временамъ ощущалъ въ себѣ сознаніе, что шелъ по дорогѣ, ведущей къ Паукписи.

Когда я приближался къ родному мѣсту, я былъ чрезвычайно встревоженъ душой; мои духовныя ощущенія походили на тѣ, которыя я испытываю, когда выхожу изъ высшаго состоянія. Я хорошо помню, что встрѣтилъ много знакомыхъ, выказавшихъ большое удивленіе при видѣ меня. Я не говорилъ однако ни съ кѣмъ. Я прошелъ черезъ переднюю дверь жилища моего пріятеля въ Main-Street и пошелъ прямой дорогой черезъ дворъ дома, въ концѣ котораго я вдругъ потерялъ сознаніе. Я шелъ (какъ мнѣ разсказывали) по смежному помѣщенію, вверхъ по лѣстницѣ, въ столовую, гдѣ какъ разъ собралось все семейство, чтобы сѣсть за столъ.

Я положилъ свое верхнее платье и шляпу и сѣлъ къ столу. Семья не мало удивлялась моему безцеремонному обращенію, и меня стали распрашивать о моемъ таинственномъ исчезновеніи изъ дома, (на что впрочемъ, какъ мнѣ послѣ говорили, я не далъ никакого отвѣта). Я съ аппетитомъ поѣлъ вкусный обѣдъ приготовленный изъ различныхъ съѣстныхъ припасовъ, и вслѣдъ за тѣмъ пошелъ въ отдаленный уголъ комнаты, чтобы умыться.

Наконецъ я чувствовалъ возвращеніе моего нормальнаго ощущенія: — когда оно возвратилось, я увидѣлъ блестящій свѣтъ—онъ мелькнулъ—и потомъ все сдѣлалось опять темно; — но вскорѣ послѣдовало новое блистаніе, а за нимъ другое, и я былъ совершенно освобожденъ отъ анормальнаго (чрезвычайнаго) состоянія.

Я былъ страшно какъ перепуганъ! фактъ, что я могъ себѣ припомнить, какъ я вошелъ черезъ переднюю дверь, утративъ до этого момента всякое сознаніе, а теперь стоялъ въ присутствіи семейства съ салфеткой въ рукѣ, казался столь страннымъ, что я на одно мгновеніе не узналъ людей въ домѣ.

Такъ кончилось мое пятое видѣніе—видѣніе, столь отличное отъ моихъ первыхъ и новѣйшихъ, но имѣющее для меня очень важное значеніе и величайшую прелесть, по причинѣ назидательнаго смысла, которымъ оно преисполнено *).

*) Еще нѣкоторыя подробныя разъясненія этого видѣнія можно найти въ предисловіи автора къ этому тому. Прим. переводчика.

Это видѣніе было сильно напечатлѣно въ моей душѣ, но скоро испарилось изъ моей головы; и съ того времени (12 сентября 1846) до нынѣ я не былъ въ состояніи сообщить ни одной вѣрной идеи о его природѣ или значеніи.

Но оно вновь блистательно ожило въ моей душѣ въ деревнѣ Danbury, (шт. Конюектикутъ) 18 августа 1846. Я не могъ освободить мою душу отъ влеченія записать его, вмѣстѣ съ краткой исторіей моихъ прежнихъ религіозныхъ впечатлѣній, въ формѣ предисловія; такъ какъ благодаря этому видѣнію были совершенно сглажены всѣ мои прошлыя религіозныя мнѣнія; и боязливое безпокойство, которое онѣ во мнѣ возбуждали, не тревожило меня болѣе съ тѣхъ поръ.

Я повторю вкратцѣ все видѣніе, вмѣстѣ съ предшествовавшими періодами моей внѣшней памяти и временемъ когда я ушелъ изъ дому, чтобы читатель могъ обозрѣть его во всей его чудесной послѣдовательности.

6 марта 1843 я легъ въ постель вечеромъ приблизительно въ половинѣ девятаго. Первое, что я послѣ того могу себѣ припомнить, есть то, что я стоялъ на углу Mill и Hamilton улицѣ въ Паукипси, имѣлъ прекрасныя мысли; увидѣлъ стадо овецъ съ ихъ пастыремъ, помогъ послѣднему возстановить между ними порядокъ, видѣлъ какъ овцы уходили дальше, пока не потерялъ ихъ изъ виду, — и упалъ какъ мертвый.

За тѣмъ мнѣ помнится, что я проснулся въ долинѣ, по обѣ стороны которой подымались высокія горы, и гдѣ я лежалъ на странной кучѣ; что я послѣ сошелъ съ этой кучи и внезапно увидѣлъ стадо овецъ и ихъ пастуха, походившихъ на тѣхъ, которыхъ я видѣлъ въ Паукипси. И тутъ я тоже способствовалъ, какъ помню, пастуху возстановить гармонію (т. е. единство) въ его стадѣ и слѣдилъ за его исчезновеніемъ въ отверстіи на верхнемъ краѣ долины. Потомъ я помню, что видѣлъ приближавшагося ко мнѣ низкорослаго человѣка со свертком въ рукѣ, что я этотъ свертокъ взялъ, его прочелъ, его содержаніе понялъ, взялъ карандашъ изъ руки этого человѣка, подписалъ собственноручно подъ сверткомъ мое собственное имя и слово: «Да»; при чемъ я получилъ впечатлѣніе смысла

каждаго изъ предложеній свертка, и, усвоивъ его поученія, утратилъ свои прежнія мнѣнія.

Далѣе я припоминаю, что вышедши изъ долины, я встрѣтилъ фермера, спросилъ: какъ называется мѣсто и какое разстояніе до Паукипси; послѣ перешелъ черезъ рѣку, легъ на бортъ лодки и уснулъ.

Послѣ этого, помнится мнѣ, что проснувшись, я находился на церковномъ дворѣ, который былъ обнесенъ стѣной и окруженъ густымъ лѣсомъ; что я затѣмъ велъ разговоръ съ человѣкомъ не высокаго роста, съ тростью въ рукѣ; что этотъ человѣкъ, какъ мнѣ дано было узнать, былъ старинный врачъ ГАЛЕНЪ; и что я вступилъ въ разговоръ съ еще однимъ лицомъ, которое, какъ я узналъ, было ЭМАНУИЛЪ СВЕДЕНБОРГЪ, нѣкій Шведскій философъ; послѣ этого я вспоминаю, какъ я взобрался на ограду съ моей тростью въ рукѣ; зацѣпился за перекладины изгороди, разломалъ ихъ въ куски, и получилъ за то краткое наставленіе отъ Сведенборга. Мнѣ помнится также, что я возвратилъ трость, съ тѣмъ чтобы получить ее обратно на другой день; что я за симъ отправился въ Паукипси; видѣлъ знакомыхъ мнѣ лицъ; вошелъ въ домъ, гдѣ я былъ нахлѣбникомъ; вступилъ въ залъ; отеръ свое лицо салфеткой, и почти въ одинъ моментъ перешелъ изъ этаго состоянія въ мое естественное, и почувствовалъ себя спокойнымъ и удовлетвореннымъ. Вотъ все, что я помню.

Я никогда до этой поры не читалъ ни одной страницы изъ Галена или Сведенборга, и въ то время, когда я имѣлъ это видѣніе, я вовсѣ еще не слыхалъ даже и именъ ихъ.

* * *

Размышляя объ этомъ видѣніи, о великой важности содержащагося въ немъ поученія, о перемѣнѣ, которую оно произвело во мнѣ и о Божественности его происхожденія, пользы и цѣли, я чувствую себя преисполненнымъ внутреннимъ чувствомъ Свободы, Благодарности и Счастія.

Но кромѣ того вышеизложенное явленіе внушаетъ личныя размышленія и особеннаго рода мысли, могущія послужить для просвѣщенія и наставленія любознательнаго послѣ-

дователя. Въ настоящее время даже между многими реформаторами и нововводителями существуетъ очень распространенное мнѣніе, что человѣческая душа не способна будтобы въ непродолжительное время эманципироваться или стать свободной отъ заблужденія и ложныхъ ученій; и что поэтому ихъ впечатлѣнія душа уноситъ съ собой послѣ смерти въ духовный міръ, гдѣ онѣ становятся преобладающею склонностью и отличительной характеристикой (свойствомъ) индивида; что напр. Лютеръ — все еще вѣритъ въ Лютеранство, Кальвинъ проповѣдуетъ Кальвинизмъ, Методисты остаются приверженцами Методизма, а скептики все еще сомнѣваются и провозглашаютъ Невѣріе. Это ученіе распространялось Сведенборгомъ около столѣтія тому назадъ. Но ежедневный опытъ опровергаетъ такое утвержденіе. Взгляните только, какъ люди измѣняются или обращаются отъ холоднаго скептицизма (состоянія сомнѣнія) къ пламенной вѣрѣ, изъ грѣшниковъ дѣлаются святыми, изъ надмѣнныхъ кроткими сердцемъ и смиренными; и все это совершается порою въ одинъ часъ времени! Какъ пьяница, котораго система разжигалась губящею жидкостью, и котораго мысли скачутъ туда и сюда, подобно бѣшенымъ конямъ, становится спокойнымъ и нераздражительнымъ, когда откажется отъ своихъ любимыхъ одуряющихъ напитковъ; такъ и дурно воспитанный духъ, питающій ложныя и превратныя сужденія о человѣкѣ, небѣ и Божествѣ, дѣлается въ непродолжительное время доступнымъ для воспріятія и осуществленія Истины, когда послѣдняя будетъ предъявлена его разуму въ видѣ очаровательной панорамы. Человѣческій духъ есть повелитель одного класса вліяній, и подданный другаго. Когда принципъ разума взглянетъ на Истину, какъ она есть въ Природѣ и духовномъ Мірѣ, тогда обманы заблужденія исчезнутъ разомъ. Какъ на примѣръ этого взгляните на дѣйствія произведенныя видѣніемъ на мой духъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Слова не въ состояніи высказать тѣхъ блаженныхъ чувствъ и великихъ созерцаній, которыя пробудились въ моемъ духѣ отъ таинственно совершившагося «Возрожденія». Безъ дальнѣйшаго замѣчанія я отсылаю пока читателя къ слѣдующей главѣ.

ВОПРОСЫ

КАСАЮЩІЕСЯ ОБЩЕЙ И МѢСТНОЙ ЖИЗНИ

Что есть жизнь?

Жизнь ощущается безчисленными міріадами существъ. Жизнь имѣетъ для каждаго различное достоинство и значеніе; поэтому для ея опредѣленія необходимо много различныхъ словъ, воплощающихъ различныя не сходныя представленія. Въ настоящую минуту на этой планетѣ есть болѣе тысячи милліоновъ человѣческихъ существъ, и слѣдовательно есть болѣе тысячи милліоновъ рѣшеній задачи жизни. Представленіе человѣка объ отвѣтѣ на этотъ вопросъ будетъ согласоваться съ двумя условіями: 1, съ обстоятельствами его тѣла, и 2, съ центральными точками положенія его духа. Какъ бы ни были противуположны, однако, отвѣты, исходящія отъ этихъ противуположныхъ точекъ плоти и духа; все таки въ заключительномъ анализѣ и синтетическомъ сужденіи всѣ они получатъ разъясненіе существенно однородное и во всѣхъ отношеніяхъ согласное съ ученіемъ объ универсальномъ братствѣ.

Что есть жизнь для дѣтства?

Вѣнецъ благодарности тебѣ, золотой читатель за то, что ты ставишь этотъ вопросъ! Обѣтованная, обвѣянная сладкими ароматами картина развертывается передъ моимъ духомъ! Для благороднаго и счастливаго роя дѣтей жизнь есть жизнь среди тихо прозябающихъ травъ, среди изумрудно-зе-

леныхъ ландшафтовъ, съ бойко прыгающимъ ручейкомъ, нервной веселостью жужжащихъ пчелъ, расбухшими почками фіалокъ; — среди цвѣтущихъ, приносящихъ душистыя плоды деревъ, упоительнаго аромата яблочныхъ плантацій, срыванія клевера и сладкой травки въ полѣ, плеска рѣчки, торопливо протекающей по лужайкѣ выгона, пусканія кораблика по блистающему пруду въ концѣ лѣса; среди густолиственныхъ виноградныхъ кустовъ, на которыя, смотрѣть любо, какъ они извиваются по стѣнамъ, гротамъ и садовымъ бесѣдкамъ, раскраснѣвшейся земляники въ ущельяхъ и расщелинахъ скалистыхъ холмовъ;—среди населенныхъ Эльфами темныхъ лѣсовъ, съ лучемъ солнца на душистой розѣ, съ мистическими мелодіями западнаго вѣтра шелестящаго въ деревьяхъ, съ рѣзвымъ чирканьемъ стрекозы и реполова; среди вечерняго покоя нивы, устланной только-что скошеннымъ сѣномъ, роскошной красоты картинъ на сторонѣ восхода солнца, поразительнаго великолѣпія прекраснаго утра, ранняго прыганья бѣлки по ветхой каменной стѣнѣ;—среди веселыхъ жеребятъ и еще трясущихся телятъ, индѣйскихъ пѣтуховъ на дворѣ, робкихъ барашковъ на колышащейся нивѣ, серебристыхъ прелестей полуденнаго жара, тишины іюльскаго утра, проливныхъ дождей, подымающихся паровъ, радугъ, внезапно являющихся лентой протянутой отъ одного конца далекаго горизонта до другаго; среди ангеловъ усыпленія и ангеловъ сновидѣнія; Божествъ временъ года, среди необъяснимой романтики новыхъ лицъ, посѣтителей дома, которые садятся за обѣденный столъ вмѣстѣ съ семьей, смѣются съ дѣтьми, разсказываютъ невинныя сказочки о далекихъ городахъ и царствахъ; среди ежедневныхъ очарованій новыхъ игръ, радостей по случаю отысканія потерянныхъ игрушекъ; среди полусерьезныхъ огорченій, когда необузданные порывы смиряются внушительнымъ голосомъ или твердой рукой материнской заботливости; наконецъ, въ нѣсколькихъ словахъ: жизнь для счастливыхъ дѣтей есть отрицаніе солиднаго счастія, румянецъ предчувствія безъ радости соучастія, ощущеніе удовольствія жить, безъ пониманія жизни, невинность, которая никогда не испытала радости побѣжденнаго соблазна, тожественная съ первоначальными очарованіями и безчисленными удовольствіями, которыя окружаютъ цитадель

недисциплинированныхъ ощущеній, и которыя въ быстро развертывающееся воображеніе насажпваютъ семена идей, соперничествующихъ въ красотѣ съ островами Спренъ и дѣйствительностями этой планеты. Дѣтство есть поэтому для всѣхъ поэтовъ святое предчувствіе отрадъ духовнаго края, родъ предвѣстника фактовъ существованія чего-то высшаго, чѣмъ настоящее; перечень содержанія книги наступающихъ временъ; дагерротипъ такъ сказать, по ту сторонняго міра, живописаннаго на землѣ, вѣчнымъ солнцемъ Универколеума.

Что есть жизнь для несчастливаго дѣтства?

Жизнь для несчастливаго дѣтства есть проклятіе, исходящее отъ нецѣломудренныхъ и невѣжественныхъ предковъ; органическое изнуреніе; быстрая смѣна улыбки и слезъ; позорный столбъ для выставленія на показъ домашнихъ неурядицъ и звѣрства родителей; сосудъ для грубыхъ и изуродованныхъ идей о Богѣ и Человѣчествѣ; источникъ разныхъ болѣзней, среди будущихъ поколѣній. Что за жалкая картина!

Что такое жизнь для юности?

Юность легко магнетизируется различными проявленіями жизни. Она охотно упивается ими все болѣе и болѣе, со дня на день, пока каждый предметъ, естественный или искуственный, не подчинитъ ея чувствъ своей соблазнительной силѣ, взывая: «смотри: я только отраженіе того, что ты однажды можешь пріобрѣсть, — лишь тѣнь разсвѣтающей субстанціи! Стремись впередъ!! Впередъ!!!»

Что такое жизнь для возмужалаго возраста?

Эфирное пламя, исходящее изъ устъ Бога; данное не для разложенія міра, но чтобы очистить его отъ изверженій и украсить всѣ честныя осношенія.

Что такое жизнь для возмужалаго возраста?

Грезы дѣтства исчезли, но самыя раннія радости возвращаются съ обновленной привлакательностью; юношескія, не сдержанныя замыслы и предпріятія, никогда не выполнявшія мѣру желанія, посѣщаютъ пожплаго человѣка, котораго челнокъ плыветъ по той высокой, какъ гора, волнѣ, которая скоро перебросить его за предѣлы опасности, высоко въ лоно Безконечнаго. Такъ Поль Рихтеръ сказалъ: «Жизнь коротка. Человѣкъ живетъ лишь $2^1/_2$ минуты; одна минута

для улыбки, одна — для вздоховъ, а половина — для любви, такъ какъ на этой половинѣ онъ умираетъ. Но могила не глубока — она есть свѣтлый слѣдъ ангела, который насъ ищетъ. Когда невѣдомая рука бросаетъ съ размаха копье въ голову человѣка, онъ наклоняетъ голову, и копье срываетъ только терновый вѣнецъ съ его ранъ».

Что такое жизнь для религіознаго человѣка?

Для правовѣрнаго жизнь есть неисповѣдимо таинственный и несказанно невѣрный даръ Божій, данный для того, чтобы человѣкъ съ помощью своей собственной свободной силы и познаній нравственныхъ законовъ могъ во время своего пребыванія на этомъ свѣтѣ опредѣлить на вѣчныя времена свой характеръ и положеніе.

Вѣренъ ли этотъ взглядъ?

Вѣрные взгляды никогда не вовлекаютъ въ сомнѣніе о предначертаніяхъ божественныхъ стремленій, и не тревожатъ человѣческую душу въ ужасъ приводящими идеями о далекомъ будущемъ свѣтѣ.

Что этимъ говорится?

Что тѣ, которые вѣрятъ въ популярные догмы, мучатся тираническимъ страхомъ и не дерзаютъ свободно мыслить, опасаясь что Богъ могъ бы подслушать ихъ сомнѣнія. Религіозный человѣкъ, поэтому, лелѣетъ идею о Богѣ, которая противурѣчитъ въ одно и то же время величію божественной Мудрости и универсальности божественной Любви.

Что же послѣ этого жизнь для человѣка Мудрости?

Она есть предвѣстникъ тѣхъ благодѣяній, которыхъ ни коса времени не можетъ скосить, ни химическій процессъ смерти ослабить; предвѣстникъ ученій, которыя, были ли онѣ уважаемы и сохранены, или нѣтъ въ наши прежніе годы, суть начальныя причины и необходимыя основы вѣчнаго воспитанія. Мудрый человѣкъ думаетъ, что жизнь этаго свѣта походитъ на золотую арфу безконечной величины дающую то, что изъ нее извѣкаютъ; изъ ея колеблющихся струнъ то истекаетъ музыка, то диссонансы катятся и вьются по ткани бытія, смотря по тому, какъ мы на ней играемъ. John G. Whittier хорошо сказалъ:

Жизнь нашу радостей иль бѣдъ,
Творимъ мы собственною волей;
Отъ насъ зависитъ мракъ иль свѣтъ
За гробомъ будетъ нашей долей.

По волѣ украшаемъ мы
Ткань жизни разными цвѣтами,
И на поляхъ своей судьбы
Жнемъ, что посѣяли мы сами.

Живя среди земныхъ тѣней
Душа ихъ жадно накопляетъ;
А вѣчность на канвѣ своей
Все прошлое изображаетъ.

Тамъ будемъ вновь переживать
Земное счастье и печали;
И въ вѣчность все съ собою взять
Должны, что здѣсь мы совершали.

Что есть жизнь для автора книгъ?

Вилліамъ Газлитъ, столько же богатый мыслью, какъ и воображеньемъ, имѣетъ готовый отвѣтъ; онъ, который не написалъ ни одного безтолковаго предложенія или безвкусной сентенціи; котораго настроеніе было, однако, полуспиритуально и вполнѣ раціонально, не хочетъ дать точнаго объясненія. Онъ говоритъ.

«Не слишкомъ легка для писателя задача, которую онъ беретъ на себя, даже для писателя такого нетребовательнаго класса, каковъ я самъ. Если онъ не имѣетъ удачи, то его подымаютъ на смѣхъ и надъ нимъ хохочутъ; а если успѣхъ на его сторонѣ, тогда проявляется ненависть, клевета и злость въ одинаковой пропорціи съ его успѣхомъ. Равнодушіе и ревность его друзей идутъ не рѣдко рядомъ съ завистью его враговъ. Они перестаютъ любить васъ; если бы они даже и оставались въ дѣйствительности при прежнемъ своемъ выгодномъ для васъ мнѣніи. Имъ было бы пріятнѣе видѣть, что вы всегда только обѣщаете хорошее, а въ сущности производите очень не завидное, такъ какъ

это даетъ имъ случай подшучивать надъ вами, даетъ пищу ихъ остроумію и льститъ ихъ суетности. Писатель тратитъ свое время на глубокое изученіе и тщательныя изслѣдованія, чтобы получить хотя бы каплю популярности, между тѣмъ какъ въ благодарность за это онъ въ девяносто девяти случаяхъ изо ста не получаетъ ничего другаго, кромѣ досады и разочарованія; или если онъ думаетъ стяжать хоть самую незначительную награду, она окажется не стоющей труда — благоуханіемъ минуты, улетающимъ какъ тѣнь, пустымъ звукомъ, какъ все «пріобрѣтенное безъ заслуги и потерянное безъ вины». Онъ воображаетъ, что достиженіе признаннаго превосходства наградитъ его выраженіемъ другими тѣхъ чувствъ, образъ и чаяніе которыхъ волновали его собственную грудь; но вмѣсто того онъ не пожинаетъ ничего (или почти что ничего) другого, кромѣ подозрительнаго кошенія глазъ, глупаго, пошлаго изумленія и гнѣвнаго зубовнаго скрежета. Ему кажется, поэтому, что едва ли стоило подвергать себя горькимъ испытаніямъ, для достиженія этого. Въ юности мы занимаемъ терпѣніе у нашихъ позднѣйшихъ лѣтъ; весна надежды даетъ намъ мужество работать и терпѣть. Тучка виситъ впереди надъ нашимъ путемъ, и мы воображаемъ себѣ, что за нею все озарено солнцемъ. Перспектива не имѣетъ, кажется, конца, ибо конецъ ея вѣдь неизвѣстенъ намъ. Мы думаемъ, что жизнь долга, и что, такъ какъ намъ предстоитъ сдѣлать многое, то стоитъ дѣйствовать, и что никакое напряженіе не слишкомъ велико, никакая жертва не чрезмѣрна для преодолѣнія препятствія. Жизнь есть неустанная забота быть тѣмъ, чѣмъ мы не есть, и дѣлать то, что не возможно намъ сдѣлать. Когда мы приближаемся наконецъ къ назначенной границѣ, мы стягиваемъ туго возжи; нашъ порывъ уже ослабъ, и намъ уже не далеко идти; такъ какъ мы видимъ предметы ближе, то мы меньше горячимся въ нашей погонѣ за ними; это не отчаяніе отъ невозможности достиженія, напротивъ, это скорѣе сознаніе, что нѣтъ ничего, чтобы заслуживало пріобрѣтенія, и страхъ не оставить послѣ себя хоть чего нибудь, стоющаго желанія, которыя умѣряютъ наше рвеніе и ослабляютъ напряженіе. Мы проходимъ спотыкаясь немногіе остающіеся шаги, чтобы по-

кончить наше странствованіе; дѣлаемъ, можетъ быть, послѣднее усиліе и рады, если выполнили задачу.

Что такое жизнь съ поэтической точки зрѣнія?

Поэтически разсматриваемая «ткань нашей жизни сплетена изъ различныхъ нитей хорошихъ и дурныхъ: «Наши добродѣтели слишкомъ бы возгордились, если-бъ наши ошибки не бичевали ихъ, а наши преступленія привели бы насъ въ отчаяніе, если бы наши добродѣтели не заласкивали ихъ». Эти прелестныя слова были сказаны тѣмъ мировымъ писателемъ, Шекспиромъ, который въ короткомъ предложеніи излагаетъ мысли, способныя снабдить плодовитые умы матерьяломъ для двадцати брошюръ и пятидесяти проповѣдей о таинахъ жизни и ея благодѣяніяхъ.

Если бы жизнь была лишь наслажденіемъ, то могъ ли бы не удовольствоваться человѣкъ ею и вздыхать о новомъ существованіи загробомъ?

Несомнѣнно, что спиритуальный садъ Летиціи Ландонъ былъ воздѣлываемъ невидимыми руками. Но въ то время какъ небесно — душистыя розы, полныя сладости и спиритуальнаго благодаренія, свѣшиваются съ его склоновъ, изобилующихъ цвѣтами, подъ нимъ, внизу, слышится слѣдующій тяжелый и глубокій вздохъ:

«Любовь и жизнь блаженный даръ природы,
Но сколько въ нихъ тревоги и невзгоды»!

Появившаяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ « Жертва Симпатіи » тоже даетъ хорошій отвѣтъ на этотъ вопросъ:

Когда повсюду свѣтъ и счастіе, зачѣмъ же
Намъ быть объятымъ мглой? О духъ слѣпой и жалкій,
Не таже-ль самая любовь, не таже-ль сила
Живетъ и въ солнечномъ сіяніи и въ тѣни?
И туча, громъ въ своихъ скрывающая нѣдрахъ,
И та тебѣ съ собой несетъ не мало блага.
О, мы къ землѣ ужъ слишкомъ приросли бы
И радости ея чрезъ мѣру полюбили-бъ,
Когда бы не было тѣней на свѣтлой сценѣ
И въ чашѣ радости печали каплей горькихъ,

И если-бъ изъ желаній нашихъ исполненье
Такъ быстро выходило, какъ цвѣтокъ изъ почки,
Мы свѣта лучшаго тогда искать не стали-бъ;
Что сталось бы тогда съ души стремленьемъ нашей,
Къ тѣмъ высшимъ радостямъ и чистому блаженству,
Которыя въ одномъ лишь небѣ обитаютъ!

Что такое жизнь для химика?

Разсматриваемая химически, жизнь есть столько же дѣйствіе какъ и спутникъ сгаранія; сила созданная, произведенная и сосредоточенная разложеніемъ извѣстныхъ элементовъ не органическихъ и невѣсомыхъ. Химико-физіологи находятъ что температура человѣческаго тѣла во всѣхъ частяхъ свѣта равна 98 градусовъ Фар. Теплота есть жизнь, говоритъ физіологъ, а холодъ-смерть. Пища человѣческая содержитъ углеродъ и водородъ. «Они существуютъ въ хилѣ (молочномъ сокѣ кишекъ)... Кислородъ вдыхаемаго воздуха входитъ въ капиллярные (волосные) сосуды легкихъ, смѣшивается съ кровью, вмѣстѣ съ которою приходитъ къ сердцу и оттуда идетъ къ питающимъ капиллярнымъ сосудамъ, (трубочкамъ) каждой части системы. Въ этихъ сосудахъ кислородъ артеріальной крови соединяется съ углеродомъ и водородомъ безполезныхъ атомовъ, и вотъ образуются: углекислота и вода. Всѣ эти измѣненія въ частицахъ тѣла сопровождаются выдѣленіемъ теплоты». Таково химическая идея жизни.

Что такое жизнь съ физіологической точки зрѣнія?

Разсматривая жизнь согласно съ матеріализмомъ популярныхъ христіанскихъ школъ физіологіи, жизнь есть — vis vitae (жизненная сила) организованныхъ тѣлъ, сила одушевляющая и возстанавливающая, познаваемая по ея различнымъ проявленіямъ, извѣстная подъ разнообразными латинскими названіями: « via insita » или сила мускула дѣйствующаго порою независимо отъ воли; « vis nervea » или подобное же мускульное вліяніе, но только произведенное нервами, а не внѣшнимъ раздраженіемъ: « vis medicatrix naturae » или та ингерентная сила одушевленныхъ существъ, которая, въ случаѣ болѣзней и поврежденій, сейчасъ же начинаетъ дѣйствовать, чтобы исправить поврежденія и при-

вести систему къ ея первоначальному состоянію здоровья.

Что такое жизнь съ гармонической точки зрѣнія?

Вотъ мой отвѣтъ: съ нашей научной точки зрѣнія жизнь есть первое развитіе движенія и второе пророческое обнаруженіе (въ растеніи и животномъ) той интеллигенціи, которая ростетъ и цвѣтетъ въ человѣческомъ сензоріумѣ. Жизнь есть душа всякой теплой крови. Она вѣчно бьется въ сосудистой системѣ неизмѣримости — небесно здоровая, свободно-прекрасная, все-оживляющая, она свѣжей струей вытекаетъ изъ Центральнаго Сердца объединеннаго, вращающагося Неба. Видимая съ позиціи поэзіи, Жизнь есть любовь — души всей Природы. Съ богословской точки зрѣнія она есть жизненная эссенція Вѣчнаго духа. Разсматривая ее морально, мы говоримъ вмѣстѣ съ Лонгфелло:

«Жизнь не призракъ и не шутка,
Смерть суровый долгъ нашъ; но:
«Прахъ ты былъ и прахомъ будешь»
Не душѣ изрѣчено.

Не страдать, не наслаждаться
Наша цѣль — жить для добра,
Такъ что-бъ каждое сегодня
Былъ ты лучше, чѣмъ вчера.

Не оплакивай былого,
На грядущее не льстись;
Съ Богомъ въ сердцѣ для живого
Настоящаго трудись.

Жизнь того не погибаетъ,
Кто хранилъ добра завѣтъ:
Уходя, онъ оставляетъ
На пескѣ временъ свой слѣдъ —

Слѣдъ, что можетъ быть другого
Наведетъ на правый путь
И вернетъ надежду снова
Въ унывающую грудь.

Безъ боязни, безъ сомнѣнья
Дѣлай все, что долгъ велитъ;
Трудъ упорный да терпѣнье
Вотъ нашъ лучшій мечь и щитъ».

Что есть жизнь съ соціальной точки зрѣнія?

Она естъ очаровательное круговращеніе непрестанной дружбы; не слабѣющій токъ благословенныхъ симпатій; источникъ и начало сердцемъ рожденныхъ радостей и любвеобильной благости; сладчайшихъ ласкъ кротости, нѣжности, любовности, блаженства.

Что такое жизнь для политика?

Программа дѣйствія, честолюбія, разочарованія, регулированная не Принципами, но полемическими взглядами и случайностями, согласно съ популярными теченіями и надобностями дня; болѣе способная властвовать чѣмъ исправлять; угнетать, чѣмъ освобождать отъ бѣдствій политическихъ распрей и безпринципныхъ гладіаторовъ правительственной арены, отъ ужасовъ Бога аристократіи, которому имя — Маммонъ и отъ всѣхъ временныхъ утратъ свободолюбивыхъ природъ, причиненныхъ смертью или выборами; отъ безнощаднаго законодательства мало развитыхъ умовъ. — Богъ, Господь нашъ, избавь насъ!

Что такое жизнь для спиритуально-настроеннаго?

Согласно повѣствованію объ Іисусѣ медіумизированнаго сына Заведея и Саломы, мы узнаемъ, что поглощенный Принципомъ Любви, воплощая его и отожествляясь съ нимъ, Благословенный Моральный Реформаторъ говоритъ: «я хлѣбъ жизни,—кто прійдетъ ко мнѣ, тотъ не будетъ знать голода—и кто въ меня вѣритъ, никогда не будетъ жаждать... Кто ѣстъ мое тѣло и пьетъ мою кровь, будетъ вѣчно жить... Вода, которую я ему дамъ, станетъ для него источникомъ, который ведетъ къ вѣчной жизни». Слова Павла, еще болѣе ясныя и прекрасныя, заключаютъ въ себѣ не менѣе спасительный смыслъ: «плотской разумъ есть смерть, а духовный разумъ есть жизнь и миръ».

Что слѣдуетъ разумѣть подъ духовнымъ (спиритуальнымъ) разумомъ?

Всякій человѣкъ съ сектанскими склонностями, съ разсудкомъ наполненнымъ натянутыми объясненіями священнаго писанія, имѣетъ свой собственный отвѣтъ на это, который есть выраженіе его собственнаго интеллектуальнаго воспріятія того, чему учили древніе Мастера спиритуальнаго созерцанія; но, стоя на почвѣ равной для всѣхъ свободы, и не присваивая себѣ преимущественныхъ правъ въ области спиритуальнаго созерцанія, я отвѣчаю, что руководится духовнымъ разумомъ тотъ, кто въ абсолютной чистотѣ сердца и жизни видитъ самое драгоцѣнное богатство человѣка, и что полное повиновеніе самымъ высшимъ способностямъ и атрибутамъ (или влеченіямъ) души есть единственное средство, для достиженія его.

Имѣетъ ли духовный разумъ тотъ, кто есть чистосердечный учитель Морали и Религіи?

Слушайте! Отвѣтъ дастъ намъ небо, отражающее звуки рѣчей, раздавшихся съ кафедры Теодора Паркера, неустрашимаго иконоборца христіанства: «Учитель религіи долженъ стремиться облагородить всякаго человѣка. Онъ не долженъ стараться сдѣлать одного человѣка подобіемъ другаго по образцу Кальвина, Лютера, Петра, Павла, Іисуса, Моисея или Магомета; но онъ долженъ побуждать, руководить и способствовать каждому человѣку усвоить себѣ высочайшую форму человѣческой природы, до которой только онъ способенъ возвыситься; онъ долженъ помогать каждому индивидуму сдѣлаться чувствующимъ, размышляющимъ, предпріимчивымъ человѣкомъ, живущимъ на собственный счетъ и вѣрнымъ своей особенной индивидуальности души. Я бы желалъ, чтобы люди поняли только, что ихъ индивидуальность однакова священна передъ Богомъ, какъ таковыя Іисуса и Моисея; и вы столько же мало обязаны жертвовать своей мужественностью для нихъ, сколько и они своею для васъ. Уваженіе къ вашей мужественности или женственности, какъ бы незначительны не были ваши дарованія, есть первая изо всѣхъ обязанностей. Какъ я защищаю свое тѣло отъ всѣхъ внѣшнихъ нападеній и оберегаю цѣлость и здравіе своихъ членовъ, такъ точно долженъ я оберегать непри-

косновенность моего духа и не подчинять себя ничьей чужой совѣсти, сердцу или душѣ, — быть готовымъ оказать помощь каждому нуждающемуся въ помощи, но деспоту — никогда. Я значу для самого себя больше, чѣмъ могутъ значить для меня Моисей, Іисусъ и всѣ люди. Святость, вѣрность моей совѣсти есть первая изъ мужскихъ и женскихъ обязанностей; когда онѣ выполнены, все остальное воспослѣдуетъ. Вотъ обязанности учителя религіи нашего времени *).

Что же есть истинная жизнь?

Никто не далъ на это лучшаго отвѣта, чѣмъ авторъ Фестус'а:

«Жизнь наша въ дѣйствіяхъ, не въ годахъ; въ мысляхъ, не въ дыханьи;
Жизнь наша въ чувствахъ сердца, не въ фигурахъ циферблата;
Біенье сердца мѣра ей. И тотъ живетъ всѣхъ больше,
Кто больше мыслитъ, чьи дѣла и чувства благороднѣй.

Кто лучше понимаетъ побудительныя пружины Жизни?

Тотъ дальновидный, благоразумный, интеллигентный ясновидецъ, который посредствомъ интуитивнаго (непосредственнаго) сознанія вѣчно пребывающихъ принциповъ, непримѣтныхъ для внѣшнихъ органовъ, способенъ охватить тотъ универсальный гигантскій законъ, который произноситъ свое слово о каждомъ порядкѣ и каждой стадіи жизни — ибо внутреннія влеченія суть абсолютныя предсказанія внѣшнихъ судебъ (назначеній); если въ другихъ словахъ: каждое коренное человѣческое Желаніе есть вексель, надписанный Вѣчнымъ Богомъ и уплачиваемый всегда состоятельнымъ Банкомъ Ультиматнаго (полнаго) Удовлетворенія. Это по истинѣ благодатная вѣсть о великой радости, которая должна распространиться во всемъ народѣ; вѣсть ниспосланная всѣмъ благомыслящимъ духамъ, всемогущимъ и любящимъ Духомъ универсальной Природы.

*) См. «О функціяхъ Учителя Религіи нашихъ временъ» Т. Паркера.

Что такое жизнь для человѣка молчанія?

Она есть то исполненное таинственности настроеніе, которое заключаетъ въ себѣ «невѣдомаго бога», великолѣпная схема (общій очеркъ) безконечной грусти, единственное естественное послѣдствіе предсуществующей несказанной скорби.

Что вы хотите сказать?

Я хочу сказать, что существуетъ два рода «Молчанія»,— то молчаніе, которое является слѣдствіемъ чрезмѣрнаго напряженія мышленія и чувства, и то, которое возникаетъ вслѣдствіе отсутствія того и другого. Первый родъ молчанія есть единственное истинное выраженіе любви, обожанія, благодарности и поклоненія; послѣдній же подавленъ самъ собою, какъ песчаная пустыня своею собственною тягостною наготою и изолированною заброшенностью. Карлейль говоритъ о возвышенной молчаливости: «Когда я взираю на звѣзды, онѣ смотрятъ на меня съ состраданіемъ изъ своихъ серьезныхъ и безмолвныхъ обителей, подобно глазамъ полнымъ сверкающихъ слезъ печали объ участи людей. Тысячи генерацій, всѣ столь же шумныя какъ и наша собственная, были поглощены временемъ и ничто, ничто болѣе не напоминаетъ объ нихъ; но Арктурусъ, Оріонъ, Сиріусъ и Плеяды все еще сіяютъ на своихъ путяхъ, ясныя и юныя, какъ въ то время, когда пастухи завидѣли ихъ въ первый разъ на равнинахъ Сенаара».

Что есть истинное молчаніе?

Истинное молчаніе есть слуга созерцанія, это добрая и вѣрная подруга тайной молитвы.

Что такое созерцаніе?

Созерцаніе есть прекрасная царица ангеловъ, одѣтая въ бѣлое облаченіе спиритуальной чистоты; она возсѣдаетъ на престолѣ кристальнаго дворца вѣчной Истины, внутри «Дома не руками построеннаго», — обиталище Бога, безчисленныя Жилища котораго, согрѣваемыя Любовью, освѣщаемыя Мудростью, вентилируемыя Свободой, меблируемыя Миромъ — покрываютъ поля Безконечности; у каждаго Жилища много дверей; каждая дверь открываетъ новый путь про-

гресса; и каждый новый путь ведетъ странника въ различныя области Отца-Бога и Матери-Природы!

Изо всѣхъ предшествующихъ понятій о Жизни, какія правила мы должны себѣ усвоить для служенія индивидуальной гармоніи и соціальному благополучію?

Весь мой отвѣтъ сосредоточенъ въ слѣдующемъ направленіи, устанавливающемъ ГАРМОНИЧЕСКУЮ ДИСПЕНСАЦІЮ:

«ДА ПРІИДЕТЪ ЦАРСТВІЕ ТВОЕ». — Какъ его добыть? — 1. Вставши утромъ, рѣшись не дѣлать ничего противъ, но наоборотъ все для Царствія Небеснаго на Землѣ; 2. Такъ какъ Счастіе есть цѣль каждаго, то пусть каждое твое дѣйствіе впродолженіе Дня проистекаетъ изъ такихъ обдуманныхъ и благоразвитыхъ мыслей, которыя ведутъ къ его достиженію; 3. Вечеромъ уходи спать въ Мирѣ съ самимъ собой — въ Мирѣ съ божественными принципами универсальной Любви и Мудрости.

«ДА БУДЕТЪ ВОЛЯ ТВОЯ!» — Какъ ее исполнить? — 1. Поучайся у Прошедшаго, и всего, что оно тебѣ дало; 2. Будь благодаренъ за Настоящее и за всѣ его дары; 3. Уповай на Будущее и все, что оно обѣщаетъ Тебѣ доставить.

Соблюдайте эти Правила и Гармоніи царства Божія будутъ пребывать съ вами, и Миръ на Землѣ и благоволеніе у людей осуществятся на самомъ дѣлѣ.

СУЩЕСТВУЮТЪ ЛИ СПЕЦІАЛЬНЫЯ ПРОВИДѢНІЯ?

Этотъ интересный и важный вопросъ оживилъ въ моей душѣ множество самыхъ завѣтныхъ думъ—видѣній, до того торжественныхъ и прекрасныхъ, что онѣ могутъ взволновать самыя глубокія чувства и расширить лучшія мысли до недосягаемыхъ предѣловъ. Впечатлѣніе было такъ глубоко и сильно, что я никогда не забуду часы, въ которые мнѣ даровано было воспринять разъясненіе того, во что большинство міра (особенно христіанскаго міра) вѣритъ, какъ въ особенное вмѣшательство Божіе. Мой духъ занимался этимъ предметомъ впродолженіи многихъ дней. Надъ моимъ умомъ постоянно тяготѣла эта интересующая весь широкій — міръ проблема: *есть ли, или было ли когда нибудь сверхъестественное вмѣшательство въ людскія дѣла и намѣренія, чтобы ихъ измѣнить, превратить или направить?* Я хорошо помню обстоятельства, которыя сопровождали окончательное разсмотрѣніе и разрѣшеніе этой тайны. Чувство, одушевляющее меня при этомъ воспоминаніи, сосредоточивается на желаніи, чтобы пытливый умъ каждаго могъ бы обогатить себя подобнымъ же откровеніемъ. И я питаю въ глубинѣ души увѣренность, что черезъ это человѣкъ освободится отъ рабства невѣдѣнія, суевѣрія и лицемѣрія.

Былъ послѣдній день прекраснаго мѣсяца іюня, когда я получилъ повелительное впечатлѣніе изъ внутренней жизни, взойти на верхъ высокой, но хорошо знакомой мнѣ горы. Моя родимая деревня была видна на нѣкоторомъ разстояніи по другую сторону рѣки. Эта гора была моимъ обычнымъ убѣжищемъ. Здѣсь не было ничего, что могло бы меня потревожить. Тишина уединенія нарушалась только пѣніемъ птицъ, и вся обстановка способствовала какъ нельзя болѣе духовному развитію, возвышенію и созерцанію. На этой горѣ мой духъ былъ тогда способенъ побороть тѣло и поставить его въ зависимость отъ себя. Мои внутренніе принципы познанія раскрылись, и ихъ легкому и естественному движенію не было никакой преграды. Загадка лежала на мнѣ всею своею тяжестью; и это безчисленно-различное и высокое какъ гора накопленіе индивидуальныхъ жизнеописаній — ложно названное исторіей лицъ и народовъ — лежало распростертымъ передъ моимъ духовнымъ взоромъ, какъ матерьялъ, съ помощью котораго я могъ бы разгадать и объяснить всеобщее вѣрованіе въ существованіе партійнаго Провидѣнія и уразумѣть вліяніе такого доктрины (ученія).

Я внезапно увидѣлъ далеко распростертую землю во всей ея величинѣ! Легко говорить о землѣ, ея размѣрахъ и зрѣлищахъ, но не легко составить себѣ отчетливое понятіе о всей громадѣ ея. Если духъ вдругъ увидитъ шаровидную вещественную массу въ двадцать пять тысячъ англійскихъ миль объема и вмѣсто одного большаго густо населеннаго города узритъ разомъ девять сотъ милліоновъ живыхъ человѣческихъ существъ, то небольшое количество матерьяла и пространства, какое для самого человѣка требуется, конечно, покажется вполнѣ достаточнымъ свидѣтельствомъ его собственнаго безсилія и ничтожества.

При зрѣлищѣ, которое мнѣ представилось, я выучился понимать, отчего первые жители Америки могли однажды вѣрить, что ихъ мѣстожительство было серединнымъ пунктомъ универзума, и они сами были любимцами господствующихъ боговъ. Я даже не удивлялся болѣе этому вѣрованію и не хотѣлъ больше осуждать и осмѣивать ни одинъ народъ за то, что онъ смотритъ на землю, какъ на мастер-

ское произведеніе божественнаго Творчества и самого себя почитаетъ состоящимъ подъ особенной и непосредственной защитой разныхъ Божествъ.

Мои внутреннія воспріятія направились глубоко, глубоко внизъ по суровымъ, обрывистымъ стезямъ, къ гигантскимъ пирамидамъ исторіи человѣчества, и я узрѣлъ множество различныхъ событій и обстоятельствъ, которыя были припасаны, и теперь еще приписываются, сверхъестественному или чудесному вмѣшательству невидимаго, но охраняющаго каждую личность Провидѣнія.

Я видѣлъ идущаго къ краю страшнаго обрыва человѣка, умъ котораго былъ уже много лѣтъ разстроенъ. Онъ упалъ внизъ, но былъ удержанъ на пути къ смерти какою-то невидимой причиной. Когда его испуганные друзья освободили его изъ опаснаго положенія, они нашли его неповрежденнымъ, и съ той поры онъ не былъ болѣе съумасшедшимъ, и сталъ здоровъ и благополученъ. Мудрецы и пророки города объяснили его спасеніе «особеннымъ участіемъ Господа».

Я видѣлъ на берегу моря лежащую, красивую деревню, трудолюбивые жители которой успѣшно занимались земледѣліемъ. Какъ вдругъ небо почернѣло, земля задрожала, ея поверхность мѣстами раскололась, треснула, и вмѣстѣ съ нѣсколькими сосѣдними деревнями, поглотила и разрушила два цвѣтущихъ города; но хорошенькая деревушка осталась одна совершенно цѣлой и неповрежденной. Священникъ провозгласилъ: «вотъ проявленіе верховнаго суда и правосудія великаго Іеговы».

Я видѣлъ въ великолѣпной залѣ судебное засѣданіе рыцарей. Передъ ними стояла женщина въ рубахѣ покаянія. Будучи обвинена въ измѣнѣ и возмущеніи, она была присуждена къ смерти, грубо схвачена и брошена въ инквизиціонную тюрьму для совершенія надъ нею казни. Палачъ съ ловкостью умѣстилъ ея голову въ блокъ, и уже размахнулся секирой—какъ вдругъ: смотри! страшный ударъ молніи повергъ его на землю. Весь храмъ стоялъ въ пламени, и немногіе могли спастись неповрежденными отъ угрожающей опасности; но неправедно осужденная женщина вышла,

свободной и невредимой: народъ воскликнулъ: «Вотъ онъ судъ Божій, Іегова вступился».

Я видѣлъ великаго и духовно-просвѣщеннаго Реформатора — Іисуса, обвиненнаго въ ереси и осужденнаго за отступничество отъ господствующихъ мнѣній и учрежденій своего вѣка и отечества. Крестъ былъ поставленъ, его тѣло пригвождено къ нему. Побѣдители радовались своей мнимой побѣдѣ, а небольшое число его друзей и послѣдователей терзалось скорьбью. Черныя тучи заволокли ясное небо. Громъ загрохоталъ. Темь разостлалась по всему городу. Ударъ землетрясенія разрушилъ храмъ сверху до основанія. Скалы и ущелья раскрыли свои зіяющія пасти, и велико и всеебще было смятеніе въ народѣ. Приверженцы и ученики страдальца, старый и молодой, мужчины и женщины, сказали: «Вотъ неодобреніе Всемогущаго Бога».

Я видѣлъ какъ нѣкій человѣкъ лжесвидѣтельственно присягалъ, что Ананій, извѣстную часть своего имущества ссудилъ за большій процентъ, чѣмъ сколько слѣдовало. И въ то время какъ онъ клялся честью и всѣмъ, что есть святаго, что онъ не сдѣлалъ того, что, однако, онъ по истинѣ сдѣлалъ; губы его зддрожали, глаза дико выкатились и онъ палъ мертвымъ въ присутствіи допрашивавшихъ его судей—какъ самъ себя казнившій лжесвидѣтель. Гласъ народа объявилъ: «вотъ несомнѣнное и непосредственное проявленіе правосудія Божія».

Я видѣлъ угнетенный народъ, долгое время бывшій въ рабствѣ, который стройными рядами вышелъ изъ одного египетскаго города подъ предводительствомъ опытнаго старшины (Моисея), и перешелъ воды, по сухой полоскѣ земли, которая, подобно перешейку перерѣзала и раздѣлила море. Фараонъ, царственный рабовладѣлецъ, и его войско бросились преслѣдовать дерзкихъ бѣглецовъ, чтобы обратно вернуть ихъ въ неволю. Онъ повелъ свое войско въ полномъ вооруженіи по сухой землѣ, раздѣлявшей воду; какъ вдругъ нахлынули волны и похоронили короля съ его блистательнымъ воинствомъ на днѣ моря. Побѣдительная толпа, избавившаяся такимъ образомъ отъ неволи и погребенія на лонѣ хлынувшихъ водъ прилива, сказала: «Вотъ несомнѣнное и не посредственное проявленіе божественнаго правосудія».

Я видѣлъ особу въ богатой одеждѣ и роскошно убранномъ домѣ, одержимую разнаго рода мучительными болѣзнями. Тревога, безсонница, пугающіе сны, страшныя страданія, усиленное біеніе сердца, головная боль и тягостное расположеніе духа съ мыслями о самоубійствѣ — все это входило въ число ея недуговъ. Врачи не находили средствъ, а произносимыя въ церкви молитвы мало приносили облегченія страдальцу. И онъ умеръ. Собравшіеся въ молитвенномъ домѣ люди, равно какъ и служащее духовенство, послѣ того какъ друзьямъ покойника были щедро предложены утѣшенія Евангелія, оплакивали это явственное предназначеніе провидѣнія, «пути котораго темны и неисповѣдимы».

Я увидѣлъ умирающимъ на рукахъ матери красиваго и удивительно рано духовно-развившагося ребенка, дарованнаго родителямъ послѣ долгаго бездѣтнаго супружества и горячихъ молитвъ къ Богу; ребенка обожаемаго ими. Слезы катились градомъ и плачь и рыданіе родителей о неожиданной утратѣ драгоцѣннаго сокровища раздирали душу. Погребальный звонъ раздавался торжественно по всей деревнѣ, всѣ скорбящіе о тяжелой утратѣ пали на колѣна въ капеллѣ, и священникъ сказалъ безутѣшнымъ родителямъ: «Провидѣніе послало и провидѣніе отняло». (Богъ далъ, Богъ и взялъ).

Я видѣлъ въ одинъ воскресный день четырнадцатилѣтняго мальчика, который съ другими школьниками прогуливался на лодкѣ по озеру. Его родители, особенно мать, неоднократно увѣщевали его въ то утро не нарушать покоя воскреснаго дня, и поставляли ему на видъ опасности угрожающія безбожнымъ. Но вмѣсто того, чтобы уважить ихъ совѣтъ, и послушаться приказанія, онъ отправился къ товарищамъ и вздумалъ прогуляться съ ними на лодкѣ. Какъ вдругъ поднялась буря, задулъ свирѣпый вѣтеръ и разорвалъ паруса. Легкій челнокъ былъ опрокинутъ. Непослушный сынъ внезапно попалъ въ волны рѣки и утонулъ, не дождавшись помощи. Родители, священникъ и народъ сказали: «Это было наказаніемъ Свыше: рука Провидѣнія покарала его».

Я видѣлъ единственную и возлюбленную дочь богатыхъ

родителей, лежащую на смертномъ одрѣ и въ страшныхъ мученіяхъ испускающую духъ. Она рыдала, просила, молила о спасеніи. Явились доктора. Составились ученыя засѣданія. Но вопреки всѣмъ попеченіямъ и любви, и не смотря на свой цвѣтущій возрастъ, несчастная претерпѣла всѣ муки и скончалась. Священникъ, ища успокоить скорбящія сердца родителей, между прочимъ сказалъ: что «хотя онъ и не вполнѣ увѣренъ, что усопшая примирилась съ Богомъ (при чемъ онъ надѣется, что прочее юношество его прихода увидитъ въ такой ранней смерти предостереженіе для себя), онъ, однако, вполнѣ убѣжденъ, что Провидѣніе поступило мудро, устранивъ это молодое существо отъ опасностей и «искушеній міра».

Я видѣлъ далеко распространенныя бѣдствія, эпидеміи, заразительныя болѣзни, голодную смерть, войну и враждебныя вторженія цѣлыхъ народовъ въ чужую землю. Я видѣлъ города, обращенные въ пепелъ и разрушенные землетрясеніемъ. И всѣ эти бѣдствія, личныя или національныя, были приписаны особеннымъ распоряженіямъ Провидѣнія. Священники со своими причтами совершали патетичныя славословныя и многословныя молебствія. Набожные люди возсылали къ Богу умиленныя моленія, чтобы снискать его милость и побудить его сжалиться надъ вдовыми, оспротѣлыми и не дать имъ погибнуть; они просили его, чтобы онъ охранилъ отъ напастей и бурь моряка въ океанѣ, благословилъ наступающій урожай и взялъ подъ свой покровъ служителей церкви и государства. И я видѣлъ, что большинство вдовъ и спротъ были спасены отъ окончательной погибели, что мореплаватель былъ огражденъ отъ разрушительной бури, что хорошій урожай хлѣба былъ благополучно собранъ, что служебныя обязанности исполнялись своимъ порядкомъ; все это я видѣлъ и такимъ образомъ учился чтить силу вѣры, смотрѣть на Бога какъ на властителя чудесной земли, который управляетъ молніей, проливаетъ дожди и держитъ вѣтры въ ладони своей руки; который порою надѣляетъ благословеніемъ или проклятіемъ души людей, ихъ умыслы и дѣла. И я понималъ, что всѣ эти вещи, которыя одна за другой прошли передъ моими глазами, были не болѣе какъ отдѣльные примѣры безчислен-

ныхъ событій подобнаго рода и такихъ же личныхъ наблюденій, принадлежащихъ, какъ прошедшему времени, такъ и настоящему. И я такимъ образомъ видѣлъ какъ, по общепринятому обыкновенію и привычкѣ, чрезвычайныя происшествія и обстоятельства жизни человѣка приписывались дѣйствію особеннаго, исключительнаго вмѣшательства Провидѣнія или Бога.

Сцена была обширна и зрѣлище изумительно! Моя душа пришла въ такое настроеніе, которое было вполнѣ способно воспринять и укрѣпить ту всеобщую Вѣру, живое разъясненіе которой лежало передъ моими глазами въ примѣрахъ, и я испыталъ законное послѣдствіе такого глубокаго, священнаго убѣжденія. И это послѣдствіе, мнѣ казалось, было цѣлью видѣнія, присужденнаго мнѣ испытать. Теперь могущественная земля вмѣстѣ съ ея обитателями и ихъ разнородными убѣжденіями скрылась отъ моихъ взоровъ; мои духовныя воззрѣнія закрылись, и черезъ нѣсколько минутъ я пришелъ въ свое обыкновенное состояніе. Я не могъ ничего больше видѣть, кромѣ себя, горы, рѣки и деревни вдали. Моя память почти потонула въ чудесахъ моего видѣнія, духъ котораго вдохновлялъ мое душевное состояніе, и я чувствовалъ себя болѣе, чѣмъ когда нибудь, привлеченнымъ человѣчествомъ, его религіозными сужденіями и землей. Я не могъ себѣ вообразить ничего болѣе чудеснаго, чѣмъ этотъ земной шаръ въ двадцать пять тысячъ миль въ объемѣ и населенный девятью стами милліоновъ отдѣльныхъ и различныхъ личностей. Мнѣ перестало казаться страннымъ и сомнительнымъ, почему Богъ сосредоточиваетъ свои попеченія на одномъ пунктѣ, почему онъ послалъ сына своего для совершенія великихъ и могучихъ подвиговъ на землѣ; почему молитвы необходимы и успѣшны и почему наиболѣе образованное населеніе чудесной, могучей земли терпѣло и вѣровало въ исключительныя приговоры Божественнаго суда, расправы, возмездія и порицанія. Я могъ теперь совершенно понять повелительныя мѣста, рекомендованной намъ Іисусомъ молитвы и съ ними вполнѣ согласиться: «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь». — «Остави намъ долги наши». — «Не введи насъ во искушеніе».—«Избави насъ отъ лукаваго».—Да, я могъ

оправдать убѣжденіе, что дѣйствительно слѣдуетъ увѣдомлять Бога о томъ, въ чемъ мы нуждаемся и умиленно приказывать ему исполнять наши личныя желанія и просьбы. Я видѣлъ, что Богъ, постоянно занятый тѣмъ, чтобы слѣдить за поведеніемъ и дѣлами девятисотъ милліоновъ различныхъ душъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ въ одно и тоже мгновеніе принять во вниманіе всѣ разнородныя надобности каждой изъ нихъ, если онъ не будетъ извѣщенъ о томъ словесно и внятно; и что онъ поставилъ себѣ за правило удовлетворять ихъ прошенія, въ такомъ только случаѣ, если ихъ претензіи справедливы. Словомъ, я имѣлъ случай видѣть и наблюдать примѣры такъ называемыхъ Провиденціальныхъ приговоровъ, и разсматривать ихъ въ связи со всѣми матеріальными созданіями на землѣ, при внѣшнемъ и поверхностномъ освѣщеніи, какъ разъ такъ, какъ это дѣлаетъ большинство образованнаго класса; я былъ совершенно убѣжденъ въ ихъ истинности, и законное вліяніе этого убѣжденія отпечатлѣлось на моемъ духѣ.

Но по возвращеніи домой съ горы — я хорошо это помню—во мнѣ проснулись противорѣчащія ощущенія, возбужденныя видѣніемъ. Я зналъ теперь, что такое значитъ б о я т ь с я Бога. Я зналъ, что значитъ д р о ж а т ь и трепетать отъ страха передъ существомъ, которое (какъ мнѣ росписывали) можетъ быть побуждено личными просьбами и дѣяніями къ разсыпанію милостей или страшному взрыву гнѣва. Я чувствовалъ, что не могъ знать, какая деревня будетъ еще поглощена пламенемъ и какой городъ разрушенъ землетрясеніемъ. Я не могъ предвидѣть, какое новое доказательство сверхъестественнаго вмѣшательства уже готовится грянуть. Я думалъ про себя: когда ты странствуешь подъ горой, ты не можешь быть увѣренъ, что она не упадетъ и не раздавитъ тебя. Или когда астрономы предвѣщаютъ комету, которая приближается къ солнцу или къ землѣ, ты не можешь знать, не ввергнетъ ли она насъ по волѣ Божьей въ бездонный хаосъ забвенія. Я просто не видѣлъ нигдѣ ручательства въ безопасности. Нахожусь ли я въ деревнѣ, я не знаю, не рѣшилъ ли Богъ въ эту же минуту, совершенно уничтожить ее, по случаю многихъ прегрѣшеній ея жителей; на пароходѣ, на желѣзной дорогѣ,

или гдѣ бы грозныя тучи не повисли надо мной, я не зналъ, не сторожитъ ли меня месть, или какая другая напасть, не зальетъ ли меня ливень, не настигнетъ ли стрѣла молніеносная. При появленіи заразительной болѣзни въ сосѣдствѣ, я могъ опасаться, что все народонаселеніе присуждено къ погибели, по причинѣ его порочности и развращенія. Теперь мнѣ не трудно стало вѣрить въ баснословныя чудовищности — напротивъ, я считалъ возможнымъ вѣрить, что эта громадная масса земли, въ 25,000 миль въ объемѣ, можетъ буквально погибнуть въ дыму и пламени, что милліоны могутъ быть раздавлены подъ тяжестью повалившихся горъ, и что милліоны могутъ вознестись сквозь крыши и другія матеріальные препятствія, дабы встрѣтить Господа на воздухѣ, какъ этому учитъ пророчество. Да, я былъ въ продолженіи пяти дней въ глубинѣ моего сердца строго вѣрующимъ въ такія буквальныя знаменія божественнаго намѣренія. Я былъ предупрежденъ, и меня не поразило бы нисколько услышать громовой звукъ той страшной трубы, которая должна разбудить милліоны къ вѣчному блаженству и милліоны къ безконечной мукѣ. Но источникомъ моего смущенія были для меня не столько эти, всюду въ природѣ угрожающія бѣдствія, какъ я долженъ былъ это предполагать, сколько видимое равнодушіе большей части людей къ угрожающимъ имъ случайностямъ, не смотря на то, что господствующее мнѣніе вѣдь допускало же воспріимчивость (или вѣрнѣе сказать доступность) и склонность Бога поддаваться вліянію дѣлъ и молитвенныхъ просьбъ людей. Всѣ признаютъ, что молитва праведника будетъ услышана, отчего же, однако, ихъ дѣла и поведеніе, такъ мало согласуются, какъ мнѣ кажется, съ ихъ до крайности мрачными и унылыми убѣжденіями? это было для меня неразрѣшимой задачей. Духовные, какъ и свѣтскіе, держались твердо этого богословскаго догмата; между тѣмъ какъ ихъ жизнь и дѣятельность въ такой высокой степени разногласили съ ихъ ученіемъ и вѣроисповѣданіемъ, что я не могъ никакъ выбросить изъ головы мысль, что дѣла ихъ обличаютъ ихъ убѣжденія в о л ж п.— Вотъ прошло уже шесть дней съ того времени, какъ роковая перемѣна произошла въ душѣ моей и черты моего ли-

ца, герольды (глашатаи) расположенія духа, вѣщали о разстройствѣ моихъ нервъ отъ такого рода убѣжденій. Я бродилъ по придорожнымъ нивамъ недалеко отъ села и ломалъ голову надъ страшными, но возвышенными доводами, полученными мною на вершинѣ горы. Я размышлялъ о путяхъ Божіихъ, о томъ что онъ сдѣлалъ для человѣчества, какъ онъ всегда былъ забрасываемъ просьбами и призывами, и вновь и вновь я задумывался о девятистахъ милліонахъ обитателей земли, о томъ, какъ національная и личная индивидуальность могла столь чудотворно сохраняться среди тысячъ окружающихъ и уничтожающихъ вліяній; какъ миріады и миріады людей появлялись на сценѣ громаднаго театра міра, разыгрывали свои особенныя роли въ универсальной трагедіи жизни и за тѣмъ уходили, чтобы жить и дѣйствовать на другой сценѣ вѣчнаго повторенія добра и зла. И вслѣдъ за тѣмъ я обратилъ мой взоръ на нищету, отверженныхъ и порокъ на землѣ — и какъ хорошо помню я это сердце разрывающее зрѣлище!

День клонился къ вечеру. Царственное солнце въ своемъ лучезарномъ нарядѣ склонялось къ западу. Природа, казалось, улыбалась и дышала покоемъ и радостью. Я достигъ уединеннаго мѣста и сѣлъ подъ навѣсомъ густолиственнаго дерева, озареннаго золотомъ вечерняго сіянія. Здѣсь доселѣ противорѣчивыя ощущенія и тревоги моей души излились въ формѣ вопроса и призыва къ Богу, которыя я въ полномъ сокрушеніи сердца началъ такимъ образомъ: «Отче нашъ иже еси на небеси!» (ибо такъ научили меня относиться къ тебѣ). Ты, который внимаешь молитвамъ своихъ дѣтей и просьбамъ праведныхъ, умоляю, услышь меня. По примѣру тѣхъ землеобитателей, которые имѣютъ притязаніе быть дѣтьми твоими и исполняютъ твои заповѣди, я дерзаю привести тебѣ на память многія вещи, которыя, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ тебѣ совершить, не столько ради моихъ собственныхъ выгодъ, сколько для того, чтобы осчастливить все всеобщее семейство твое: человѣчество. Прежде всего я хочу довести до твоего свѣдѣнія, что я вполнѣ увѣренъ въ твоемъ Всемогуществѣ, равно какъ и въ твоей привычкѣ и склонности пользоваться имъ по твоему усмотрѣнію. Я изумляюсь величинѣ земли, ея могущественнымъ

водамъ, сіяющему солнцу, сверкающимъ звѣздамъ, которыми ты разукрасилъ небо; я изумляюсь твоему далеко распространенному семейству и дерзаю тоже называть себя самого однимъ изъ твоихъ. Всюду я примѣчаю чудесное выраженіе твоей власти и склонности творить и оживотворять. Но изъ собранія писаній, которыя твоими заявленными послѣдователями называются священной библіей, я узнаю, что хотя ты и обитаешь на небѣ, ты все таки Богъ ревности, возмездія и мщенія. Изъ этихъ же писаній я познаю далѣе, что ты совершенное существо, безконечное въ могуществѣ, добрѣ, правосудіи, милосердіи и истинѣ, и что ты всевѣдущъ, всемогущъ и вездѣсущъ. Прости мнѣ поэтому, молю тебя, Отче! если я осмѣливаюсь спросить тебя, отчего ты, столь всеблагій и всемогущій, дозволяешь на землѣ быть недостатку и нищетѣ, вслѣдствіе которыхъ возникаютъ порокъ и бѣдствіе? Отчего допускаешь ты войну, убійство, грабежь и насиліе? Почему, О Отче! желая всюду соблюдать правосудіе, дозволяешь ты сильному и могучему угнетать слабаго и беззащитнаго, и черезъ это осквернять образъ человѣчества безчестіемъ и рабствомъ? Если ты можешь распоряжаться и издавать уставы по разнымъ поводамъ и въ разныхъ мѣстахъ, то почему же бываешь ты нѣмъ и какъ бы немощенъ, когда молніеносная искра свирѣпо потрясаетъ облака, переноситъ пламя съ мѣста на мѣсто и разрушаетъ хижину бѣдняка, жизнь человѣка и животныхъ въ полѣ? Почему допускаешь ты землетрясеніе, голодъ, болѣзнь, грѣхъ, смерть, и вѣчное проклятіе? Если ты всеблагъ и могущественъ, О Отче, для чего ты создалъ меня съ чувствомъ справедливости и со способностями къ счастію, сознаніе которыхъ вынуждаетъ меня благодарить тебя за мое существованіе, и сдѣлалъ меня въ тоже время столь не равнымъ тебѣ самому? Твой характеръ, какъ онъ обнаруживается въ твоемъ управленіи и изображается въ писаніи, почитаемомъ твоимъ словомъ, смущаетъ меня; мои врожденныя чувства доброжелательства нарушены Твоими, такъ называемыми, *особенными предопредѣленіями*; и мои понятія о равнораспредѣленномъ благѣ и справедливости оскорблены проявленіями твоего, такъ называемаго, правосудія. И, о Отче мой! если

эти писанія, составленныя различными авторами и содержащія разногласящія изображенія Тебя и Твоего образа правленія; писанія, гдѣ одинъ описываетъ тебя, какъ ревниваго Бога, а другой говоритъ, что ты Богъ любви, гдѣ одинъ говоритъ о твоей мстительности, провозглашая: «Око за око!» а другой учитъ прощенію и заповѣди: «Любите другъ друга!» если это писаніе о Отче! есть въ самомъ дѣлѣ твое слово, то почему большинство 900 милліоновъ землеобитателей не знаетъ его и не слушаетъ твоихъ предписаній? И отчего дозволяешь ты, чтобы даже между немногими, которые его признаютъ, было столько разногласныхъ мнѣній и преній?

Твои дѣти испрашиваютъ у тебя благоволенія и милости! О, Отче! если ты не кажешься всесвѣдущимъ въ ученіяхъ о тебѣ, то научи ты насъ самъ, что ты всесвѣдущъ. Слѣдуя примѣру почитаемыхъ учителей религіи и твоего, такъ называемаго, единороднаго Сына, я прошу тебя, поставить человѣчество въ состояніе видѣть благоволеніе въ Твоемъ благоволеніи, правосудіе въ твоемъ правосудіи, благодать въ твоей благодати и истину въ твоемъ словѣ, гдѣ бы это слово не было обрѣтено. Молю тебя, нищету устранить, порокъ и бѣдствіе отвратить. Молю тебя, не показывать твои атрибуты ревности и мести твоимъ безпомощнымъ и зависимымъ дѣтямъ, потому что такія искушенія вѣдь не могутъ маловѣрнаго убѣдить, а истинно праведнаго обрадовать. Напротивъ, о, Отецъ, замѣни скорѣе грѣхъ добромъ, рабство правосудіемъ, бѣдность изобиліемъ. Сдѣлай это, и я увѣренъ, что ропщущіе и грѣшные охотно найдутъ тогда время и причину прославлять и благословлять тебя, и душа благочестиваго возрадуется этому.

Если ты по своему свободному изволенію сотворилъ небо и землю, и если ты разрушалъ города, водилъ своихъ дѣтей на войну, поражалъ народы голодомъ и болѣзнями, преслѣдовалъ ихъ карой особеннаго и мѣстнаго отправленія твоего всемогущества, то въ такомъ случаѣ, ты можешь, конечно, создать болѣе обширныя земли и основать новые города; даруй же миръ міру и осыпь его цвѣтущимъ благосостояніемъ и смѣющимся изобиліемъ. Внемли, о, внемли моей мольбѣ: это первая молитва въ моей жизни, кото-

рую я дерзаю повергнуть къ твоему престолу. И, посмѣю ли я еще спросить тебя о моемъ видѣніи, Отче мой? Могу ли я взять смѣлость спросить тебя, отчего все, что оно мнѣ показало, даетъ мнѣ поводъ бояться тебя? И нельзя ли мнѣ узнать, откуда происходитъ, что ты, такой добрый и всемогущій и столь попечительный объ элементахъ земли и человѣческихъ дѣлахъ — какъ это очевидно доказываютъ свойственныя тебѣ особенныя провидѣнія и мѣстныя предопредѣленія—откуда происходитъ то, что ты не хочешь рѣшиться сдѣлать что нибудь, что бы могло изгнать несомнѣнно и прочно болѣзни и грѣхъ и превратить такимъ образомъ Землю въ Небо?!»

. . . . . .

Естественное вліяніе вѣры въ Особенныя Провидѣнія, а слѣдовательно, въ способность людей растрогать Создателя посредствомъ молитвы и просьбъ, достаточно выражена въ выше изложенномъ воззваніи. Эта вѣра произвела во мнѣ то, что она должна произвести въ душѣ каждаго, кто питаетъ ее, именно Страхъ, Недовольство, Самовозвеличеніе и повелительную Молитву.

Непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ моей рѣчи я почувствовалъ во всемъ моемъ существѣ несомнѣнное предвѣстіе наступающаго видѣнія. Черезъ нѣсколько мгновеній мои внутреннія воспріятія растворились и я узрѣлъ личность моего внутренняго и духовнаго Путеводителя. Что его назначеніе заключалось въ томъ, чтобы дать моему разстроенному и изнемогшему духу важное и утѣшительное наставленіе, — въ этомъ я былъ совершенно увѣренъ. Его блистательное тѣлосложеніе и его лучезарный духъ представляли солнце, болѣе высоко сіяющее, чѣмъ то, которое я видѣлъ нѣсколько дней тому назадъ. Я находился въ сообществѣ истины и блага. Лишь только мое внутреннее состояніе было вполнѣ возстановлено, и всѣ мои мысли и понятія были совершенно поглощены славнымъ присутствіемъ и назначеніемъ моего путеводителя, онъ устремилъ свой кроткій и выразительный взоръ на мою душу и такъ обратился ко мнѣ: «Думаешь ли ты, что если земля имѣетъ въ окружности двадцать пять тысячъ миль и населена девятн-

сотъ милліонами личностей, то Великій Верховный Духъ долженъ поэтому лично заботиться о ней, оказывать на нее особенное вліяніе и различно управлять этой планетой, ее элементами и обитателями? Говори, думаешь ли ты что либо въ этомъ родѣ?» И я отвѣтилъ: «Земля съ ея обитателями и доказательства особенныхъ провидѣній были вообще представлены мнѣ на горѣ въ видѣніи въ свѣтѣ, который меня убѣдилъ въ божественномъ вмѣшательствѣ болѣе, чѣмъ это могли сдѣлать всѣ образованные люди окружающаго меня общества, которые когда либо возвѣщали мнѣ это ученіе». Черты лица моего путеводителя озарились еще болѣе кроткимъ выраженіемъ, когда онъ, заговоривъ опять, сказалъ: «Скажи, думаешь ли ты, что эти вещи на самомъ дѣлѣ таковы, какими онѣ тебѣ показывались?» И я исповѣдалъ ему мою Вѣру въ особенныя вмѣшательства провидѣнія въ слѣдующихъ словахъ: «Да, я вѣрю въ нихъ». Вслѣдъ за тѣмъ мой путеводитель излилъ на меня успокоительное вліяніе своего духа, и не смотря на то, что магнетическія движенія его рукъ погасили свѣтъ моихъ духовныхъ воспріятій, не раскрывъ при этомъ мои природные глаза, я почувствовалъ себя какъ бы единымъ съ нимъ и легкимъ какъ воздухъ. Спустя не много минутъ я вполнѣ лишился сознанія.

Но меня внезапно разбудилъ мягко—благозвучный, музыкальный голосъ, и вмѣстѣ съ возвратившейся сознательностью изъ глубины моей души выплыли способности и дарованія, которыя до той поры мнѣ не были извѣстны. Я еще разъ услышалъ голосъ, и говорившій изрекъ: «Смотри!» И вдругъ мои ощущенія отверзлись, и я увидѣлъ моего славнаго путеводителя, широкое чело и устремленные вверхъ глаза котораго внушали мнѣ возвышеннѣйшія мысли. Онъ заговорилъ снова, и рѣчь его была: «Обернись и смотри!» Я повиновался и прислонившись къ нему, обративъ мои взоры по одному направленію съ его ликомъ, я увидѣлъ громаднѣйшую и великолѣпнѣйшую картину зиждительной силы. Казалось, что мы какъ бы стояли на чудеснѣйшихъ вершинахъ Универзума, на башнѣ храма, который не былъ сдѣланъ руками; кругомъ волновались несчислимые міры; но какъ безшумно и гармонично двигались они вокругъ незри-

маго отческаго центра! Не было ни одного міра, громадность котораго не превышала бы самыя смѣлыя мои понятія. Ихъ великая краса превышала всякое выраженіе и ихъ неизмѣримость была выше всякаго математическаго вычисленія! О какое поразительное зрѣлище! Безконечность казалась увѣнчанной мірами, и всякій великій міръ былъ украшенъ меньшими мірами, какъ могучими цвѣтами невыразимой красоты. Каждый и всѣ витали въ безграничныхъ пространствахъ безконечной протяженности съ быстротою электрической искры, и, несмотря на то, они не производили шума даже на столько, какъ тюканье карманныхъ часовъ. Ихъ скорость была невообразима, и однако, я не могъ подмѣтить даже такого количества движенія, какое есть въ сердцѣ насѣкомаго. Я взглянулъ внизъ, и мои ощущенія сдѣлали меня способнымъ увидѣть страшную глубину, подобную бездонной пропасти. Это было море міровъ, и они были до того многочисленны, что пытаясь подыскать аналогичное съ ними количество, я сталъ думать о количествѣ всѣхъ капель воды на землѣ, и все таки міры этого моря остались неисчислимыми. И еще разъ я подумалъ о всѣхъ капляхъ воды и всѣхъ песчинкахъ, изъ которыхъ состоитъ земля, и мой путеводитель изрекъ: «Смотри! передъ тобою теперь видъ, открывающійся на міріады міровъ, которые содержатся тамъ, въ той отдаленной группѣ». И я взглянулъ еще разъ, и увидѣлъ еще болѣе глубокую Пропасть, въ отдаленномъ углу которой была цѣлая группа міровъ, болѣе многочисленныхъ, чѣмъ всѣ атомы нашей земли. И съ еще болѣе изощренной и расширенной способностью воспріятія, я въ остолбенѣніи смотрѣлъ и всматривался въ глубину подо мною, и видѣлъ тамъ моря міровъ надъ морями міровъ, системы міровъ надъ системами міровъ—и все же не могъ увидѣть дна этого ужаснаго, но въ высшей степени великолѣпнаго круговорота. У меня стало кружиться въ головѣ, послѣ чего мой вожатый проговорилъ: «Думаешь ли ты, что мы стоимъ на самомъ верху кровли храма Универзума, на высочайшей вершинѣ обширнаго творенія?» И я отвѣтилъ, дрожа отъ страшнаго зрѣлища подо мной: «Да я такъ думаю!» Онъ устремилъ на меня свои взоры и, не сводя съ меня глазъ, вознесъ руку къ небу, и сказалъ: «Собери силы

и смотри!» Мои телескопныя познанія были направлены имъ къ верху, и я увидалъ съ трепетомъ, съ невыразимымъ экстазомъ обширный эфирный сводъ, усѣянный звѣздами — въ видѣ нескончаемой цѣпи чрезвычайно великолѣпныхъ міровъ, слишкомъ многочисленныхъ чтобы ихъ обнять, и слишкомъ прекрасныхъ, чтобы описать ихъ языкомъ человѣческимъ. Я видѣлъ ряды, группы, степени гармоническихъ образованій солнецъ, планетъ и спутниковъ, но не могъ видѣть конца, ни вверху, ни внизу, ни въ длинѣ, ни въ ширинѣ. Я видѣлъ, что изумительное цѣлое было безъ начала и безъ конца, не имѣло предѣловъ, было вездѣ и все собой обнимало.

Неизмѣримый сводъ, безпредѣльная даль, бездонная пучина, невыразимая красота и безмолвіе могучаго цѣлаго угнетали меня подавляющимъ ощущеніемъ моего собственнаго ничтожества. Мнѣ казалось, что я какъ бы утратилъ свою индивидуальность, въ то время какъ мой путеводитель обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «Думаешь ли ты теперь о величинѣ одной земли въ двадцать пять тысячъ миль окружности?»

Я не чувствовалъ себя нисколько смущеннымъ, потому что вспомнилъ великолѣпіе земли, которое я видѣлъ прежде и которое внушило мнѣ мысль о томъ, что она должна имѣть въ глазахъ ея создателя особенную важность. Но я не могъ не отвѣтить: «Нѣтъ, о мой Небесный Вожатый! Я не думаю объ этомъ болѣе. Въ величинѣ и въ великолѣпіи того, что я теперь вижу, маленькая земля исчезаетъ предо мной какъ капля росы въ океанѣ. Но, говоря о маленькомъ мірѣ земли, я желалъ бы спросить о ея многочисленныхъ жителяхъ: развѣ они не велики и не важны въ глазахъ Создателя?» Непосредственно послѣ того, какъ я поставилъ этотъ вопросъ, способность моего познаванія измѣнилась; вмѣсто того, чтобы разливаться въ ширь и вдаль, она стала болѣе сосредоточенной, проникающей въ глубь, и вслѣдствіе того обращенной къ безконечности. «Смотри», сказалъ мой вожатый, и указалъ на нескончаемыя извилины міровъ, которые мнѣ были показаны прежде, «взгляни и оживотвори въ себѣ взглядъ свой». — Я взглянулъ и увидѣлъ съ изумленіемъ, что каждый міръ въ этихъ сверкающихъ сонмахъ

звѣздъ былъ безконечною землей, дѣйствительная огромность которой превышала всякую мѣру и которой поверхность была населена самыми изящными и небесными существами. Они были обоихъ половъ, были чрезвычайно красивы, и не совсѣмъ несходны съ обитателями нашей земли, только несравненно совершеннѣе и утонченнѣе ихъ. И я видѣлъ великолѣпныя обиталища, зданія изящнѣйшаго вкуса, архитектурныя украшенія которыхъ до того хороши, что противятся всякому описанію. Пораженный зрѣлищемъ такого міра, при видѣ милліоновъ столь совершенныхъ, симметричныхъ и гармонично воспитанныхъ существъ я могъ только воскликнуть въ величайшемъ восторгѣ: «Навѣрно это небо и эти люди ангелы!» Но путеводитель мой умѣрилъ мой восторгъ вопросомъ: «Думаешь ли ты еще о величинѣ и важности 900 милліоновъ лицъ?» Но и на этотъ разъ выраженный въ этихъ словахъ упрекъ въ томъ, что я такъ превозносилъ незначительныя вещи, не смутилъ меня, и я возразилъ: «При взглядѣ на эти миріады и миріады человѣческихъ, но все же небесныхъ существъ, о, мой благій учитель, я сознаю, что мое мнѣніе о жителяхъ земли исчезло, какъ однодневный мотылекъ; тѣмъ не менѣе я замѣтилъ въ видѣніи нѣчто, что казалось давало мнѣ неопровержимое доказательство въ томъ, что населеніе земли привлекаетъ на себя особенное вниманіе того, кто его создалъ».

Когда я кончилъ свою рѣчь, моего путеводителя внезапно окружила атмосфера духовнаго мягкаго свѣта, и черты его лица, хотя нѣжныя и пріятныя, выразили необыкновенную рѣшимость. Онъ сказалъ: «Собери всѣ свои мысли, раскрой всѣ свои понятія и услышь меня: «я употребляю тебя какъ рычагъ, который долженъ передать мои наставленія жителямъ земли. То что я сообщаю, ты долженъ напередъ хорошо понять, потому что убѣжденный умъ можетъ говорить, какъ властъ имѣющій. Я былъ вблизи на горѣ, во время твоего видѣнія касательно особенныхъ и мѣстныхъ предопредѣленій, а также тогда, когда ты, какъ представитель неподвинутыхъ теологическихъ и религіозныхъ душъ на землѣ, просилъ у Бога тѣхъ милостей, въ которыхъ ты, вмѣстѣ со всѣмъ человѣчествомъ,

очень нуждался. И лишь только я увидѣлъ твои недоразумѣнія, твои вопросы и твое нетерпѣніе, я былъ побужденъ небеснымъ духомъ братской любви (которая есть любовь охраняющая) повести тебя на высоты, гдѣ бы я могъ надѣлить тебя даромъ, который драгоцѣннѣе всего, что ты просилъ для человѣчества, а именно: даромъ МУДРОСТИ.

«Когда ты былъ занятъ мыслью о величинѣ земли, я замѣтилъ, что познаніе о неизмѣримыхъ моряхъ и царствахъ Творенія могло бы прояснить твои мысли и понятія.

Когда ты думалъ о величинѣ и важности окружающаго тебя человѣчества, и вслѣдствіи этого вѣрилъ въ необходимость особенныхъ наградъ и наказаній, я увидѣлъ, что болѣе обширный взглядъ на Универсальное семейство могъ бы поднять твое душевное состояніе на вершины Мудрости.

Когда ты размышлялъ о томъ, что Богъ можетъ присуждать болѣзни и разрушеніе городовъ и царствъ, и что его благоволеніе или нерасположеніе можетъ быть получено посредствомъ воззваній, набожности, молитвъ или дѣлъ, я увидѣлъ, что болѣе явственное и достовѣрное разумѣніе характера и величія Бога могло бы успокоить тебя и заставить не бояться, но ЛЮБИТЬ ЕГО.

«И замѣтивъ, что понятія твои о Высочайшемъ Духѣ, о его аттрибутахъ, его управленіи или его мѣстныхъ отрывочныхъ проявленіяхъ людямъ, основываются на невѣдѣніи, или доказываютъ, что твой духъ страждетъ недостаткомъ истиннаго познанія, я рѣшилъ повести тебя туда, гдѣ такія понятія существовать не могутъ, и гдѣ источники вѣрнаго познанія клокочутъ въ изобиліи».

Здѣсь я почувствовалъ побужденіе, попросить моего вожатая, не можетъ ли онъ дать мнѣ взглянуть на землю и ея обитателей, дабы я тѣмъ живѣе могъ увидѣть изумительный контрастъ между тѣмъ міромъ и зрѣлищемъ безконечности, которымъ моя душа была теперь наполнена.

«Сосредоточься въ себѣ самомъ», отвѣтилъ онъ, и я поведу тебя туда».

Мы прошли страшную даль безконечнаго пространства, какъ казалось, лишь въ немного минутъ, и прибыли затѣмъ на прекрасную планету.

«Зри», сказалъ онъ, указыкая наискось на рѣдко усѣянную звѣздами безпредѣльность, «зри и запечатлѣй въ своей памяти». Я взглянулъ, по указанному имъ направленію, но, безпрестанно и напрасно стараясь увидѣть землю, я былъ вынужденъ воскликнуть: «О мой добрый учитель, я ничего не могу видѣть!» И онъ возразилъ: «Взгляни туда вторично». И тотчасъ я увидѣлъ на далекомъ разстояніи крошечное свѣтлое пятнышко, которое сдѣлалось мало по малу больше и явственнѣе; и я могъ различить вокругъ него что-то въ родѣ облаковъ. И по мѣрѣ того какъ я продолжалъ всматриваться, облака стали принимать видъ холмовъ, между которыми струились не большія токи воды. «Тамъ» сказалъ мой вожатай, указывая, на это, «тамъ ты можешь теперь разглядѣть Материки, Горы, Моря, Озеры и рѣки земли». Медленно разсматривая планету, я видѣлъ скопленія различныхъ формъ и цвѣтовъ: бѣлаго, коричневаго, чернаго и туманнаго. И я видѣлъ безчисленное множество маленькихъ черныхъ тѣлецъ, мечущихся туда и сюда, выходящихъ и входящихъ, перекрещивающихъ другъ другу дорогу и иногда одинъ на другаго наталкивающихся. Я былъ такъ пораженъ, при взглядѣ на муравьиныя, кучи которыя, казалось, были предо мною, что едва могъ сказать моему учителю: «Нѣтъ, навѣрно это не земля!» Но онъ возразилъ: «Ты видишь тутъ многочисленныя села и города земли, а равно и ихъ жителей съ ихъ столкновеніями и дрязгами». Чувство смиренія и упадокъ духа овладѣли мною, послѣ того какъ мой добрый, но смѣлый путеводитель произнесъ эти слова. Тѣмъ не менѣе, продолжая свои наблюденія я примѣтилъ по всѣмъ направленіямъ, хотя не явственно, множество не большихъ зданій, различнаго рода построенія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я могъ замѣтить такія же самыя крошечныя черныя тѣла, которыя, какъ сообщилъ мнѣ мой вожатай, были земные жители.

Только что я вознамѣрился было его спросить объ этихъ столь не явственно видимыхъ строеніяхъ, какъ вдругъ онъ началъ самъ: «Ты видишь вотъ тутъ церкви и людей одной изъ просвѣщеннѣйшихъ странъ земли». Это извѣстіе крайне удивило меня, такъ какъ я вспомнилъ, что священники и люди, которые строятъ и поддерживаютъ

церкви, вѣрятъ и учатъ, что ихъ вѣра и ихъ дѣянія угодны Богу. Я попросилъ моего вожатаго дать мнѣ услышать, что одинъ изъ этихъ священниковъ говоритъ въ это мгновеніе. Моя просьба была уважена, и черезъ медіумъ усиленнаго и сосредоточеннаго чувства слуха я услышалъ, прислушиваясь, слѣдующія слова: «Мы благодаримъ тебя, о Отче, за то, что ты послалъ намъ своего единственнаго сына и возвѣстилъ твое слово. Мы благодаримъ за святое обѣтованіе, которое ты ниспослалъ намъ, за твое покровительство и твою любящую благость; и мы просимъ тебя: поведи насъ твоимъ путемъ, дабы найдти намъ спасеніе черезъ страданія и пролитую за насъ кровь твоего единороднаго сына». Тутъ я внезапно не могъ ничего больше услышать. Но эта молитва пробудила во мнѣ новое сочувствіе къ тому, что было мнѣ представлено въ видѣніи на горѣ, касательно особенныхъ дѣйствій провидѣнія. Поразительныя внѣшнія доказательства таковыхъ, хоть я уже не вѣрилъ болѣе, что правильно понялъ ихъ, казалось, нуждались въ разъясненіи. Мой путеводитель, мгновенно проникшій въ мои мысли, отвѣтилъ на нихъ немедленно, сказавъ:

«Ты былъ рано объятъ заблужденіями и несовершенствами твоего природнаго мѣсторожденія, земли, потому что твой разумъ много и часто внималъ поверхностнымъ наставленіямъ и свидѣтельствамъ и потому что твой духъ не пріобрѣлъ никакого знанія о непреложныхъ принципахъ божественнаго универсальнаго управленія. Ты хочешь узнать внутреннія и истинныя причины этихъ внѣшне изображенныхъ примѣровъ особенныхъ провидѣній, въ сверхъестественное начало которыхъ, ты, вмѣстѣ съ окружающими тебя, свято вѣрилъ. И такъ слушай: я объясню тебѣ.

«Во первыхъ. Относительно человѣка, который былъ спасенъ и исцѣленъ въ тотъ моментъ, когда онъ бросился въ пропасть, тебѣ надо знать, что при этомъ играли роль слѣдующія причины: онъ былъ ревностный мечтатель, и преслѣдуя свои научныя занятія до крайняго невниманія къ непреложнымъ законамъ жизни и природы, навлекъ на себя половинный параличъ органовъ мозга. Онъ страдалъ немощью духа, которая извѣстна докторамъ подъ именемъ никоге-

ренціи (безсвязности мыслей) или деменціи (безумія). Симптомы ея: несвязность мыслей, забывчивость, натянутость рѣчи и вычурность въ обращеніи, стремленіе совершить невозможныя вещи, и т. д. Въ такомъ состояніи онъ приблизился къ обрыву и упалъ внизъ, какъ ты это видѣлъ въ своемъ видѣніи. Но тутъ внезапная и неожиданная задержка его падающаго тѣла густыми вѣтвями кустарника и деревьевъ и яркое сознаніе опасности своего положенія, пока ему можетъ быть оказана помощь, произвели обращеніе крови и духовной жизни въ его системѣ столь сильное, что параличъ прошелъ, и онъ мгновенно выздоровѣлъ. Врачи знакомы со случаями, когда крѣпкіе и здоровые люди внезапно сѣдѣютъ, или разомъ вылечиваются отъ болѣзни, или скоропостижно умираютъ, по причинѣ нечаяннаго печальнаго извѣстія или отрадной новости. И если ты захочешь по ближе познакомиться съ такими случаями, то найдешь множество подобныхъ примѣровъ вмѣстѣ съ ихъ побудительными всякій разъ причинами.

«Во вторыхъ. Относительно сохраненія маленькой деревушки въ то время, какъ все разрушалось вокругъ ее, ты долженъ узнать, что внутреннія причины этого необыкновеннаго обстоятельства слѣдуетъ искать въ положеніи земныхъ слоевъ, на которыхъ эта деревушка была построена. Первичныя и вторичныя слои были до того крѣпко между собой связаны и сомкнуты подъ нею, что, между тѣмъ какъ прочіе ряды слоевъ растрескались и распались отъ усилія элементовъ возстановить равновѣсіе между внутренними газами и внѣшней атмосферой, (усилія именуемаго обыкновенно землетрясеніемъ), тѣ слои, на которыхъ стояла деревня, не потерпѣли никакого поврежденія или разстройства.

«Въ третьихъ. Узнай, что осужденное въ инквизиціонной залѣ женское существо было спасено отъ смерти потому, что палачъ держалъ въ рукѣ электрическій проводникъ. Ты помнишь, какъ его мечъ ярко заискрился; и только, благодаря этому сильному магниту, женщина не могла, точно также какъ палачъ и другіе присутствовавшіе въ храмѣ, быть постигнутой той же горькой участью.

Въ четвертыхъ. Землетрясеніе, случившееся въ то время, когда римляне распинали того, чье имя было Іисусъ, было

простымъ примѣромъ стеченія случайныхъ обстоятельствъ. Но ты долженъ запечатлѣть въ своемъ умѣ истину, что внѣшность какой либо вещи не есть ея внутренняя дѣйствительность, потому что описаніе и изображеніе чего бы то ни было всегда болѣе или менѣе окрашено и преувеличено, или искажено и извращено тѣми внѣшними вліяніями, которыя дѣйствовали на описывающаго. Такъ и записанное повѣтствованіе объ этомъ землетрясеніи весьма преувеличено, и обсуждается неблагоразумно обитателями земли. Оно изъ дѣйствительности сдѣлалось сказкой; изъ факта обратилось въ вымыселъ. Такое стеченіе случайностей можно встрѣтить въ мірѣ ежедневно, и даже ежечасно. Всѣ такіе случаи не равны между собою по ихъ значенію, но на оборотъ равны въ отношеніи своей чудесности, какъ напримѣръ, мгновенная остановка часовъ, или растрескиваніе зеркала, или вой дворовой собаки или захожденіе солнца во время выхожденія духа изъ тѣла въ моментъ смерти. Но неуклонные процессы природы и встрѣча какъ обыкновенныхъ такъ и рѣдкихъ случайныхъ обстоятельствъ съ этими процессами природы всегда даютъ вѣрное объясненіе всѣхъ мѣстныхъ и необыкновенныхъ происшествій, которыя когда либо случались или могутъ еще случиться.

«Въ пятыхъ. Скоропостижная смерть Ананія, въ то именно время, когда онъ произносилъ фальшивую присягу, произошла отъ психологическихъ и физіологическихъ причинъ, или скорѣе, отъ очень сильнаго дѣйствія духа на матерію. Онъ имѣлъ болѣзнь сердца, называемую врачами, гипертрофіей (ожиреніе сердца); и въ то время, какъ онъ давалъ показаніе, борьба между долгомъ и интересомъ, между сознаніемъ права и дурнымъ умысломъ, между сугубымъ стараніемъ подавить и скрыть свои истинныя мысли и безъ запинки высказывать вмѣсто нихъ ложныя, до того усилилась, что его сердце пришло въ такое необычайное возбужденіе, что кровь въ его камерахъ остановилась, вслѣдствіе чего тотчасъ же прекратилось движеніе сердца—а это есть вѣрная и непосредственная смерть. Сердце, однакожь, не всегда бываетъ причиной подобныхъ внезапныхъ случаевъ смерти: иногда духовное возбужденіе разрываетъ кровяной

сосудъ мозга и этимъ тоже производится мгновенное погашеніе жизни.

«Въ шестыхъ. Переходъ черезъ красное море по сухому дну есть другая иллюстрація, другой примѣръ дѣйствительной исторіи, втиснутой въ область басенъ. Дѣти Израиля имѣли возможность перебраться черезъ Красное море по сравнительно сухому дну, потому что они назначили и приготовили свой побѣгъ изъ Египта слѣдующимъ образомъ: было одно мѣсто, гдѣ песчаная мель простирается черезъ все море, на подобіе небольшой цѣпи горъ. Во время отлива эта мель подвергается солнечному зною, и ея высыханіе обыкновенно продолжается нѣсколько часовъ. Черезъ эту песчаную мель проходилъ однажды съ своей арміей Бонапартъ, такъ же какъ и Александръ съ своимъ войскомъ. Этой же дорогой переводили и три египетскіе полководца свои полчища въ полномъ вооруженіи и съ походнымъ обозомъ. Тотъ же переходъ избрало и еврейское племя подъ предводительствомъ Моисея, когда оно бѣжало изъ Египта. И чтобы вернѣе освободить его отъ Фараона и узъ неволи, Моисей такъ разсчиталъ время отправленія въ путь, чтобы оно могло дойдти до моря и переправиться черезъ него какъ разъ до прилива воды. Такимъ образомъ онъ могъ ручаться, что на случай, если бы Фараонъ захотѣлъ со своими полками пуститься за евреями въ погоню, чтобы вернуть ихъ въ неволю, то приливъ моря непремѣнно долженъ будетъ произойти въ тотъ промежутокъ времени, когда король Египетскій будетъ находиться на мели, почему онъ долженъ будетъ погибнуть въ волнахъ. И это предположеніе Моисея исполнилось буквально. Ты видишь изъ этого примѣра, какъ удачныя и необычайныя предпріятія бываютъ преувеличенно представлены счастливой стороной, какъ будто бы онѣ были выраженіемъ чудеснаго покровительства и особенной благосклонности какого нибудь внемлющаго людямъ Божества.

«Въ седьмыхъ. Больная личность, о которой священники и люди думали, что ея недуги были присуждены ей Богомъ съ цѣлью испытать ее и научить терпѣнію — такъ какъ онъ приготовилъ ей великое и вѣчное блаженство — эта личность была потому одержима болѣзнями, что она всю свою жизнь провела въ постоянныхъ нарушеніяхъ законовъ природы.

Обладая громаднымъ состояніемъ и содержа безчисленную прислугу, она могла удовлетворять прихотямъ своего вкуса и желудка драгоцѣнными и потому очень вредными для здоровья яствами. Она ѣла мясныя неудобоваримыя кушанья и самыя тяжелыя лакомства, причемъ избѣгала всякого рода труда, потворствовала праздности, одѣвалась противно природѣ, стѣсняя свободу тѣла стягиваніемъ груди и таліи, и совершенно пренебрегала необходимыя для здоровья тѣлодвиженіями. Поэтому ея немощи нельзя приписать другой причинѣ, кромѣ той, что она собрала плодъ зеренъ, которыя сама посѣяла.

«Въ восьмыхъ. Красивый и духовно скороспѣлый ребенокъ, котораго ты видѣлъ, развился такъ рано и такъ скоро былъ отозванъ по причинамъ, дѣйствовавшимъ еще до его рожденія. Мать его, хотя и не потерпѣла никакого поврежденія, не испытала никакого испуга, никакого нарушенія воспроизводительныхъ законовъ природы; но она имѣла особенную склонность къ задумчивости и была страстно предана наукѣ и ученымъ изслѣдованіямъ. Дитя ее было вѣрнымъ изображеніемъ этихъ ея особенныхъ отличительныхъ свойствъ (такихъ послѣдствій слѣдуетъ всегда ожидать при существованіи подобныхъ обстоятельствъ) и его до времени развитый духъ истощилъ силы его тѣла, такъ что не значительный внѣшній поводъ могъ легко причинить ему с м е р т ь: я употребляю выраженіе, которое ты привыкъ слышать и самъ часто употребляешь, когда говоришь о выхожденіи духа изъ тѣла.

«Въ девятыхъ. Мальчикъ, который не слушался своихъ родителей и искалъ увеселеній въ тотъ день, который ты называешь субботнимъ, утонулъ не вслѣдствіи своего непослушанія и не по причинѣ дня, который святится такъ называемыми просвѣщенными духами на землѣ; но онъ утонулъ просто потому только, что находился на водѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда нагрянула буря. П р а в д а в с е г д а п р о с т а и н а т у р а л ь н а, а з а б л у ж д е н і е — з а п у т а н о и и с к у с с т в е н н о. Въ интересѣ этого твердо поставленнаго правила я бы очень желалъ, чтобы ты сопоставилъ обиходное народное мнѣніе о непослушномъ сынѣ съ тѣмъ, что я сказалъ на счетъ причинъ его смерти. Тогда

ты самъ увидишь, какъ вѣрнѣе уже быть не можетъ, на чьей сторонѣ находится естественность, и гдѣ запутанность и какъ истина отличается етъ заблужденія.

«Въ десятыхъ. Увѣренія священника покажутся тебѣ несостоятельными и почти непзвинительно безразсудными, если я возвѣщу тебѣ, что молодая и привлекательная дѣвушка не была отнята у ея родителей и земли въ силу особеннаго Божескаго предопредѣленія, а сама была виновата въ своей смерти. Она имѣла врожденную наклонность къ невральгіи матки. При этомъ она изнуряла свою систему частыми танцами, и въ заключеніе еще навлекла на себя сильную простуду, потому что носила платье, которое находилось въ полномъ противурѣчіи съ температурой воздуха и выдѣленіями испареній кожи. Отъ этого случилось воспаленіе и невральгія, которыя, не встрѣтивъ противодѣйствія, нашли исходъ въ погашеніи жизни.

Непринужденность и натуральность съ которыми мой вожатый объяснилъ мнѣ разные примѣры м н и м ы х ъ особенныхъ вмѣшательствъ провидѣнія, представленныхъ мнѣ моимъ видѣніемъ, заставили меня воскликнуть: «О благій учитель! мой разумъ радостно поглощаетъ твои наставленія; но только на землѣ мнѣ преподавали, что все, что радуетъ разумъ, часто вредитъ вѣчному спасенію души. Не хочешь ли ты меня наставить и въ этомъ?» Лишь только я произнесъ эту просьбу, какъ земля ушла отъ моихъ взоровъ, и я обратился къ моему учителю, и хотѣлъ возобновить мой вопросъ, какъ вдругъ онъ сказалъ: «Помнишь ли ты неисчислимые и безсмертные шары земные, которые ты видѣлъ? Помнишь ли ты міріады міровъ, потокъ которыхъ такъ безшумно льется черезъ безграничныя и неизмѣримыя царства безконечности? Помнишь ли ты невыразимую величину, необъятную гармонію и очаровательное развертываніе безконечной Любви и Мудрости? Можешь ли ты все это вспомнить? Если да, то я открою тебѣ другую истину. Я хочу тебѣ открыть, что ты восхищался произведеніями Божьими не съ высотъ Универзума, и мало того, даже не съ вершины маленькой башни этого нескончаемаго храма. Узнай же, что ты стоялъ со мной лишь въ обширномъ п р е д д в е р ь и и обозрѣлъ оттуда лишь несказанно малую часть величины,

гармоніи и великолѣпія Вселенной. Когда ты узрѣлъ ослѣпительный блескъ и высокую красу этихъ міровъ твой духъ былъ вынужденъ воскликнуть отъ изумленія и восторга: «Это — небо!» И тѣмъ не менѣе эти тѣла Вселенной суть не болѣе какъ планеты, и ихъ жители, эти духовно возвышенныя и дивно гармоничныя существа, въ которыя ты съ такимъ изумленіемъ всматривался и которыя ты съ такимъ непреодолимымъ восхищеніемъ назвалъ «ангелами», суть не болѣе, какъ мужчины и женщины, по душѣ и тѣлу сформированные на основаніи тѣхъ же музыкальныхъ принциповъ, которые развертываются и человѣческими поколѣніями на землѣ. Все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чего ты еще не видалъ. И точно также отъ всего, что ты доселѣ видѣлъ, ты не могъ получить даже и о д н о й мысли, которая бы д о с т о й н а была быть названной и д е е й Б о г а. Ну, что же думаешь ты теперь послѣ этого о научной методѣ, по которой ты былъ воспитанъ на землѣ? Какъ теперь показываются тебѣ наипросвѣщеннѣйшіе учители ея? Имѣешь ли ты все еще с т р а х ъ въ своемъ сердцѣ, что О н ъ, который живетъ въ милліонахъ различныхъ вселенныхъ и всѣхъ ихъ обширныхъ владѣніяхъ и въ тоже время, какъ В с е д е р ж и т е л ь, совершенствуетъ и приводитъ ихъ въ Согласіе — опасаешься ли ты, говорю я, чтобы т а к о е существо захотѣло или м о г л о создать горсть человѣческихъ духовъ, столь несовершенно, что ихъ с е р д ц е и р а з у м ъ давали бы имъ поводъ къ междоусобнымъ войнамъ? И я спрашиваю тебя, можешь ли еще ты хоть на одно мгновеніе предполагать, чтобы такое существо могло равнодушно смотрѣть на войны, моръ, опустошенія и другія многочисленныя бѣдствія, которыя обитатели земли не выучились еще предупреждать, бѣдствія, изъ которыхъ они еще не вышли? И полагаешь ли ты, что в е л и к і й д в и ж у щ і й П р и н ц и п ъ У н и в е р с а л ь н о к р у г о в р а щ а ю щ а г о с я Н е б а можетъ быть доведенъ до устраненія этихъ бѣдствій докучными просьбами о прекращеніи ихъ? просьбами отмѣнить бѣдность, порокъ, рабства и болѣзни, исцѣлить отъ золъ, которыя суть ч е л о в ѣ ч е с к а г о п р о и с х о ж д е н і я и должны и с п у с т и т ь д у х ъ тамъ, гдѣ онѣ возникли? Я говорю тебѣ — н ѣ т ъ! Великій Жизненный Принципъ — Великая

Живая Причина — Великій Живый Отецъ всѣхъ міровъ и ихъ безчисленныхъ обитателей управляетъ своимъ Универзумомъ посредствомъ непреложныхъ, неизмѣнныхъ и безпристрастныхъ законовъ! Онъ не создаетъ ни одного Міра, ни одного Духа, ни одного Обстоятельства съ помощью какихъ либо иныхъ Принциповъ, кромѣ Всеобщихъ. И оттого онъ не учреждаетъ никакихъ Особенныхъ или Исключительныхъ Благословеній или Проклинаній въ Вѣчномъ царствѣ Своего Универсальнаго Управленія».

Безмолвіе, смиреніе и убѣжденность проникли въ мою душу и овладѣли ею всей. И я не могъ сказать въ отвѣтъ ничего больше, кромѣ словъ: «Буду помнить.—Сообщу, что видѣлъ и слышалъ».

«Когда такъ», сказалъ мой учитель, «собери и сосредоточь въ себѣ всю воспріимчивость своихъ умственныхъ способностей и всѣ твои живыя силы». Я повиновался мгновенно и ощутилъ сладостное и утѣшительное вліяніе его духа такъ сильно, что на меня нашелъ глубокій сонъ и мое сознаніе вполнѣ исчезло. И опять я былъ разбуженъ музыкой его голоса. Я еще былъ въ своемъ высшемъ, какъ я привыкъ его называть, состояніи, и мой учитель произнесъ: «Ты находишься опять на землѣ, въ рощѣ, подъ тѣми деревьями, гдѣ ты просплъ у Бога совѣта. Впередъ, когда невѣдѣніе и заблужденіе, суевѣріе и предразсудокъ нагромоздятся передъ тобой высоко, какъ гора, и будутъ угрожать задавить тебя, тогда припомни себѣ все, что ты видѣлъ; вспомни въ это время, что ты стоялъ на высокихъ и изумительныхъ вершинахъ, на вѣчныхъ высотахъ, которыя достижимы для всѣхъ человѣческихъ духовъ, если ихъ ведетъ чистая мудрость! И если когда либо опять теологіи и религіи земли, эти фантомы (призраки) народа, подобно тѣнямъ станутъ подниматься передъ тобой, вспомни тогда, что ты прочиталъ Заглавный Листъ Истинаго Слова и что ты вступилъ въ предверье Божественаго и Всемірнаго Храма — Храма, который не руками построенъ и вѣченъ на небесахъ!»

Глубокая тишина была вокругъ и тишина святая. Мой путеводитель не произнесъ ни слова болѣе. Магнитное дѣй-

ствіе его духа стало исчезать постепенно, и я вошелъ назадъ въ мое натуральное состояніе. Я шелъ по дорогѣ домой съ сердцемъ исполненнымъ счастія и довольства. День клонился къ ночи; для тѣлесныхъ глазъ наступила темнота, но Солнечный свѣтъ Безконечнаго и Вѣчнаго Дня освѣщалъ блистательно развернутыя теперь отдѣленія моей безсмертной души. И этотъ Свѣтъ, который не знаетъ мрака, научилъ меня не СТРАШИТЬСЯ Высочайшаго Принципа; но ЛЮБИТЬ Его!

ФИЛОСОФІЯ БЕЗСМЕРТІЯ

Хотя было достаточно простого, грубаго взгляда человѣческаго духа, чтобы вдохновить всѣхъ людей и всѣ народности сильнымъ влеченіемъ къ безконечному существованію души и вселить въ нихъ неограниченную надежду; но несмотря на это, читатель не можетъ не замѣтить постепеннаго уменьшенія и исчезновенія этой инстинктивной и безпредѣльной вѣры, по мѣрѣ того какъ принципъ ума сталъ развиваться и примѣняться ко всѣмъ философскимъ и этическимъ задачамъ мышленія. Это благопріятное предзнаменованіе. Оно показываетъ, что тучи и темныя предугадки, которыя суевѣріе набросило на спекуляціи (разсужденія) человѣческаго ума о вѣроятности существованія будущаго свѣта, готовы разсѣяться и исчезнуть отъ дѣйствія Солнечнаго свѣта свободной и здравой философіи, лучи которой озаряютъ Божественныя Откровенія Природы, таинственныя красоты Божьяго управленія, и подлинныя владѣнія духовнаго Универзума. Все это, я полагаю, разумъ читателя охотно признаетъ.

Но здѣсь опять слѣдуетъ запечатлѣть въ себѣ положеніе, что ни одна субстанція или сила, какого бы характера она ни была, физическаго или интелектуальнаго, тѣлеснаго или духовнаго, не имѣетъ въ себѣ самой силы самопзслѣдованія или саморазумѣнія. Оттого вы легко можете правильно разсмотрѣть и изслѣдовать субстанціи, которыя грубѣе вашего собственнаго образованія, но когда вы приходите къ сознанію, къ интеллигенціи, къ Духу, вы видите, что, хотя этотъ принципъ и есть тотъ, который

далъ вамъ возможность изслѣдовать и обнять все подъ нимъ находящееся, но онъ, все таки, самъ по себѣ для васъ необходимо теменъ и неопредѣленъ. Вслѣдствіе этого по отношенію къ этому принципу и его составу встрѣчается или слишкомъ много вѣры или черезъ чуръ много невѣрія; и каждое изъ этихъ излишествъ есть естественное послѣдствіе принципа, который пытается изслѣдовать самого себя.

Такъ какъ вы не имѣете средствъ достичь до яснаго и очевиднаго познанія существа и принципа интеллигенціи, то вы должны, если мнѣ будетъ дозволено такъ выразиться, предоставить мнѣ вступить въ высшее Состояніе и при помощи его раскрыть вамъ то, что вы охотно и съ радостью приняли бы, какъ удовлетвореніе вашего естественнаго горячаго желанія и какъ отвѣтъ на ваше мощное стремленіе къ высокому, благородному и доблестному пониманію вашей природы, ея законныхъ обязанностей и ея конечнаго назначенія.

Можетъ быть я буду въ состояніи философію врожденнаго или конституціоннаго безсмертія души больше приблизить къ духу читателя, если приведу слѣдующее письмо и отвѣтъ на него, вмѣсто того чтобы разбирать эту тему какимъ нибудь другимъ способомъ умозаключительнаго процесса.

S. D. Louis, 10 апрѣля 1848.

Mr. A. J. Davis:—Я читалъ вашу книгу и вѣрю многому въ ней прочитанному, только не убѣжденъ въ безсмертіи души, на сколько мнѣ было бы желательно. Я пишу къ Вамъ поэтому, такъ какъ я увѣренъ, что Вы другъ человѣчества, который не отказывается умножать свѣтъ, познанія и истины. Подъ безсмертіемъ души я разумѣю нескончаемую продолжительность интеллектуальныхъ (умственныхъ) силъ, способности мышленія—духовнаго сознанія, безъ утраты духомъ своей идентичности или своего личнаго самосознанія. Ибо если бы при смерти происходила перемѣна,

которая дѣлала бы душу совершенно и вполнѣ безсознательной или уничтожала бы всякое воспоминаніе о прошломъ, такъ чтобы память о нашемъ быломъ земной жизни, должна была бы навсегда разстаться съ нами, то это для меня было бы равносильнымъ уничтоженію. Какія, слѣдовательно, мы имѣемъ доказательства въ продолженіи идентичности или равной себѣ самосознательности личности по смерти? Я думаю, что душа или духъ не теряетъ своей идентичности или своей самосознательной личной существенности, а продолжаетъ прогрессивно расти въ Познаніи, Мудрости и Счастіи; но только я не совсѣмъ еще убѣжденъ въ этомъ такъ, какъ мнѣ бы хотѣлось.

Цѣль моего письма къ Вамъ просто въ томъ, чтобы я, какъ испытатель Истины и Свѣта, могъ убѣдиться въ чемъ я заблуждаюсь и долженъ исправиться; а особенно въ томъ, чтобы получить д о к а з а т е л ь с т в а не только въ пользу безсмертія души, но и ея постоянной непрерывной идентичности (или вѣчно продолжающагося самосознанія личности), ея воспоминаній о прошедшемъ, узнаванія друзей въ будущемъ состояніи и пр.

Надѣюсь, что Вы или отвѣтите на это письмо непосредственно, или что нибудь напечатаете о вышеупомянутомъ предметѣ.

Вашъ и т. д. J. S. F.

ОТВѢТНОЕ ПИСЬМО

Нью-Іоркъ, 15 сентября 1848.

П о ч т е н н ы й В о п р о с и т е л ь! — Ваше письмо пришло какъ разъ въ такое время, когда я былъ занятъ очень обстоятельнымъ и пространнымъ анатомическимъ, физіологическимъ и патологическимъ изслѣдованіемъ, съ намѣреніемъ сообщить міру простой и высшій методъ медицинскаго ученія; а когда я весь бываю погруженъ во внутреннія мои изслѣдованія, то для меня на столько же мучительно, на сколько вредно отрываться отъ нихъ къ постороннимъ

предметамъ. Это объяснитъ и извинитъ мое продолжительное молчаніе на несказанно важные вопросы, которые содержитъ въ себѣ письмо Ваше.

Но прежде чѣмъ я установлю основаніе, на которомъ покоится индивидуализація элементовъ человѣческаго духа, равно какъ и всякое истинное познаніе ихъ, я чувствую себя впечатлѣннымъ сказать нѣсколько словъ относительно происхожденія и вліянія трехъ родовъ вѣры, которыхъ держатся многіе миряне и духовные, а также и нѣкоторые люди вообще, именно: Вѣра невѣдѣнія, Вѣра желанія и Вѣра разумѣнія.

1. Вѣра невѣдѣнія есть вѣра, не сопровождаемая достаточными доказательствами разсудка, и поэтому, лишенная опоры. Она получается отъ врожденныхъ склонностей духа, или доктринальнаго воспитанія, которое дается преобладающею теологіей или вліяніемъ сферы, въ которой живетъ индивидуумъ.

2. Вѣра желанія (наклонности) есть инстинктивная или интуитивная вѣра въ безконечное продолженіе личнаго существованія. Она возникаетъ изъ центральнаго, самаго внутренняго желанія человѣческаго духа, которое безсознательно принимается за живое внутреннее пророчество о его вѣчномъ назначеніи. Эта вѣра не основана ни на какихъ универсальныхъ принципахъ, не имѣетъ субстанціальнаго базиса, на которомъ она могла бы безопасно утвердиться и опирается только на умозаключенія, которыя почерпаются изъ собственныхъ влеченій духа и общей тенденціи всѣхъ сотворенныхъ вещей.

3. Вѣра разума есть вѣра, основанная на абсолютномъ и не двусмысленномъ познаніи. Она выростаетъ изъ полнаго признанія и всеобщаго надлежащаго пониманія неизмѣнныхъ принциповъ, которые текутъ изъ лона Божественной причины въ Универзумъ и управляютъ всѣми вещами съ непогрѣшимымъ и неизмѣннымъ постоянствомъ.

Вліяніе первой вѣры порождаетъ скептицизмъ или сомнѣніе, потому что тутъ вѣрующій не можетъ получить ни для себя, ни для испытателя истины и міра, вѣрныхъ и существенныхъ доказательствъ, и тоже потому, что она отсылаетъ образованнаго изслѣдователя къ историческимъ

повѣтствованіямъ о сверхъестественныхъ явленіяхъ и событіяхъ, столько же ужасныхъ и нелѣпыхъ, сколько и непонятныхъ. Вліяніе втораго рода вѣры производитъ робость разсудка, потому что вѣрующій не имѣетъ никакого другого основанія, на которое онъ могъ бы опереть свою вѣру, кромѣ внутренняго желанія, внѣшняго процесса мышленія и неопредѣленныхъ вѣроятностей; и потому что всякій разъ когда онъ отважится разслѣдовать базисъ своей вѣры (что рѣдко случается), онъ всегда открываетъ, что она неосновательна и слѣдовательно неудовлетворительна—мало экспансивна (объемлюща), недостаточно сильна, чтобы покрыть собою все пространство, занятое сомнѣніями и возраженіями, и поэтому не можетъ устранить всѣ препятствія для полнаго довѣрія къ новымъ истинамъ личнаго безсмертія.

Вліяніе третьей вѣры приноситъ счастіе, потому что вѣрующій можетъ доставить разумное основаніе вѣрѣ и надеждѣ, которыя питаетъ въ себѣ; потому что его разсудокъ убѣжденъ и вышелъ изъ сферы невѣдѣнія, увлеченія, поверхностного разсужденія и вѣроятностей; потому, что онъ имѣетъ Божественное ручательство въ фактѣ индивидуальнаго существованія; потому что онъ самъ есть вексель предъявленный банку вѣчной жизни, подписанный Всемогущей рукой и уплачиваемый въ сроки, опредѣляемые временемъ его вступленія въ новыя сферы и выхожденія изъ нихъ, въ продолженіе его круговаго путешествія черезъ Вѣчность.

Думаю, что Вы согласитесь со мной, если я скажу, что вы занимаете второе положеніе по отношенію къ вѣрѣ въ будущее состояніе; такъ какъ вѣдь «Вы вѣрите, что душа или духъ не теряетъ своей идентичности (тожества) или сознанія о себѣ самой, но, напротивъ, прололжаетъ расти, прогрессируя въ познаніи, мудрости и счастіи». Но, подобно тысячамъ нашихъ братьевъ, которые стремятся вѣрить въ безсмертіе и чаютъ его, Вы еще не въ третьемъ положеніи, иначе Вы не могли бы сказать: «но только я не совсѣмъ еще убѣжденъ, такъ какъ мнѣ бы хотѣлось». И такъ, для того, чтобы мы могли пріобрѣсти и удержать за собой Вѣру Разума, которая одна только способна дать намъ внутреннее спокойствіе и положительную рѣшимость

вѣрно исполнять наши обязанности на землѣ, я приступлю къ предъявленію Вамъ доказательствъ, «какія мы имѣемъ относительно вѣчной продолжительности нашей идентичности по смерти», или покажу, почему мы безсмертны.

Основный фундаментъ всего зданія есть не разрушимость матеріи или универсальной субстанціи, которая доставляетъ намъ чувствующую индивидуальность и образуетъ внѣшнюю физическую организацію Великаго Положительнаго Духа. Матерія — вѣчна и вездѣсуща. Она находится во всѣхъ вещахъ и образуетъ всѣ вещи, и не существуетъ ничего, чтобы не было матеріей или субстанціей. И вотъ на универсальности и неразрушимости матеріи то и основывается всеславная дѣйствительность вѣчной жизни. Но тутъ самъ собой возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ матерія образуетъ индивидуума, и какъ или какимъ способомъ этотъ индивидуумъ становится безсмертнымъ? Спросимъ Природу: она указываетъ на Вѣчный Духъ, установившій законы, которые обнаруживаются въ ея развертываніяхъ, и она требуетъ отъ насъ, чтобы мы разсмотрѣли принципы Ассоціаціи (общенія), Прогресса и Развитія.

Мы замѣчаемъ, что подъ мощнымъ и непрестаннымъ руководствомъ этихъ законовъ, всѣ формы и субстанціи непрерывно и вѣчно стремятся къ Единству, Совершенству и Организаціи. Изъ Великаго Центральнаго Духа проистекаютъ безчисленные элементы и субстанціи, которые образуютъ безчисленныя зародышныя зерна. Послѣднія притягиваютъ индивидуально элементы и субстанціи, которые имѣютъ соотвѣтственныя индивидуальныя родственности съ ними; и онѣ накопляются, сгущаются, очищаются и образуютъ Солнцы, солнечныя системы, кометы, планеты и спутники. За тѣмъ изъ центральной массы и плодотворнаго лона каждой Планеты выступаютъ рудиментарныя частицы, и подвергаясь процессу, сходному съ тѣмъ, которымъ были созданы и развиты планеты, онѣ заканчиваются въ минеральныхъ комбинаціяхъ и развиваютъ ихъ.

За тѣмъ, вслѣдствіе безпрестаннаго дѣйствія тѣла на тѣло, существенности на существенность и субстанціи на субстанцію, минеральныя комбинаціи, не только что порождаютъ

такіе оживляющіе флюиды и медіи, какъ электричество, магнетизмъ, свѣтъ и т. д., но и постоянно теряются въ ростительныхъ организаціяхъ. Посредствомъ подобной же дѣятельности и новой и высшей комбинаціи, или соединенія пригодныхъ частицъ и частичекъ, растительное царство теряется въ животной организаціи, а послѣдняя вторгается въ организацію и развитіе человѣка.

Вы замѣтите безъ сомнѣнія, что человѣкъ никогда не затериваетъ своей идентичности въ подчиненныхъ формахъ и организаціяхъ, что онъ не рабъ для нихъ, какъ онѣ для него рабы, и что онъ не назначенъ служить имъ необходимою для нихъ пищей, какъ онѣ служатъ ему; но что на оборотъ, минералы, растенія и животныя всѣ теряютъ свою идентичность или индивидуальность въ человѣкѣ, ибо онъ есть великое сосредоточенное произведеніе и соединеніе ихъ всѣхъ.

И такъ мы видимъ въ планетахъ, минералахъ, растеніяхъ, въ особенности же въ человѣческой системѣ, неопровержимыя откровенія законовъ ассоціаціи, прогресса и развитія, или универсальнаго и зиждительнаго стремленія всякой матеріи къ состоянію единства или индивидуализаціи. Это приводитъ насъ къ созерцанію очевидной реальности той истины, что каждая организація является болѣе совершенной по положенію, вліянію и значенію, въ сравненіи со всякой другой, которая ей предшествуетъ, начиная отъ минерала и до вершины т. е. до человѣка. Всѣ формы, которыя ниже человѣка и подвластны ему, образуютъ лишь части его; и чтобы вполнѣ понять, почему человѣкъ занимаетъ самое высокое положеніе и производитъ самое сильное вліяніе, наиважнѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ, мы должны пойти далѣе, и разсмотрѣть цѣль, для которой человѣкъ былъ созданъ.

Здѣсь я приведу извлеченіе изъ моего медицинскаго сочиненія *). Его ученія не во всемъ сходятся съ рѣшеніями популярныхъ физіологовъ, тѣмъ не менѣе, смѣю думать, что ихъ найдутъ согласными съ откровеніями природы и разума. Тамъ, гдѣ я толкую о мозгѣ, я говорю: «мозгъ имѣетъ

*) См. «Великая Гармонія», томъ I, «Врачъ».

три цѣли или отправленія: 1) онъ долженъ воспринимать вездѣсущее движущее Существо Великаго Божественнаго Духа, которое живетъ во всѣхъ существующихъ элементахъ и субстанціяхъ и извлекается изъ нихъ, въ особенности же изъ тѣхъ, которыя служатъ для питанія тѣла и удовлетворенія его разнородныхъ желаній и органовъ чувствъ. 2) Онъ долженъ концентрировать эту всеоживляющую существенность или эссенцію, утончать и вырабатывать, и потомъ распредѣлять ее по соотвѣтственнымъ частямъ подчиненной системы, по мѣрѣ относительныхъ стадій ея утонченія и прогрессирующихъ предначертаній ея обнаруженія, въ видѣ движенія Жизни и Ощущенія, и 3) онъ долженъ сообщить этой эссенціи или существенности крѣпкую, зародышевую и не сокрушимую организацію, связать ее съ элементами и субстанціями внѣшняго міра, дабы при помощи этой связи мозгъ могъ служить орудіемъ для движенія и управленія тѣломъ, и сдѣлать внутреннюю организацію способной обнаружить интеллигенцію (умъ) или сознаніе по отношенію къ самой себѣ и внѣшнимъ вещамъ.

По этому ясно, что физическій организмъ человѣка имѣетъ назначеніе выработать и установить вѣчную индивидуальность человѣческаго духа. Прочіе организмы менѣе совершенны и слѣдовательно не пригодны для осуществленія этой цѣли. Но могутъ сказать, что многія животныя имѣютъ качества индентичныя съ таковыми человѣка и даже во многихъ случаяхъ превосходящія ихъ, и что не совсѣмъ ясна причина, почему человѣкъ можетъ породить безсмертный духъ, а животное—нѣтъ. Я бы отвѣтилъ на это, что человѣкъ есть ультиматъ, окончательная организація, что Природа есть совершенная, могучая и изумительная Машина, которая построена по Универсальнымъ Механическимъ принципамъ ассоціаціи, прогресса и развитія, что посредствомъ этой машины производится и человѣкъ, и что мы получимъ объясненіе, если будемъ разсматривать человѣка какъ машину, которая способна индивидуализировать духъ. Животныя суть лишь части человѣка; онѣ только отдѣленія человѣческаго механизма. Позвольте разъяснить это больше. Представьте, что Вы желаете сдѣлать иглольную машину. Она строится прежде въ вашемъ умѣ или воображеніи—она стоитъ въ вашей

представительной способности готовая со всѣми ея частями. Вы идете дальше, чтобы собрать ея части и усовершенствовать ее по отношенію къ цѣлому. Вы сочетаете ея части, машина въ ходу и прекрасно исполняетъ свое дѣло. Ея задача индивидуализировать или изготовить иголку Здѣсь можно бы было съ одинаковымъ правомъ спросить: отчего же эти части не могутъ такъ же хорошо приготовить иглу, какъ вся машина, которая есть совокупность всѣхъ своихъ частей.

Очевидно, что цѣль Природы, индивидуализировать человѣка; что цѣль человѣка — индивидуализировать духъ. Но тутъ самъ собою поднимается вопросъ: какъ можетъ духъ существовать независимо отъ плоти и сохранить свою личность? Я наученъ сказать, что духъ можетъ быть разлученъ съ плотью и существовать независимо отъ нея, на томъ же основаніи, по которому тѣло можетъ быть отдѣлено и существовать независимо отъ природы; такъ какъ природа произвела тѣло, такъ же точно, какъ тѣло произвело душу; и здѣсь слѣдуетъ вспомнить, что одни и тѣ же неизмѣнные и вѣчные принципы творчества дѣйствуютъ однообразно вездѣ и во всѣ времена. И далѣе я наученъ, что духъ на томъ же основаніи сохраняетъ свою индентичность (или самосознательную личность), на какомъ каждая организація абсолютно различна отъ другой. Этотъ фактъ исключаетъ возможность поглощенія, амальгамаціи или дезорганизаціи. Различіе въ распредѣленіи ингерентныхъ или внутри живущихъ элементовъ кладетъ основаніе индивидууму въ этой жизни и на всѣ вѣки. Если бы души были одинаково устроены, то онѣ бы стремились неизбѣжно къ одному центру или срединному пункту; онѣ имѣли бы потребность занимать одно только положеніе и заполнить собой одну только мѣстность. Но такъ какъ тѣлесное устройство ихъ различно, то онѣ не только не могутъ, но и не желаютъ быть поглощенными или амальгамированными другими душами; а равно и не могутъ онѣ, какъ нѣкоторые поддались искушенію думать, исчезнуть въ Универсальномъ Духѣ или въ Великомъ Положительномъ Божьемъ сознаніи.

Существуютъ поэтому три доказательства, что душа сохранитъ свою идентичность, свое личное существо, свое

сознательное Я послѣ перемѣны, которую мы привыкли называть смертью. Онѣ суть слѣдующія: 1) Природѣ назначено развить человѣка матеріально т. е. тѣлесно. 2) Человѣческому тѣлу опредѣлено развить самосознательный Духъ. 3) Самосознательному духу назначено развивать себя различно отъ другихъ самосознательныхъ духовъ, и жить вѣчно. Это не однѣ только умозаключенія, не выводы построенные на гипотетическихъ основаніяхъ, но это, напротивъ, универсальныя удсотовѣренія и абсолютныя доказательства Творчества — фактически, это просто собственныя поученія самой Природы *). Я думаю, что понять, почему можно «вспоминать прошедшее и узнавать друзей» на томъ Свѣтѣ, нисколько не трудно для того, кто можетъ правильно думать о конечномъ сочетаніи и связи существующей между первой и второй сферой человѣческаго существованія и умѣетъ понимать ихъ. Это связь столь же тѣсная, какъ связь между юностью и зрѣлымъ возрастомъ, между любовью и мудростью, между воспріятіемъ и памятью. Опытъ, характеръ и прогрессъ индивида въ этой жизни сохраняются въ его памяти и въ той жизни, которая послѣдуетъ за этой и будутъ представлены имъ въ видоизмѣненномъ образѣ. Другъ или товарищъ, который произвелъ на насъ впечатлѣніе своею привязанностью, и расположеніемъ, здѣсь прійдетъ намъ на память и тамъ.

Выходъ изъ этой сферы въ ближайшую составляетъ для индивидуума перемѣну нисколько не большую, чѣмъ путешествіе изъ Америки въ Англію, за исключеніемъ почти совершенной эманципаціи, полнаго освобожденія отъ рудиментарныхъ недостатковъ и земныхъ несовершенствъ, которое непосредственно слѣдуетъ за этой перемѣной.

Такъ я наученъ касательно принциповъ, на которыхъ покоятся высокія и небесныя истины вѣчной жизни. Такъ я наученъ и о превращеніи, которое намъ извѣстно подъ именемъ физической смерти. И я могу увѣрить, что для

*) Существуютъ еще два другіе вида доказательства безсмертія души, именно: Независимость духа отъ тѣлеснаго организма, какъ она обнаруживается при ясновидѣніи; и духовныя или спиритуальныя сообщенія посредствомъ электрическихъ вибрацій. См. автора: «Философію Духовнаго Сообщенія».

убѣжденнаго и расширеннаго ума не существуетъ смерти, а есть только самая важная и очаровательная перемѣна вида личнаго существованія. И такъ какъ мы безсмертны и при насъ остаются личныя воспоминанія объ этой жизни, пока онѣ не будутъ замѣнены болѣе полезными и духовными, то рѣшимся сейчасъ же начать благоустроенную жизнь, усвоить себѣ Божественныя правила и обнаруживать ихъ на дѣлѣ.

Съ готовностью поучать и быть поучаемымъ остаюсь Вашъ и т. д. А. Дж. Девисъ.

Изъ предшествовавшаго разсужденія очевидно, что истина или Принципъ безсмертія приводятся къ наукѣ, къ математическому доказательству. Этотъ родъ умственной работы не для всѣхъ людей необходимо нуженъ; такъ какъ очень не много такихъ духовъ, которые отважились бы пуститься въ столь безпредѣльное и до сихъ поръ неразвѣданное море интеллектуальной спекуляціи: они опираются на вѣру Внутренняго Созерцанія, и имъ никогда и въ голову не приходитъ вопросъ о возможности или невозможности вѣчной тождественности (или постоянно пребывающаго сознанія своей личности), духа. Вышеприведенное письмо принесетъ, поэтому, особенную пользу только тѣмъ, которые обнаруживаютъ запутанныя представленія и мнительность относительно этого трезвычайно возвышеннаго предмета.